№ 34/714

792 : 792

Л 13с. и. лѣ 599

1830—1876.

СЦЕНА И ЖИЗНЬ

ВЪ ПРОВИНЦІИ И ВЪ СТОЛИЦѢ.



составлено

по воспоминаніямъ и запискамъ артиста императорскихъ московскихъ театровъ

Ив. Ив. Лаврова.



МОСКВА.
Изданіе книжн. магазина В. В. Думнова, подъ фирмою наслѣд. бр. Салаевыхъ.
1889.

Дозволено цензурою. Москва, Ноября 15-го дня, 1889 года.



Типографія Э. Лисснера и Ю. Романа, Арбатъ, домъ Платонова.

Многоуважаемый

Иванъ Ивановичъ!

Весьма благодаренъ я Вамъ за позволеніе познакомиться съ Вашими воспоминаніями. Я прочиталъ ихъ съ большимъ интересомъ и истиннымъ наслажденіемъ. Очень рѣдко приходилось знакомиться съ такимъ искреннимъ, дышащимъ жизнью и безыскусственнымъ до художественности изображеніемъ нашей провинціальной жизни въ тѣхъ сферахъ, которыхъ Вы касаетесь. Несмотря на случайность описываемыхъ Вами фактовъ, Вы даете живую картину, такъ сказать, подземныхъ, даровитыхъ силъ народной жизни, которыя пробиваются къ свѣту искусства. Какимъ препятствіямъ, какимъ случайностямъ, какому грабительству разныхъ эксплуататоровъ, какому хаосу жизни, способной ихъ подорвать, отданы онѣ на жертву! Художественная картина, нарисованная вами, съ одной стороны раскрываетъ передъ нами жизнь того міра, изъ котораго вышли крупные таланты, украшавшіе и украшающіе нашу сцену, собственными силами, безъ всякаго содѣйствія имъ, безъ всякаго попеченія объ ихъ воспитаніи и образованіи; съ другой — заставляетъ дивиться терпѣливой энергіи, съ какою русскій человѣкъ переноситъ лишенія, невзгоды и страданія, и съ какою легкостью способенъ онъ сбрасывать съ себя разнаго рода послѣдствія развращающихъ вліяній окружающей его среды. Наконецъ, она возбуждаетъ вопросъ

громадной важности: неужели эти творческія силы, которыя способны обогатить наше искусство, не избавятся отъ страшной возможности погибать безслѣдно? Неужели нельзя организовать для нихъ возможность находить правильный исходъ къ свѣту, къ которому онѣ стремятся и сознательно и безсознательно*). Сцена можетъ и должна стать живою силою нравственнаго воспитанія народа. Неужели не драгоцѣнны силы, способныя стать дѣятелями въ такой народной школѣ? Неужели такое значеніе въ народной жизни театра и ея дѣятелей можетъ быть оставлено въ небреженіи? То, что дѣлалось въ этомъ отношеніи управленіемъ Императорской Московской сцены въ прежнее время, характеризуютъ воспоминанія Ваши о времени служенія Вашего въ Московскомъ театрѣ. По моему мнѣнію, каждый русскій, которому дорога интеллигентная жизнь русскаго народа и жизнь русскаго театра, обязанъ со вниманіемъ прочесть Ваши воспоминанія. Поэтому, кромѣ благодарности съ моей стороны за ознакомленіе меня съ Вашими записками, позвольте мнѣ высказать Вамъ совѣтъ и даже просить Васъ напечатать ихъ и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше.

Съ искреннимъ и полнымъ къ Вамъ уваженіемъ

остаюсь преданный Вамъ

С. Юрьевъ.

1888 г. октября 29.

*) Неужели нельзя поставить дѣло провинціальнаго театра такъ, чтобъ антрепренерами были люди, достаточно образованные и любящіе и понимающіе дѣло?

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Не красно, какъ увидитъ читатель, складывалась жизнь русскаго артиста (да еще провинціальнаго артиста-самоучки) въ періодъ времени, обнимаемый предлагаемыми «воспоминаніями» И. И. Лаврова, — времени, когда на сцену могла толкать только неодолимая сила призванія, но не ставшіе возможными только въ наши дни виды на составленіе этимъ путемъ карьеры или состоянія. Не многимъ побаловало и автора излюбленное имъ искусство, которому онъ такъ много лѣтъ вѣрно служилъ со всѣмъ безкорыстнымъ и всѣ преграды одолѣвающимъ пыломъ истиннаго призванія. Не легко, наконецъ, далось ему даже и настоящее изданіе его воспоминаній о всемъ пережитомъ и выстраданномъ имъ на долгомъ артистическомъ его скитаніи.

Исторія этого изданія сама по себѣ уже достаточно поучительна для характеристики нашихъ литературныхъ нравовъ и условій нашего книжнаго дѣла.

Лѣтъ шесть тому назадъ кружокъ собиравшихся у меня еженедѣльно студентовъ и нѣсколькихъ близкихъ лицъ изъ учено-литературнаго міра впервые началъ знакомиться съ «воспоминаніями» И. И. Лаврова по отрывкамъ, въ чтеніи самого автора. Этимъ же путемъ, какъ выяснилось мнѣ впослѣдствіи, еще ранѣе «воспоминанія» стали хорошо извѣстны нѣкоторымъ московскимъ литературнымъ кружкамъ. Вездѣ чтеніе ихъ приковывало интересъ слушателей и пріобрѣтало лектору неподдѣльныя симпатіи послѣднихъ. Иного впечатлѣнія

и не могли они производить, какъ благодаря своему содержанію, такъ и по особенностямъ формы, отличающейся безыскусственностію, живостью и въ высшей степени рѣдкимъ въ произведеніяхъ нашего искалѣченнаго времени, почти *эпическимъ* спокойствіемъ. Въ такой-то формѣ, сама уже по себѣ исполненной свѣжаго и мощнаго обаянія, авторъ рисуетъ, рядомъ съ загадочнымъ, мало-извѣстнымъ бытомъ театральнаго міра своего времени, широкую, согрѣтую горячей любовью и правдивую картину родной и близкой намъ, хотя уже полузабытой жизни русскаго общества тридцатыхъ, сороковыхъ и пятидесятыхъ годовъ. Во всякомъ штрихѣ этой картины, во всякой ея подробности сказывается, что эта жизнь изображается страстно любящимъ ее при всѣхъ ея недостаткахъ, безхитростно благословляющимъ ее, свою кормилицу, даже за перенесенныя имъ отъ нея страданія и обиды, беззавѣтно-преданнымъ ей даже въ выходкахъ своего добродушнѣйшаго юмора — роднымъ ея, истинно-русскимъ сыномъ. Таково впечатлѣніе — освѣжающее согрѣвающее и ободряющее, — которое выносится изъ чтенія воспоминаній И. И. Лаврова о своей, далеко однакоже не богатой радостями, артистической жизни до 1876 года. Какая разница съ искусственными, вымученными воплями, стонами и проклятіями тѣхъ безчисленныхъ себялюбцевъ нашего времени, которые считаютъ обязательнымъ для себя долгомъ повѣдать читающему міру о томъ, какъ они, достигши двадцатилѣтняго возраста и ничего не попытавшись сдѣлать (кромѣ развѣ неудачныхъ экзаменовъ), уже изнемогли отъ «безплоднаго протеста», уже разбиты «враждой окружающаго», уже все родное разлюбили и прокляли и горды нынѣ лишь сознаніемъ, что «честно» заслужили «тернія, увѣнчавшія ихъ интеллигентное чело»...!!

И вотъ — только послѣ семи-восьмилѣтнихъ мытарствъ довелось повѣсти И. И. Лаврова увидѣть свѣтъ. Чего-чего не натерпѣлась она! Одинъ напр. издатель (крупный «интеллигентъ»), купившій рукопись на три года, около пяти лѣтъ продержалъ ее въ портфелѣ,

даже не приступивъ къ изданію; одна серіозная редакція не приняла ее на томъ основаніи, что сочиненіе имѣетъ *слишкомъ* русскій характеръ и чуждо обязательнаго протеста; другая — потому что она «слишкомъ безыскусственна», — что, съ точки зрѣнія петербургскихъ критиковъ, составляетъ не достоинство, а тяжкій грѣхъ. И долго еще не вышла бы она за предѣлы тѣсныхъ литературныхъ кружковъ, если бы не содѣйствіе покойнаго С. А. Юрьева, къ которому я надоумилъ И. И. Лаврова обратиться, и письмо котораго здѣсь печатается (для этой цѣли оно и было написано). Благодарно, какъ горячій любитель родной литературы, вспоминаю объ этой услугѣ покойнаго ея дѣлу, — содѣйствіи, въ значительной степени подвинувшемъ, какъ полагаю, уважаемаго В. В. Думнова согласиться на предложенное ему мною изданіе сочиненія, не входящаго въ сферу его издательской спеціальности.

1889 г. 12 февраля.

П. Е. Астафьевъ.



МОИ ВОСПОМИНАНІЯ.

Дѣтство.

Тетушка Марья Максимовна, старушка около ста лѣтъ, сказывала, что предки наши переселились въ Темниковъ откуда-то издалека, по случаю смутнаго времени; а какого и откуда именно — не запомнитъ. Одинъ разъ скажетъ изъ Малороссіи, а въ другой съ верховья Волги. Да и гдѣ ей было помнить! Еще дѣвочкой годковъ десяти-одиннадцати она слышала объ этомъ отъ своей бабушки, большой охотницы разсказывать сказки и разныя исторіи. Счастливая тетушка! То-то, чай, наслушалась диковинокъ! А теперь, вотъ, поди ты, все и перезабыла! Экая жалость! Безпамятная стала да къ тому же и худо слышала.

По разсказу ея и матушки моей, старики живали хорошо, вишь. Домъ былъ свой, а по хозяйству всего было вдоволь. Ну, конечно, въ тѣ-поры жилось просто, безъ лишнихъ затѣй; поборовъ было не столько, какъ въ наше время. Тогда и всѣ горожане жили зажиточно. Изстари, спóконъ вѣку владѣли лѣсами, землей, огородами, покосами и рыбной ловлей, и всѣмъ, что было въ городской межѣ. Всякой душѣ дѣлилось по-божески, правильно. Сироты и бѣдные — всѣ имѣли свою долю. Начальства тогда было мало; да и то почти никогда не входило въ городскія общинныя дѣла, съ горожанами жило согласно, довольствовалось немногимъ. Но вотъ наступило недоброе время... Нахлынуло новое начальство съ новыми уставами, указами; читаютъ мудреныя грамоты; звонятъ въ колокола, а народъ и въ толкъ не возьметъ!... Господи Боже мой!... Какъ почали они съ солда-

тушками укладывать новые порядки, такъ все вверхъ дномъ и пошло! Приказные эти — все народъ голодный да голый, а спесь-то большая!... Мы-де тоже дворяне, отъ царя довѣренные люди!... что повелимъ, то и исполняйте. Деньги, хозяйство общественное, всѣ дѣла — все забрали въ свои руки. И не стали властны горожане не только въ добрѣ, но даже и въ своей головѣ. Ну, стало-быть народъ и поразорился совсѣмъ. Отъ этихъ нудныхъ временъ и нашъ домъ разстроился. Дѣдушка Максимъ устарѣлъ; работа ему была ужъ невмоготу. Бабушка, извѣстно, только и знала свое домашнее задѣлье. Дядю Бориса отдали въ солдаты; другой дядя — Михайло въ отдѣлъ ушелъ. Мой отецъ — Иванъ бѣжалъ отъ рекрутчины. Можно бъ было охотника нанять, да нечѣмъ... Такъ дѣло и пошло вразладъ. Какъ наборы въ солдатчину-то поутихли, такъ отецъ и воротился домой. Принялся онъ исправлять хозяйство, — да что, плохо!... Подмоги нѣту! Надо было жениться, а то съ одними стариками ничего не подѣлаешь. Не медля, приступили къ этому дѣлу. Взяли въ замужество дѣвицу Надежду Өедоровну изъ дома Слезневыхъ (дѣдъ ея былъ сельскимъ священникомъ). Свадьбу сыграли веселую.

Вскорѣ послѣ свадьбы дѣдушка Максимъ Богу душу отдалъ. Онъ умеръ ста пятнадцати лѣтъ. Покойный въ послѣднее время сталъ ужъ совсѣмъ забываться. Бывало послѣ вечерни или всенощной зайдетъ въ чужой домъ да и давай раздѣваться и разуваться.

— Что это ты, дѣдушка Максимъ, дѣлаешь? Вѣдь ты не домой пришелъ!...

— А?... а гдѣ жъ я? скажетъ.

— У сосѣда Романа!... отвѣтятъ ему.

— Ну, хорошо.

Заберетъ въ руки все свое да съ проводникомъ и пойдетъ домой.

Бѣдны стали темниковскіе горожане. Отецъ мой Иванъ Максимовичъ тоже бился-колотился съ нуждой. Лавка съ мелочными товарами хотя и давала барыши, да поборы одолѣвали. А тутъ пошли дѣти. Съ ними вмѣстѣ еще больше росли и нужды. Самосудное, мудрое начальство все, чѣмъ прежде владѣли свободные жители, забрало на казну. Одна-

кожъ было столь милосердо, — объявило: кто хочетъ имѣть что-либо изъ оброчныхъ статей, то внеси по означенной табели деньги и цѣлый годъ владѣй.

— Вы, говоритъ начальство, избаловались, заѣлись!... Мало платили въ казну! Теперь не то: и подушныя, и поземельныя, и городскія разныя повинности, на полицію, на рекрутскія и на прогонныя, и чинамъ на прокормленіе — за все плати!... А ужъ натурой брали просто безъ счета.

Какъ и другимъ, пришлось отцу добывать втрое супротивъ прежняго. Вотъ и пустился онъ разъѣзжать по ярмаркамъ, частью съ своимъ, а частью съ чужимъ товаромъ. По отзыву всѣхъ родныхъ, отецъ мой былъ честныхъ и строгихъ правилъ, нравъ имѣлъ тихій, дружелюбный. Всѣ, знающіе его, любили искренно.

Къ прискорбію его отцовскаго сердца, всѣ дѣти одинъ за другимъ умирали, оставалась одна дочь Татьяна. Но три года спустя послѣ ея рожденія, благословилъ Господь увидѣть свѣтъ и мнѣ, рабу Божію Ивану. Несказанно рады были мои родители давно желанному мальчику. Съ большимъ торжествомъ и весельемъ справили крестины Иванушки.

Тетушка Наталья Ѳеодоровна, сестра матушки, слышала на крестинахъ моихъ разсказъ такой: Лѣтъ тридцать тому назадъ была такая оказія: такъ же, какъ и теперь, разгулялись на крестинахъ у протопопа. Было тутъ все духовенство и начальство. Ну, конечно, подпили всѣ изрядно. На ту бѣду мальчишка несетъ сову. Какъ увидѣли сову, всѣ вскинулись да и кричатъ: „Давай сову кстить! Давай сову кстить!...“ Тутъ, кто потрезвѣй-то, хотѣли было вразумить, — не тутъ-то было! Взяли птицу да законнымъ видомъ окрестили; а окрестивши-то, надѣли ей на шею золотой крестикъ... Только какимъ-то случаемъ птица урвись изъ рукъ, да и въ окно... Вилась, вилась надъ городомъ, да и сядь на соборной колокольнѣ. Сидитъ, а крестикъ-то на ней сіяетъ!... Тутъ всѣ спохватились, кричатъ: „Лови птицу! Лови сову!“ А какъ ее словишь на экой вышинѣ? Бились, бились — никоимъ побытомъ! Жутко стало шутникамъ. Заговорилъ объ этомъ весь городъ. Наѣхалъ какой-то важный чиновникъ — и поднялось дѣло. Но видно воронъ ворону глазъ не выклюетъ. Такъ и въ этомъ дѣлѣ: кончилось все миролюбиво; птицу под-

стрѣлили, а дѣло предали забвенію. Но съ тѣхъ поръ всѣ въ окружности стали звать темниковскихъ жителей „совокстесами“.

Не долго довелось моему бѣдному отцу любоваться на своего сына. Скитальческая жизнь разстроила его здоровье. Къ этому еще, на бѣду, весной, ѣхавши съ какой-то ярмарки, попалъ онъ въ зажору и намокъ, стало — простудился еще больше. Какъ пріѣхалъ онъ домой, то и свалился въ постель. Схватила бѣднаго злая горячка, которая и покончила его жизнь. Въ то время мнѣ было года полтора. Бѣдная мать моя съ ума сходила отъ горя. Тутъ потеря мужа, а впереди безнадежное положеніе и двое дѣтей-малютокъ на рукахъ! Къ этому несчастью, за долги приходилось продавать лошадей и много всякаго добра и товара; едва-едва уцѣлѣлъ домъ.

Прошло два-три года послѣ смерти отца, а положеніе матушки становилось все хуже и горше. Печеніе калачей и саекъ мало приносило ей пользы и столько же, если не меньше, давала доходу мелочная лавочка. Пришлось изъ-за нужды продавать домъ. Кто родился и выросъ въ своемъ домѣ, тотъ пойметъ каково-то легко терять его ради насущнаго хлѣба.

Смутно вспоминаются мнѣ дни моего дѣтства. Это было мнѣ, должно быть, лѣтъ пять или шесть. Счастливое, завидное время!... Жилось радостно, беззаботно!... Далеко, далеко въ памяти мелькаютъ передо мною сѣнница, амбаръ, огородъ, садъ и солодовня, гдѣ мы играли въ прятки съ Таней и сосѣдними товарищами. Помню, какъ однажды мы были напуганы гугуканьемъ домового въ сосѣднемъ опустѣломъ домѣ. Были смѣльчаки такіе, что входили въ заросшій дворъ и заглядывали въ слуховыя окна; иные будто бы видѣли даже покинутаго домовика... Плачетъ, стонетъ, вишь, сердечный!... Кручинится о пустотѣ дома... Какъ дрожали мы съ сестрой отъ страха при разсказахъ этихъ! Какъ робко и тѣсно прижимались мы къ матушкѣ, когда ложились спать!

На другой годъ, весной, матушка моя принуждена была продать свой домъ. Лѣтомъ поѣхали всѣ въ Нижній, должно быть, на ярмарку. Отъ самаго Темникова и до Арзамаса, помню, все-то ѣхали мы дремучими лѣсами и ѣхали-то не одни, а со многими попутчиками. Мѣстами такъ въ лѣсу и

ночевали. Какъ страшно было, когда завоютъ волки!... А звѣря всякаго въ этихъ мѣстахъ много.

Во время прожитія на ярмаркѣ я было пропалъ. Матушка моя какъ была занята весь день торговлей, такъ въ суматохѣ и не могла усмотрѣть за дѣтьми. Играя съ мальчишками, зашелъ я съ Песковъ на Сибирскую пристань, да тамъ и затерялся. Подходитъ вечеръ, а я все хожу и съ плачемъ ищу маму. Нищенка одна подошла ко мнѣ, дала яблоко, уговаривая, чтобы я не плакалъ, что она доведетъ меня до дому. Завела она меня на барку къ хозяину, человѣку зажиточному, но бездѣтному. Ему и сдала, выдавъ за своего племянника. Тотъ, конечно, былъ радъ такой находкѣ. И какъ скоро наступила ночь, онъ приласкалъ меня, уложилъ спать; а на другой день, угостивъ сластями, облекли въ красную рубаху, шляпу, сапоги, — однимъ словомъ, разрядили отмѣннымъ праздничнымъ бурлакомъ. Ну-съ, хорошо! А между тѣмъ мать моя и ночью и днемъ мыкалась повсюду, разыскивая своего сына. Конечно, ея поиски были бы напрасны, если бъ Господь Богъ не послалъ случай напасть на слѣдъ. Привелось полицейскому быть на этой баркѣ, и узналъ онъ, что хозяину привели мальчика, невѣдомо какого, а какъ хожалому было извѣстно, что въ полицію подано заявленіе о пропавшемъ мальчикѣ, то и донесъ начальству. Взяли меня къ частному. Пришла сюда и мать моя. Увидѣвъ меня, она радостно зоветъ къ себѣ, а я, уже напуганный чужими людьми, не узналъ ее, да и нейду къ ней. Частный и говоритъ:

— Это, любезная, вѣрно не твой сынъ?... Онъ тебя не признаетъ!

Что дѣлать? Пока судъ да разборъ, да справки, а я тѣмъ временемъ пирую у начальника и съ дѣтьми его войну веду, — чудо!... Однакожъ знакомые и сродичи матушки засвидѣтельствовали, что я точно ея сынъ. Ну, меня и сдали ей на руки.

Отъ этой ярмарки въ памяти моей остались сидящіе на рядахъ каменные китайцы. Какъ-то, вечеромъ, шли мы, съ сестрой Таней, мимо этихъ лавокъ съ истуканами. Въ сумеркахъ-то казалось, что на крышахъ сидятъ какіе-то страшные люди, казалось они протягивали руки, чтобы схватить меня. Ухъ! какъ я былъ напуганъ... Даже заплакать боялся. Отъ страха въ горлѣ хрипѣло.

Несмотря на запреты матери, я снова разгуливалъ по ярмаркѣ. Заходилъ даже за мостъ, въ городъ. Тамъ бѣгалъ по горамъ. Иногда звонъ продажныхъ колоколовъ на Пескахъ приманивалъ меня къ себѣ, и я, соревнуя товарищамъ, усердно трезвонилъ, что есть мочи. Какая радость, какое удовольствіе было!... Послѣ того бродилъ по заплескамъ Оки и, убаюканный ея волнами, засыпалъ на берегу, въ тальникахъ.

Не знаю по какому случаю, только мы остались зимовать въ Нижнемъ. Страшно лютая была зима въ этотъ годъ (1833). Жили мы у церкви Казанской иль Никольской, — хорошенько не припомню.

Весной, помню, когда тронулся ледъ, вотъ былъ страхъ-то!... А вода какъ разлилась отъ Оки и Волги! — не видно и береговъ-то... Тамъ, далеко, сёла, деревни, лѣса — все затонуло. А потомъ поплыли суда и лодки. Какъ съ горы-то смотришь, — суденышки съ парусами кажутся словно чайки. Пѣсни несутся по рѣкѣ — любо слушать!... А по Волгѣ и Окѣ, у пристаней и на островахъ вечеркомъ горятъ веселые огоньки; такъ вотъ и манятъ къ себѣ. Съ той поры очень полюбилась мнѣ Волга.

Послѣ ярмарки отправились мы на свою родину. Ѣхали съ обозомъ по уговору: на горку встать, подъ горку сѣсть. У Арзамаса есть селеніе, помнится, Вызново. Разсказывали, что село это считалось разбойничьимъ притономъ, и даже сами жители занимались грабежами по дорогамъ. Говорили, будто, по одному убійству, ихъ накрыли и нашли на дворахъ много зарытыхъ людей, за что по суду опредѣлено было изъ десяти одного, наказавъ кнутомъ, заклеймить и сослать въ Сибирь. Правда ль это все было, — не знаю, а разговоръ между родными слышалъ. За Арзамасомъ, къ Саровской пустынѣ опять потянулись вѣковые темные лѣса — и днемъ-то жутко было ѣхать ими. Черезъ нѣсколько дней съ большой дороги, просѣкой, свернули мы въ Саровскую пустынь. Здѣсь матушка сводила насъ съ Таней къ отцу Сарафиму подъ благословеніе. Благочестивый старецъ охотно насъ принялъ и обласкалъ.

Радостно встрѣтилъ я родимый мой Темниковъ. Пріятно было увидѣть снова и родныхъ и товарищей. Какъ и прежде, шумной толпою бѣгалъ съ ребятами по завѣтному бору.

Одинъ разъ мы, большой ватагой, кажется, въ праздникъ, еще съ утра ушли за городъ, въ заповѣдный лѣсъ. Старшіе мальчики, украдкой, захватили съ собою трубки, табакъ, огниву, трутъ и кремни. Зашедши въ боръ, усѣлись въ кружокъ и принялись раскуривать трубочки. Только высѣкали, высѣкали — никакъ не добудемъ огня, да и только! Перемѣнили мѣсто, гдѣ посуше, —тамъ та же исторія. Но одначе кое-какъ раскурили и съ пѣснями, криками, пошли дальше. Но скоро веселье наше обернулось въ горе. Гдѣ мы раскуривали-то — показался сначала дымъ, а потомъ и огонь. Увидя это, мы всѣ бѣжать — кто куда попало!... Я съ двумя мальчиками, постарше меня, забѣжали въ такую глушь, что не знали куда и дѣться. Подняли плачъ, но какъ онъ не помогалъ — унялись. Пошли въ гору и скоро, къ несказанной радости, завидѣли крышу и плетень. Только что стали выходить на поляну, какъ изъ избушки выскочилъ старикъ съ большущей бородой, а въ рукахъ-то у него рогатина и топоръ. Какъ глянулъ онъ на насъ, такъ и вскинулся:

— Вы какъ сюда попали?

— Дѣдушка, заблудились...

А у самихъ руки и ноги такъ и трясутся.

— Да откель вы?

— Городскіе, дѣдушка!...

— Ахъ вы, бѣсенята!... пошли въ избу!... а то медвѣдь съѣстъ! Вонъ онъ у меня плетень повалилъ и ломаетъ улья. Пошли, пошли скорѣе!

Мы, отъ страха не помня себя, вбѣжали въ избу, забились въ уголъ и вымолвить-то боимся. Только и слышится усталое дыханье. Вдругъ раздался ревъ медвѣдя и брань старика... Должно быть между ними схватка была важная!... Смотримъ, вошелъ старикъ въ избу весь въ крови, платье-то на немъ порвано. Бросилъ онъ топоръ, сѣлъ на лавку, а самъ и не продохнетъ. Нѣтъ, нѣтъ — насилу-то проговорилъ:

— Провалъ-те возьми!... Измаялъ, окаянный! ишь ты повадился... А теперя нѣтъ!... Будетъ тебѣ... Не станешь медкомъ-то лакомиться!

А мы прижались въ уголкѣ и ни гу-гу! Очень напугались. Только всталъ онъ и глянулъ на насъ.

— А! Вы здѣсь?... Ну, что жъ мнѣ съ вами?... Идите за мной, я васъ выведу...

И вправду, скоро вывелъ на большую дорогу. Указавъ направо, сказалъ:

— Вотъ такъ все идите, прямо, будете въ городѣ. Ишь шляются куда! Прýтомъ бы васъ!...

Пустились мы безъ оглядки, что есть мóчи. Домой-то ужъ ночью прибѣжали. Какъ водится — подъ ворота и на полати... Вотъ тебѣ и вся не долга!

Матушка помѣстилась съ нами у дяди нашего, Ивана Евменовича. Въ это время отдали меня учиться грамотѣ къ дьячку иль понамарю — не помню. Ужъ и лупилъ же меня этотъ мудрый наставникъ! толчковъ, пинковъ, потасовокъ — счета не было! а отъ линеечныхъ ударовъ на ладоняхъ опухоль такъ и не сходила. Я къ этому даже и попритерпѣлся, да умудрился добрый учитель бить по щипку... Скверное наказаніе!

Тѣсненько стало роднымъ отъ насъ. Сами-то они тоже люди бѣдные. Матушка рѣшилась купить домишко на деньги, оставшіяся отъ продажи прежняго дома. Помнится, она заплатила за домъ сто пятьдесятъ рублей ассигнаціями. И вотъ мы стали жильцами Милліонной... Хуже и бѣднѣе этой улицы въ городѣ не было. Хибарушка наша была только съ однимъ окномъ на улицу, а то все были слуховыя. Отсюда я уже постоянно ходилъ учиться. Учитель такъ мнѣ сдѣлался страшенъ и противенъ, что бывало гдѣ увидишь его на улицѣ, — такъ поджилки и затрясутся, и вмѣстѣ съ тѣмъ чувствуешь тошноту и сонливость, какъ будто сидишь на учебной скамейкѣ.

Тоже, вотъ, куда какъ непріятно было вставать праздниками къ заутренѣ и потомъ нетерпѣливо ожидать конца обѣдни. Ѣсть страхъ какъ хочется утромъ-то, — а не даютъ! Грѣхъ, говорятъ. И вѣдь что дѣлаешь-то въ церкви... Спишь да и только! Зато ждешь, не дождешься Рождества, чтобы наславить побольше грошей. Но съ особенной радостью встрѣчалъ я, какъ и всѣ товарищи, день Свѣтлаго воскресенья. Постомъ-то Великимъ и больше того Страстной недѣлей такъ

тебя наморятъ тюрей да толокномъ съ водой, что розговѣнья-то ждешь не дождешься.

Пришло лѣто. Надо итти въ Нижній. Таню мама оставила въ Темниковѣ у родныхъ, а меня взяла съ собою. Пошли мы пѣшкомъ. На дорогѣ, помню, попался намъ волкъ; онъ грызъ кость и, завидя насъ, ушелъ въ лѣсъ. За Саровской пустынью застала насъ страшная гроза. Въ виду нашемъ раздробило дерево на мелкіе кусочки, — только и осталось въ памяти отъ этой дороги.

Нижній Новгородъ.

(1834 годъ.)

Снова увидѣлъ я знакомыя мѣста. Вотъ горы, овраги, гдѣ я бѣгалъ съ уличными товарищами. Вдали виднѣются ряды съ страшными китайцами. А тутъ, подъ ногами, пловучій лѣсъ, съ разноцвѣтными лентами, съ расписными, узорчатыми боками судовъ. Сердце затрепетало отъ радости, слыша бурлацкія пѣсни. Здравствуй, Ока! Здравствуй, матушка Волга!...

Попрежнему бѣгалъ я по ярмаркѣ и по всѣмъ знакомымъ мѣстамъ. Особенно манили къ себѣ Петрушки, райки и балаганы. Но скоро пришелъ конецъ моей дѣтской, свободной и беззаботной жизни! Простился я съ нею навсегда, навсегда!...

Матушка отдала меня въ наученье къ какому-то ростовскому торговцу, продававшему деготь, овесъ, сѣно, лошадиную упряжь и вообще разный товаръ для деревенскихъ покупателей. Ужъ очень рада была маменька, сбывъ меня съ рукъ въ надеждѣ увидѣть со временемъ своего сына лихимъ торговцемъ. Бѣдная! Какъ она убивалась, плакала, прощаясь со мною. Впервые почувствовалъ и я горе разлуки... Хозяинъ мой повезъ меня съ обозомъ въ Ростовъ.

Ростовъ.

Тяжелая, сиротская жизнь пришла мнѣ, когда мы поселились въ Ростовѣ. Городъ мрачный, съ развалившимся кремлемъ, наводилъ тоску. Только колоколъ соборный могучимъ и мягкимъ звукомъ услаждалъ мое одиночество; а я всегда страстно любилъ звуки большихъ колоколовъ. Служа хозяевамъ, сталъ я частенько принимать побои, особенно отъ хозяйки. Злая

была женщина!... Хозяинъ иногда вступался за меня и колотилъ ее, но это было къ худшему: она еще больше тиранила меня, какъ только его не было дома. Могъ ли я вынести такую жизнь!... конечно, заболѣлъ. Хозяинъ мой, должно быть, изъ жалости къ ребенку, рѣшился отправить меня къ своему родному брату, который верстъ за сорокъ отъ Ростова, въ деревнѣ, былъ цѣловальникомъ. Обрадовался я такому случаю. На новомъ мѣстѣ тоже не легко было привыкать къ ловкости подталкивать крючки съ водкой и всякимъ способомъ надувать міръ православный!... Ну, а потомъ и тутъ стало житье не слаще ростовскаго. Кабатчикъ, хозяинъ мой, съ рытымъ лицомъ и страшно обрѣзанными вѣками, тоже частенько поколачивалъ меня. Сколько слезъ пролилъ я, вспоминая матушку и свою прежнюю жизнь! Тутъ еще, однажды, случилась со мною бѣда. Какъ-то разъ, страшный мой хозяинъ отправился ночью... куда и зачѣмъ, — не знаю. Оставивъ меня одного, строго-настрого наказалъ не спать и дожидаться его возвращенія. Долго я крѣпился, но не смогъ одолѣть сна... Вдругъ меня пробудили жгучіе удары кнута... Три дня лежалъ я безъ памяти, и когда очнулся — первой думою была молитва къ Богу, чтобы Онъ избавилъ меня отъ такой жизни, хотя бы смертью. Къ счастью, прежній хозяинъ пріѣхалъ навѣстить брата. Увидѣвъ меня въ такомъ положеніи, взялъ къ себѣ обратно. Только мы поѣхали не въ Ростовъ уже, а въ деревню, гдѣ онъ снялъ тоже кабакъ.

Надобно сказать, что матушка моя, по незнанію своему, забыла взять отъ хозяина письменный договоръ, и меня отдала ему такъ, на слово, и даже безъ паспорта. Я могъ бы совсѣмъ пропасть. Однако, ее надоумили родные, и она отправилась на поиски за мною. Это было передъ весной. Послѣ трудныхъ исканій, мать моя, наконецъ, нашла меня сидящимъ за стойкой. Боже! какъ я радостно плакалъ, увидѣвъ ее!... Хозяина не было дома, и матушка, боясь придирокъ, тотчасъ же взяла меня съ собою. И вотъ я, въ видѣ ловкаго деревенскаго парня, потянулся съ обозомъ въ Темниковъ. Путь нашъ былъ черезъ Суздаль и Муромъ. Хотя смутно, но помню, что эти два города показались мнѣ лучше, красивѣе Ростова.

Вотъ веселье-то, когда мы возвратились въ Темниковъ! Тутъ-то началъ я понимать, что̀ значитъ родина!...

Въ Темниковѣ не долго довелось мнѣ пожить. Матушка задумала съ обоими дѣтьми итти въ Москву, гдѣ жилъ ея дядя, Александръ Ивановичъ Кушенскій. Его сыновья служили чиновниками. Одинъ, Андрей Александровичъ, былъ секретаремъ въ гражданской палатѣ, а другой — правителемъ дѣлъ у гражданскаго губернатора Небольсина. Этимъ-то роднымъ рѣшилась матушка вручить судьбу своихъ дѣтей.

Прощай, Темниковъ! Прощайте, родные и товарищи моего дѣтства! Быть можетъ, никогда я уже не свижусь съ вами, но не забуду я васъ и тѣ веселые, беззаботные дни моего дѣтства... Не забыть мнѣ темныхъ заповѣдныхъ лѣсовъ, свѣтло-прозрачной рѣки Мокши, съ ея бархатными песками, и тѣхъ чудныхъ ночей, проведенныхъ на покосахъ!... Бывало вокругъ зажженнаго костра мы выслушивали то чудесныя, волшебныя сказки, то страшные разсказы о вѣдьмахъ и лѣшихъ. Потомъ ложились на душистое сѣно и, глядя на отражающійся въ водѣ огонь костровъ, засыпали; а тамъ, кругомъ, въ лѣсахъ дико и страшно раздавалось завыванье волковъ. То чудное было времечко!...

Проходя путемъ мимо Саровской пустыни, мы, конечно, не преминули зайти помолиться и испросить благословенія отъ благодѣтеля бѣдныхъ, добраго и благочестиваго старца, отца Серафима. Но, къ большому нашему огорченію, его уже не застали въ живыхъ.

Съ немалымъ трудомъ дошли мы до Мурома. Отсюда матушка присадила насъ съ Таней на обозъ, ѣхавшій въ Москву. На бѣду нашу, въ эту пору наступили холода, морозы; отъ нихъ мы много перетерпѣли.

Москва.

1835 годъ.

— Вотъ и Москва — золотыя маковки!... сказалъ намъ извозчикъ, указывая кнутомъ на вдали въ туманѣ виднѣвшійся городъ.

Мы съ любопытствомъ и удивленіемъ воззрились на ту чудную Москву, о которой такъ много разсказывали намъ офени и богомольцы-странники.

— Господи, Господи! Какой большой городъ-то!... А кресты-то, кресты какъ сіяютъ!... воскликнули мы.

— Да, — проговорилъ извозчикъ, — Москва пуще лѣсу: зайдешь и не выйдешь...

И какихъ диковинокъ не насказалъ онъ намъ! Особливо о Кремлѣ и Китай-городѣ. Съ разинутымъ ртомъ отъ удивленія и оглушенный шумомъ, ѣхалъ я улицами Москвы. Ѣхали, ѣхали и, казалось, конца краю не было. У Ильинскихъ воротъ мы разстались съ добрымъ извозчикомъ.

— Какъ-то примутъ насъ родные... со вздохомъ проговорила матушка.

Близъ Петровки, въ домѣ Касаткина, жилъ мой дядя Андрей Александровичъ съ своимъ отцомъ. Къ нему-то мы и отправились.

Благодаря Бога, родные нами не погнушались, приняли ласково и пріютили пока у себя.

Вскорѣ маменька, получивъ денежное пособіе, поселилась съ нами на квартиркѣ, ожидая, когда пристроятъ ея дѣтей добрые родные.

Дѣдушка Александръ Ивановичъ пожелалъ было отдать насъ въ театральную школу, но сыновья его на это не согласились. Они находили, что лучше насъ научить какому-нибудь ремеслу. Это сотворилось по совѣту недоброжелательной къ намъ ихъ экономки. Поэтому сестру Таню отдали въ ученье къ портнихѣ на пять лѣтъ, а для меня еще не было случая. Но дядя Дмитрій Александровичъ какъ былъ хорошо знакомъ съ фабрикантомъ К. В. П. и его намѣреніе было помѣстить меня къ нему на фабрику.

Почти все лѣто разгуливалъ я по Москвѣ, любуясь ею. Чаще всего ходилъ въ Кремль, восхищаясь имъ. Его громадныя, позлащенныя церкви и идущія кругомъ стѣны и башни куда лучше и больше Нижегородскаго кремля. А звонъ колоколовъ Ивана Великаго приводилъ меня въ восторгъ и трепетъ. „Вотъ“, думалъ я, „если бъ зазвонить въ тотъ огромный колоколъ, что̀ ушелъ въ землю... Заглушилъ бы, поди!...“ А пушки такъ страшно выглядывали на меня, что я съ боязнью смотрѣлъ на нихъ, какъ бы не стрѣльнули... Полюбилъ я Кремль въ то время крѣпко!...

Но вотъ прошло лѣто, и мнѣ объявили, что скоро поведутъ

къ мѣсту. И вправду, черезъ недѣлю, этакъ, повезли на фабрику П—ва и помѣстили въ число фабричныхъ мальчиковъ, которыхъ тамъ было человѣкъ до ста; всѣ они жили въ двухъ огромныхъ комнатахъ съ койками. Сначала мнѣ было очень неловко и дико. Товарищи нѣкоторые обошлись со мною грубо, съ насмѣшкою, называя „тюфякомъ", „волкомъ"; но другіе были ласковѣе, приглашали раздѣлить съ ними игры. Мало-по-малу я началъ привыкать къ новой жизни и къ товарищамъ. Но тягостно мнѣ было это житье: все по заказу, все по стрункѣ, все присмотръ за тобой... Пошли безпрестанныя угрозы и подзатыльники отъ надзирателей. Надо было все дѣлать по звонкамъ: вставать, молиться Богу, обѣдать и ложиться спать. Помѣстили меня сначала въ лабораторію, гдѣ невыносимый запахъ спирта и красокъ просто приводилъ въ отчаяніе. Часто я выбѣгалъ на воздухъ, чтобъ отдышаться, но мастера воспрещали это, и если я ослушался, то получалъ побои. Вѣроятно, натура моя не вынесла, и я заболѣлъ. Докторъ, осмотрѣвъ, присовѣтовалъ удалить меня изъ лабораторіи. Такимъ образомъ, по выздоровленіи, я былъ уволенъ отъ должности химика и назначенъ къ ношенію красокъ набойщикамъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ назначенные часы ходить учиться въ школу, которая находилась тутъ, на фабрикѣ. Такъ тянулась моя вялая, безцвѣтная жизнь. Въ церковь насъ водили исправно, каждый праздникъ. Изъ мальчиковъ составленъ былъ хоръ пѣвчихъ, подъ руководствомъ наемнаго регента. Въ число пѣвчихъ попалъ и я. У меня оказался хорошій альтъ. Кромѣ школы посылали меня учиться рисовать и вырѣзывать на доскахъ цвѣты и узоры. Рисовать я научился изрядно. Ученье въ школѣ мало приносило мнѣ пользы. Непонятное преподаванье учителей нисколько не разъясняло заучиваемыхъ наизусть уроковъ.

Не помню хорошенько, а кажется на третьемъ году моего житья на фабрикѣ случилась со мною такая оказія, что я едва не лишился жизни. Дѣло было вотъ какъ: у машины, гдѣ между валами проглаживаютъ ситецъ, я разбиралъ и выравнивалъ края штукъ. Какъ вдругъ, увидя на валу завернувшійся край матеріи, хотѣлъ его поправить, но пальцы прилипли къ ситцу и ихъ потащило въ валъ... Я рванулъ руку, выбѣжалъ на дворъ и въ корытѣ съ водой началъ полоскать

руку. Весь въ крови, однакожъ молча, выносилъ боль, боясь наказанія: на фабрикѣ за все наказываютъ. Мастеръ мой, увидѣвъ на валу кровь, почти тотчасъ же остановилъ машину, спрашивая: кто попалъ? Но никто не отвѣчалъ. Про меня жъ забыли, думая, что можетъ быть такъ ушелъ кудань-нибудь. Однако, выйдя на дворъ, увидѣли толпу народа, окружившую плачущаго мальчика. Прибѣжалъ помощникъ доктора и, отведя меня въ больницу, занялся исправленіемъ размозженныхъ пальцевъ. Боль была очень велика, но страхъ, что меня накажутъ за эту исторію, былъ еще больше. Главный приказчикъ даже пригрозилъ мнѣ. Проболѣлъ я отъ этой исторіи довольно долго. Однако выздоровѣлъ. Пальцы исправили, только знаки остались.

Надоѣло, опротивѣло мнѣ фабричное житье. Задумалъ я уйти отсюда. Но какъ и куда? И кто это мнѣ позволитъ?... Я уже терялъ всякую надежду, какъ вдругъ неожиданно случай выручилъ. Въ какой-то праздникъ были у хозяина гости и, обходя фабрику, зашли на островъ послушать нашъ хоръ. Одинъ гость, М. А. П—въ, пожелалъ имѣть трехъ мальчиковъ для конторы. Ему предложили выбрать изъ насъ тѣхъ, которые ему понравятся. Онъ выбралъ меня, Павла Никитина и третьяго, Сергѣемъ звали. Намъ объявили, чтобы мы завтра утромъ собрались и отправились за Серпуховскую заставу, на фабрику М. А. П—ва. Тамъ мы должны заниматься въ конторѣ. Сердце мое забилось великой радостью... Какимъ ангеломъ-избавителемъ казался мнѣ будущій мой хозяинъ. На слѣдующее утро призваны мы были къ К. В. П—ву, гдѣ, въ присутствіи инспектора и главнаго приказчика — нашихъ страшилищей, далъ намъ наставленіе, какъ себя вести и притомъ не забывать его благодѣяній, а также помнить и чтить своихъ бывшихъ наставниковъ и учителей. Ни одного слова не вынесъ я отъ бывшаго хозяина; я весь былъ занятъ одною думой: какъ бы поскорѣе вырваться... Что, если отдумаютъ, да оставятъ?... Но, слава Богу, вышли за ворота съ узлами своихъ небольшихъ пожитковъ, и я вздохнулъ свободно. Давно такъ легко я не дышалъ. О будущемъ я разсуждалъ такъ: ужъ навѣрное хуже не будетъ!

Плисовая и кордовая фабрика М. А. П—ва.

Фабрика эта находилась за Серпуховской заставой, у Москвы-рѣки. Владѣлецъ ея, М. А. П—въ, былъ человѣкъ очень хорошо образованный и притомъ честный и добрый. Когда-то отецъ его былъ богатъ, но по какому-то случаю разорился; кажется, у него потонули корабли съ товарами. М. А. прежде занимался въ купеческихъ конторахъ. Случай свелъ его съ извѣстнымъ богачомъ и ростовщикомъ С—мъ, у котораго было нѣсколько дочекъ, и одна изъ нихъ куда какъ нехороша собою, къ тому жъ и глупенька, — это С. Х—на. М. А. въ то время жаждалъ крупной дѣятельности. По совѣту близкихъ ему людей, онъ сосватался и женился на С. Х—нѣ. Вотъ на деньги жены онъ и устроилъ эту фабрику. Конечно, съ этимъ ограниченнымъ капиталомъ онъ не могъ бы сладить такое дѣло, но ему помогъ полковникъ Н. А. В—въ, имѣвшій также фабрику бумагопрядильную въ Горенкахъ. Они и прежде были хорошо знакомы, а тутъ ихъ уже связала промышленность.

Живя на этой фабрикѣ, любимымъ нашимъ препровожденіемъ времени въ праздники было катанье на конькахъ и ходить на кулачный бой. Въ то время подъ Москвой бои бывали большіе, особенно въ нашей сторонѣ. Изъ Москвы, Даниловской слободы, съ фабрикъ сходилось множество любителей; въ противной собирались Тюфелевскіе фабричные, кожуховскіе и коломенскіе крестьяне. Съ двухъ-то сторонъ народа сталкивалось по нѣскольку тысячъ. Бывало дрожитъ, дрожитъ ретивое, и не утерпишь — бросишься въ малую схватку. Ну, конечно, останешься доволенъ: синій глазъ, пухлый носъ и потеря шапки были наградой за геройство. Часто гоняли нашу стѣнку, — зло беретъ! Вотъ однажды почтенное купечество привезло съ собою истыхъ, знаменитыхъ бойцовъ. Поставили молодцамъ зелена винца и положили на совѣтѣ: во что бы ни стало угнать супротивниковъ. Та сторона тоже, вѣроятно, собралась съ тѣмъ, чтобы угостить нашу „по-русски“, что называется. По краткомъ совѣщаніи,

послали мальцовъ на задоръ — и дѣло пошло!... Ухъ! Боже мой, что это были за свалки!... Наши раздѣлились на нѣсколько партій. Главные бойцы скрывались у зрителей и за оврагами. Сначала дѣло шло то такъ, то сякъ: то мы ихъ погонимъ, то они насъ. Но вотъ вышелъ съ нашей стороны купчина. Водворя на время миръ, поставилъ на рубежѣ въ нѣсколько ведеръ боченокъ съ водкой, тутъ же и кульки съ калачами и сайками, объявивъ бойцамъ: за кѣмъ останется это мѣсто, тотъ и завладѣетъ добромъ. Пошла потѣха!... Всѣ прежніе планы, всѣ совѣщанія брошены. Слетѣлись обѣ стѣнки такъ скоро, что маленькіе бойцы едва успѣли разбѣжаться въ стороны, чтобы дать мѣсто бо́льшей силѣ. Раздался стонъ, словно поднялась буря... Закрутился снѣжный вихрь, точно завируха... То тамъ, то сямъ валились груды людей. Руки, какъ лѣсъ, поднимались и падали, производя глухой трескъ и гулъ... Но вотъ бой принялъ болѣе грозный видъ: ворвались самые сильные и самые ловкіе изъ бойцовъ. Со стороны нашей вытянулся рядъ изъ нѣсколькихъ десятковъ дюжихъ, брадатыхъ молодцовъ. Напрасно противники рвались сбить ихъ, бросались подъ ноги цѣлой гурьбой, — они были непобѣдимы. Вдругъ отдѣляется изъ могучей нашей стѣны молодой, высокій парень, взмахнулъ длиннѣйшими руками, вскрикнулъ зычнымъ голосомъ: „За мной!“ и въ тотъ же мигъ страшно поразилъ лучшаго бойца Тюфелевскаго. Товарищи, его соратники, тоже, воспрянувъ разомъ, какъ буря, ринулись за нимъ, и ни что не удержало такого напора... Вся громадная гурьба Тюфелевская закачалась и бросилась бѣжать къ рощѣ. Это придало московской сторонѣ еще больше духа, — всѣ кинулись за бѣгущими вдогонку. Въ рощѣ противники хотѣли было удержаться при помощи свѣжей силы, тамъ бывшей, но это было напрасно: съ бо́льшимъ ожесточеніемъ пала на нихъ преслѣдующая сторона, и бѣдные тюфельцы были загнаны даже за свои фабрики. „Баста ребята! Довольно!“ закричалъ герой молодчина. Всѣ, со свистомъ и ликованьемъ, радостные, довольные побѣдой, воротились къ завѣтному дару купецкому. Началась попойка, загремѣли пѣсни, и долго, долго, темной ночью, раздавались по дорогамъ.

1840-й годъ.

Въ приходской церкви нашей фабрики, по праздникамъ, пѣвали какіе-то пѣвчіе. Узнавши, что я былъ у П—хъ пѣвчимъ, пригласили и меня участвовать съ ними. За это староста и священникъ любили меня и нерѣдко дарили деньгами. Такое преимущество дало мнѣ первенство надъ своими сослуживцами-товарищами. Кромѣ того, хотя я былъ и шалунъ большой, но къ дѣлу всякому смышленъ. Съ товарищами Пашей и Сережей жилъ ладно. Конечно, иногда не безъ того, чтобы не было раздора, но всегда скоро кончалось мировой. Вообще жизнь на фабрикѣ была для насъ не особенно занимательна и разнообразна, и потому въ памяти моей мало сохранилась. Только одинъ разъ, кажется, въ праздникъ, былъ я у Симонова монастыря, по случаю поднятія креста на колокольню. Крестъ былъ очень большой и тяжелый. Пока приготовлялись къ такой оказіи, я съ знакомыми пошелъ пить чай. Нѣсколько времени спустя, вдругъ раздается звонъ и крикъ народа. Мы тотчасъ же вскочили и побѣжали къ колокольнѣ. Едва завернули за уголъ, какъ глазамъ нашимъ представилось ужасное зрѣлище: человѣкъ сверху пролетѣлъ какъ молнія, а другой, держась обѣими руками за конецъ балки, висѣлъ на воздухѣ... Что дѣлать? Какъ помочь? Черезъ главу колокольни былъ протянутъ канатъ, къ которому, казалось, бѣдный мученикъ, не имѣя силъ больше держаться, вѣроятно хотѣлъ отброситься, чтобы на лету за него ухватиться, но въ тотъ же моментъ балка отъ помоста отдѣлилась и увлекла его съ собою книзу... Показалось мнѣ, будто несчастному хотѣлось перекреститься, потому что онъ взмахнулъ рукой къ головѣ... Всѣ закрыли глаза и перекрестились. И когда упало тѣло, всѣ вскрикнули отъ ужаса! Подойдя къ тѣламъ, увидѣли ихъ страшно обезображенными, похожими на мѣшки съ костями и мясомъ... То были кровельщики — дядя съ племянникомъ. Запамятовалъ ихъ фамилію. Вскорѣ наѣхала полиція, а за ней родные покойниковъ. Поднялся вой и плачъ... Я убѣжалъ.

На другой годъ моего пребыванія на фабрикѣ, М. А. взялъ меня къ себѣ въ домовую контору. Жилъ онъ на Полянской

улицѣ, въ домѣ Безсонова. Ну, тутъ, признаюсь, пришла мнѣ жизнь плохая. Хозяйка, несмотря на свою тупость, была однакожъ деспотъ большой; обходилась со мною крайне неделикатно. Не понравилось мнѣ быть и конторщикомъ и служить иногда за лакея. Сталъ я упираться, сдѣлался нерадивъ и непослушенъ. Конечно, М. А., не вникая хорошенько въ мое положеніе, тоже не сталъ благоволить ко мнѣ. Пошли на меня безпрестанныя гоненья и брань не только отъ хозяевъ, но и отъ людей. Все это понудило меня, хотя съ великой робостью, объяснить хозяину, что я не могу у него оставаться.

— Очень радъ! сказалъ М. А. — Я тебя возвращу туда же, откуда взялъ. Такихъ непослушныхъ и лѣнтяевъ мнѣ не нужно!

Сердце мое похолодѣло, когда я услышалъ, что надобно возвратиться опять на фабрику П—хъ. Но дѣлать однако нечего... Свезли меня, добра молодца, на прежнее жилье. Какъ тамъ приняли и обошлись со мной, объ этомъ нечего и говорить... Помню только, что я на другой же день убѣжалъ къ матушкѣ и сдѣлался боленъ. Тутъ тоже пошли выговоры, попреки. Дядя даже не хотѣлъ и видѣть меня. „Дрянной“, говоритъ, „мальчишка! Нечего о немъ и заботиться!“ Но что тамъ ни говори, а я опять вздохнулъ свободой... Только не надолго. Нашли мнѣ мѣсто къ купцу въ лавку, — не помню фамиліи. Домъ у него былъ гдѣ-то за Москвой-рѣкой, а лавка-палатка въ городѣ. Торговалъ онъ платками. Кажется, у него при домѣ была и фабричка. Ну-съ! стали мы похаживать въ ряды, зазывать покупателей и пить сбитень, отъ холода переминаясь съ ноги на ногу. Это бы еще не бѣда; а то — когда воротишься изъ города, тутъ тебя заставятъ чистить посуду, сапоги, ставить самоваръ, выносить всякую нечисть! Прискорбно было мнѣ переносить такое униженіе. Вообще я былъ мальчикъ такой, что не любилъ лакейской должности. Терпѣлъ, терпѣлъ — и плюнулъ! Опять ушелъ отъ мѣста и воротился къ своей ро́дной. И куда это ей было не понутру! досталось таки мнѣ отъ нея.

Опять свобода и опять не надолго. Вскорѣ случай представился поступить мнѣ въ контору типографіи Ивана Ивановича Смирнова. Заведеніе его находилось на Маросейкѣ, въ домѣ князя Трубецкого или Шаховского, — не припомню.

Ну, тутъ дѣло пошло лучше. Обходились со мною ласково, и я нѣкотораго рода имѣлъ самостоятельность и еще, кромѣ того, въ первый разъ въ жизни получилъ жалованье. Самъ хозяинъ, человѣкъ добрѣйшій, полюбилъ меня; только приказчики и другіе служащіе смотрѣли недоброжелательно. Кажется, слава Богу! жить бы да жить, — такъ нѣтъ, свихнулся и тутъ. Въ то время И. И. печаталъ афиши и билеты для Императорскихъ московскихъ театровъ. Соблазнился я утаить нѣсколько билетиковъ въ купоны и галлерею. Думаю: проберусь въ театръ; еще съ роду не бывалъ. Тутъ какъ нарочно вышла афиша на „*Волшебнаго стрѣлка*“. Боже мой! какъ прочиталъ я ее да разузналъ, что это такое за представленіе,— затуманился мой разумъ отъ любопытства. Какъ только пришелъ день представленія „Волшебнаго стрѣлка“, отпросился я, будто къ матери, а самъ, вечеромъ, прямо въ Большой театръ. Тамъ надумалъ взглянуть, какого цвѣта идутъ въ продажу билеты. Смотрю: въ галлерею съ розовыми... Нечего раздумывать! Скорѣй наверхъ! Ползу, ползу за людьми... Господи! когда же конецъ?... Это — какъ будто лѣзешь на Ивановскую колокольню. Взошелъ; даю билетъ... Капельдинеръ смотритъ, повертываетъ его... глядитъ и на меня.

— Что за чортъ!... говоритъ онъ. Другого цвѣта пошли билеты!... Вы гдѣ взяли этотъ билетъ?

Я отвѣчаю: „Купилъ у театра...“

— У театра!... Эге!... Вотъ штука!... А пойдемте-ка въ контору.

Поджилки затряслись. „Ну“, думаю, „погибъ!...“

— Дяденька, отпусти! Я ужъ въ театръ-то не пойду!...

— Нѣтъ!... тутъ дѣло большое... Откуда билетъ такой — надо разузнать.

Пришли въ контору, находившуюся здѣсь же, въ театрѣ. Донесъ капельдинеръ, какъ слѣдуетъ, по формѣ. Пошла суматоха, спросы, запросы, гдѣ да какъ, и откуда? Подошелъ ко мнѣ, какъ послѣ я узналъ, начальникъ, Иванъ Ивановичъ Оленинъ, и, отведя въ сторону, тихонько, ласково спросилъ:

— Кто вы? Не бойтесь, объясните все. Вамъ ничего не будетъ дурного, только скажите откровенно: кто вы, и откуда взяли билетъ?

Заплакалъ я и повинился — отвѣтилъ:

— Живу я у И. И. Смирнова, а билетъ взялъ изъ тѣхъ, которые печатались въ типографіи.

— Вы никому не продавали билеты? допрашивалъ онъ.

— Нѣтъ, нѣтъ!... Боже сохрани!... я такъ, для себя... хотѣлось посмотрѣть „Волшебнаго стрѣлка".

— Зачѣмъ же вы утаили отъ хозяина? Онъ имѣетъ право на даровыя мѣста. Вѣроятно, онъ не отказалъ бы вамъ.

— А я не зналъ... Простите!... Слезы душили меня.

— Жаль мнѣ васъ, молодой человѣкъ! За эту вину вы подлежите строгой отвѣтственности. Но я вижу, что сдѣлали вы это, не подумавши и безъ дурного умысла, поэтому прощаю. Однако мы обязаны сказать вашему хозяину, чтобы онъ васъ уволилъ... Прощайте! Въ другой разъ берегитесь и не дѣлайте подобныхъ проказъ. Идите!... Пустите его!

Какъ я вышелъ, куда пошелъ — и самъ не знаю. Стыдно мнѣ стало своего поступка. Что я сдѣлалъ!... что я сдѣлалъ!... Вѣдь меня чуть не съ воромъ сравнили!... И зачѣмъ это, въ самомъ дѣлѣ, не объяснился я съ хозяиномъ или приказчикомъ? Но дѣло сдѣлано — не воротишь!... Какъ теперь мнѣ быть? Какъ показать глаза хоязину? Господи!... Долго я все шлялся по Москвѣ. Въ типографію воротился довольно поздно. Легъ спать, но сна не было: я скорѣй промучился, чѣмъ проспалъ. На другой день хозяинъ вошелъ въ контору сильно разстроенный. Подойдя ко мнѣ, онъ взволнованно спросилъ:

— Что это вы надѣлали?

Я упалъ на конторку и зарыдалъ.

— Ну, полноте, перестаньте плакать! уговаривалъ онъ, смягчая голосъ. — Я на васъ ужъ не сержусь! Только скажите: зачѣмъ вы не объяснили мнѣ вчера, что хотите быть въ театрѣ? Я далъ бы вамъ контрамарку... Ахъ, Боже мой! какъ мнѣ жаль разстаться съ вами... А дѣлать нечего!... Обязали подпиской не держать васъ.

Я не помню, что говорилъ ему, только въ ту минуту готовъ былъ Богъ знаетъ что сдѣлать, чтобы чѣмъ-нибудь загладить передъ нимъ свою вину.

Онъ разсчелъ меня и даже что-то прибавилъ. Когда я уходилъ съ своими легкими пожитками, то замѣтилъ на его глазахъ слезы: видно ему было очень жаль меня.

Вотъ пошелъ я любезный другъ на толкучій рынокъ; тамъ продалъ сестрины подушки, одѣяло и коверчикъ. Дѣло было зимою, помнится, Рождественскимъ постомъ; а платья-то теплаго на мнѣ не было; сверхъ сертука была только одна бекешь темно-зеленаго цвѣта. Не было даже калошъ, которыя я тутъ же, на Толкучкѣ, и купилъ.

Что жъ мнѣ теперь дѣлать? Итти къ матушкѣ и сестрѣ (уже вышедшей изъ ученья) нельзя, совѣстно... Что я имъ скажу? Какъ оправдаюсь?... Нѣтъ, не пойду къ нимъ. Куда же направить путь? вотъ задача! Безотчетно, самъ не зная какъ, очутился у Иверской. Съ большимъ усердіемъ помолился я Царицѣ Небесной и поплакалъ. Выйдя изъ часовни, взглянулъ на Тверскую улицу. Куда ведетъ дорога?... Сказываютъ, прямо на Питеръ. Рѣшено! Иду въ Петербургъ! Какъ дойти и что тамъ дѣлать, объ этомъ я не разсуждалъ, — только итти, итти!... Къ счастью, время стояло теплое. Кое-какъ, то пѣшкомъ, то съ порожняками, доплелся до Твери. На послѣдней станціи едва не сбился съ дороги. Поднялась метель да вьюга такая, что свѣту Божьяго не видно было! Сбившись съ пути, колесилъ и вязнулъ по сугробамъ. Завидя версту, рѣшился постоять у ней и подождать — не проѣдетъ ли кто. Богъ послалъ обратнаго ямщика почтоваго; съ нимъ я за гривеникъ и доѣхалъ до города.

Тверь.

Остановился я на постояломъ дворѣ у отставного жандарма. На другой день пошелъ посмотрѣть городъ, да погода была дурная, такъ и воротился перезябшій на печку. Такимъ образомъ прошелъ день, другой и третій. Взяло меня раздумье... Дорога дальняя, одежонка плохая, да и денегъ-то всего осталось рублей семь ассигнаціями; изъ нихъ еще нужно отдать за постой да за прокормъ. Вижу — дѣло плохо! Тутъ еще полиція потребовала, спрашивая: зачѣмъ я прибылъ, какая цѣль у меня? Я сказалъ, что хотѣлъ-было ѣхать въ Питеръ, да отъ родныхъ получилъ письмо съ приказаніемъ воротиться назадъ. Отпустили, а все-таки содрали четвертакъ, антихристы!

Послѣ, въ самомъ дѣлѣ, пришло мнѣ на умъ написать письмо къ матери и сестрѣ, объяснить имъ все, испросить

прощеніе и дозволить воротиться къ нимъ. Такъ я и сдѣлалъ. Между тѣмъ, живя здѣсь, я уже почти всѣ деньги затратилъ. Но, видно, сиротамъ и бѣднымъ Богъ опекунъ. У хозяина двора былъ сынъ-баловень, мальчикъ лѣтъ шестнадцати, любитель стиховъ и вообще почитать книжонки. Къ счастію, я зналъ наизусть много стиховъ и разныхъ побасенокъ, а также и сказокъ, то и доставилъ ему не мало удовольствія. Малый диву дался моей учености и еще больше подружился со мною. При случаѣ удобномъ я объяснилъ ему мое положеніе: денегъ, молъ, нѣтъ, а отвѣта отъ родныхъ не получаю, и что надо воротиться въ Москву, а не съ чѣмъ. Добрый малый взялся сказать отцу, что получилъ съ меня за постой, да, кромѣ того, еще далъ мнѣ на дорогу полтинникъ.

Повернулъ я добрый молодецъ оглобли назадъ, въ Москву. Ну, тутъ я натерпѣлся довольно... Все-то шли метели да снѣгъ. Итти было до невозможности трудно. Сталъ принанимать попутчиковъ. Кое-какъ за Клинъ забрался; а дальше итти приходилось безъ копейки въ карманѣ. Просить Христаради не рѣшился, больно стыдно! Нѣтъ, лучше поголодаю,— авось доберусь!... Шелъ, все шелъ... Но голодъ однакожъ сталъ мучить; силы пропадали; иногда вдругъ, какъ подкошенный, падалъ я и потомъ снова приходилъ въ себя... Снѣгъ-то то краснымъ, то зеленымъ казался. Когда же гдѣ въ селахъ зайдешь погрѣться иль заночевать и почуешь запахъ хлѣба и особенно мяса, просто приходишь въ остервененье! Право, въ эти минуты я готовъ былъ къ какому-нибудь преступленью: украсть, напримѣръ, иль разбоемъ отнять. Но вотъ утро забрезжилось, и Москва показала свои золотыя маковки. На минуту вспыхнула бодрость и надежда,—что, вотъ, скоро приду на рынокъ, продамъ сертукъ и буду ѣсть, утолю свой мучительный голодъ. А тамъ... Тамъ, что Богъ дастъ!... Но силъ не хватило итти; я упалъ. Какой-то мужичокъ ѣхалъ и, увидя меня, спросилъ:

— Не боленъ ли ты, мальчуганъ?

— Да, братъ, неможется. Довези пожалуйста, для Бога.

— Хорошо, садись!

И довезъ меня родной, дай ему Богъ здоровья!

Придя на Лубянку, я не сталъ выдерживать цѣну за нижній сертукъ: что дали, то и взялъ. Думалъ — много буду

ѣсть, однако — нѣтъ, плохо; видно, изнурился очень. Отдохнувъ малую толику, пошелъ къ Иверской Божіей Матери. Помолился я Заступницѣ съ усердіемъ и слезами. Вышедши изъ часовни, я остановился въ раздумьѣ и нерѣшимости, какъ вдругъ какой-то господинъ, по виду чиновникъ, подошелъ ко мнѣ и спрашиваетъ: не мѣста ли я ищу?

— Да, отвѣтилъ я, обрадовавшись.

— Что же... Пишете?

— Пишу.

— Хорошо?

— Порядочно.

— Такъ вотъ мой адресъ: въ Дорогомиловкѣ, въ домѣ священника N., фамилія моя Миллеръ; я служу въ Сенатѣ. Мнѣ надо писцовъ; будете получать 10 к. ассигн. съ листа. Такъ, если согласны, отправляйтесь ко мнѣ.

— Хорошо, хорошо, я согласенъ!

— Ну, такъ отправляйтесь скорѣе и ждите меня; я пріѣду часамъ къ четыремъ.

Нанявъ извозчика, пріѣхалъ я въ домъ по адресу и, войдя въ квартиру Миллера, спросилъ нечесаннаго, грязнаго лакея:

— Гдѣ мнѣ подождать вашего барина? Я съ нимъ уже видѣлся.

— Должно писецъ? спросилъ онъ, икая и прищуривая глаза.

— Да, да! Такъ гдѣ же?

— А ступай въ кухню... вотъ сюда... тамъ рядомъ есть комната для вашего брата.

Я вошелъ по указанію. Боже! И это жилье?! Грязь, вонь! Трое пьяныхъ, будущихъ моихъ товарищей, занимались переписываньемъ бумагъ. Передъ ними на столѣ, почти опорожненный, стоялъ полуштофъ. Куски чернаго хлѣба и объѣдки огурцовъ соленыхъ валялись на бумагѣ. Табакомъ — махоркой такъ было накурено, что я попятился назадъ, въ кухню.

— Куда жъ ты, любезный? вскрикнулъ взъерошенный писецъ съ багровымъ лицомъ и огромными усами. — Если ты въ нашу компанію вступаешь, такъ не церемонься, — ставь для перваго знакомства могорычъ!

Я однако не отвѣтилъ и помѣстился въ кухнѣ.

— Что это за люди, голубушка? спросилъ я кухарку.

— Какіе это люди, — Господи, прости! — это не люди; звѣри

лютые и тѣ лучше ихъ! Похабство это какое, нечисть да пьянство, не приведи Богъ! Жить больше не стану! Дай только хозяину прійти—расчетъ возьму. Что это за жизнь? съ роду впервой...

— Да какого они званія? допытывалъ я.

— Званія какого? А лѣшій ихъ вѣдаетъ! Дворяне, вишь!... Одинъ въ полку, баютъ, служилъ, да выгнали; другой—крючокъ!.. сидѣлъ, вишь, за добрыя дѣла въ кутузкѣ, да выдрался какъ-то; только тоже никуда на службу не велѣно брать. А третій... прахъ его знаетъ! Завсегда пьянъ! И хозяинъ-то, вишь, не знаетъ, кто онъ такой! Какой ужъ путный пойдетъ къ намъ... бродяга, чай, поди!

„Вотъ-те разъ! Какъ она меня честитъ! подумалъ я.— Что мнѣ дѣлать? Подожду, однакожъ; день, другой поживу; не хорошо—уйду, кто меня удержитъ?"

Пришелъ Миллеръ, позвалъ меня къ себѣ и объявилъ, что я долженъ писать и не пьянствовать съ другими писцами. Я сказалъ, что не пью еще.

— Это ничего, что ты молодъ! У меня были молодцы и помоложе тебя, а пили безпросыпу! Ну, вотъ дѣло... Изволь переписать, да скорѣе!

Ну, ужъ я вамъ скажу--вотъ тоже желтенькая жизнь была, нечего сказать! Добрые товарищи, просто, сжили меня со свѣта за то, что не веду съ ними компанію. И какъ я съ ними не пилъ водку, то они мнѣ сонному вливали ее въ ротъ, а днемъ лили на голову и за галстукъ. Хорошіе люди!—нечего сказать! Черезъ день иль два, отдавая хозяину дѣло, я привелъ его въ сомнѣніе насчетъ моей нравственности.

— Вотъ, говорилъ онъ, ты сказалъ, что не пьешь. Ишь водкой-то отъ тебя разитъ,—не продохнешь!

Я было сталъ оправдываться,—куда тебѣ!—и не вѣритъ.

— Знаю, знаю всѣ эти отговорки! Мнѣ, впрочемъ, дѣла нѣтъ; пей, да только дѣло разумѣй, смѣкаешь? Ну, ступай!

— А ты, видно, такой же хлыновецъ! произнесла кухарка, оскаля на меня зубы.

Я только махнулъ рукой. Проживъ въ такомъ вертепѣ недѣли двѣ, я не смогъ больше терпѣть. Къ тому же еще, какъ у меня не было ни постели, ни бѣлья, то и былъ награжденъ отъ милыхъ товарищей большимъ количествомъ насѣкомыхъ.—

Нѣтъ, надо бѣжать, бѣжать отсюда! Такъ я и сдѣлалъ. Денегъ мнѣ не пришлось получить,—вычли за харчи. Стало-быть давай Богъ ноги.

Помню — былъ вечеръ. Пошелъ я на Поварскую, гдѣ, въ домѣ Иванова, жила сестра съ матушкой. Придя къ ихъ квартирѣ, постучался. Мнѣ отворила сестра. Взглянувъ на меня, она такъ и ахнула. Мать спала въ это время. Добрая Таня не стала дѣлать ни попрековъ, ни наставленій, а видя меня такого чернаго, грязнаго, тотчасъ же гдѣ-то достала бѣлья и платья и послала въ баню. Боже мой! какую отраду, какое облегченіе получилъ я послѣ бани! По возвращеніи, сестра накормила и уложила меня спать, обѣщавъ на другой день помирить съ матушкой. Утромъ, конечно, была мнѣ гонка и гонка большая; были слезы и упреки, но все, однакожъ, кончилось прощеньемъ.

Стала зима на исходѣ, а мнѣ все еще мѣста не выходило. Надоѣло бить баклуши, захотѣлось дѣла. Наконецъ сестра нашла мнѣ мѣсто въ вотчинной конторѣ быть земскимъ. Ѣхать надо было въ Рязанскую губернію, Р—ій уѣздъ, въ село Гарино, въ имѣніе генералъ-маіора А. И. Т—ва. Таня шила наряды для дочерей его, такъ черезъ одну изъ нихъ и выхлопотала мѣсто. Я былъ представленъ генералу. Шутка сказать! Еще въ первый разъ въ жизни довелось говорить съ генераломъ! Его превосходительство что-то проворчалъ себѣ подъ носъ и всунулъ мнѣ въ руки бумагу. Послѣ, въ передней, дворецкій пересказалъ, что генералъ жалуетъ мнѣ мѣсто земскаго, назначаетъ жалованья 150 руб. ассигн. въ годъ и, кромѣ того, нѣкоторое количество провизіи по положенію; а въ бумагѣ значится приказъ старостѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и мнѣ, и чтобы я былъ готовъ съ матерью къ отъѣзду черезъ три дня. Крестьяне изъ ихъ села возвращаются порожнякомъ домой, такъ насъ и довезутъ.

„Ѣхать! Вотъ это хорошо!“ подумалъ я. Давно ужъ я не ѣздилъ. Матушкѣ и мнѣ не надо было много времени для сборовъ. Самое трудное — это разстаться съ сестрой. Конечно, при этомъ случаѣ поплакали довольно. Помолясь Богу, мы поѣхали съ матушкой въ путь, въ дорогу.

„Рязань, Рязань! Какъ чистая голубка,
Ты жизнь вела въ довольствѣ и добрѣ!“ *)

Этихъ стиховъ въ то время я еще не имѣлъ чести знать, а потому и не былъ расположенъ обращать особенное вниманіе на губернскій городъ Рязань. Мнѣ хотѣлось поскорѣе добраться до мѣста, тѣмъ болѣе, что погода стояла холодная, сырая. Хорошо еще, я, какъ сурокъ, могъ дремать во всю дорогу.

Забылъ упомянуть, что возлѣ Коломны насъ было хотѣли искупать въ Окѣ добрые коломенцы. „Они, изволите ли видѣть, возлѣ дорогъ вырубили прогалины. Темною ночью проѣзжіе зачастую попадаютъ въ эти полыньи. Конечно, въ испугѣ, подымутъ крикъ, шумъ — дескать: помогите православные! не дайте погибнуть душамъ христіанскимъ! Ну, соколы-то и тутъ, какъ тутъ! Помогутъ вытащить и людей и лошадей, и за это, конечно, возьмутъ поборъ изрядный. Ремесло, я вамъ скажу, выгодное!“ **)

Село Гарино.

Староста Егоръ, ключникъ хлѣбныхъ амбаровъ и кладовыхъ господскихъ Селифанъ и другой ключникъ господскаго дома Титъ — все это начальство села и усадьбы встрѣтило меня съ ласкою и почетомъ. Шутка сказать! — земскій! Тоже, вѣдь, птица не послѣдняя въ селахъ.

Помѣстили меня съ матушкою близъ усадьбы и лѣса, во флигелѣ, въ одной половинѣ котораго находилась баня, а въ другой назначено быть вотчинной конторѣ.

Пришла мнѣ новая, неизвѣданная жизнь, жизнь деревенская и свободная. Цѣлые дни разъѣзжалъ я верхомъ на лошади по селу, по полямъ и окружнымъ селамъ и деревнямъ.

Настала весна; потекли ручьи по оврагамъ; вздулись и разлились рѣчки. Чудо, какое раздолье!... А потомъ, какъ зазеленѣла травка, да распустили листья лѣса и садъ, — то-то была мнѣ радость! Вотъ моя жизнь, вотъ она!... Съ какой гордостью разъѣзжалъ я по нивамъ со старостою Егоромъ или съ Селифаномъ. Мы наблюдали за посѣвомъ и пахотьбой.

*) Стихи изъ драмы Кукольника: „Князь Скопинъ Шуйскій“.
**) Разсказъ проѣзжаго купца.

Охотно выслушивалъ ихъ дѣльныя и умныя рѣчи о сельскомъ хозяйствѣ: о запашкахъ, жнитвѣ, молотьбѣ и покосахъ. Все это было такъ ново для меня и такъ заманчиво. Крестьяне такъ были добры, такъ ласковы ко мнѣ. Одно только обидно слышать было: „молоденекъ еще, не больно разуменъ къ нашему дѣлу!“ — Погодите, друзья! съ вами поживу, такъ поумнѣю! И вправду староста Егоръ и ключникъ Селифанъ многому меня научили. Прежде я не умѣлъ бы на корню различить рожь отъ овса; а ужъ о другихъ полевыхъ и хозяйственныхъ премудростяхъ нечего и говорить! Дѣятельность и любознательность росли во мнѣ все больше и больше, такъ что, наконецъ, сталъ я прилагать къ дѣлу и свои соображенія. До меня у нихъ настоящей конторы не было. Староста, ключники и крестьяне — всѣ счетъ вели по биркамъ. Такой простой обычай велся у нихъ искони. Но мнѣ, записному грамотею, да еще и конторщику, ихъ бухгалтерія не далась. Я все путался въ палочкахъ, оникахъ и крестикахъ. Нѣтъ, думаю себѣ, давай заведу книги и переведу по статьямъ на цыфры все имущество и хлѣба. Послѣ задумалъ я узнать лично, какъ живутъ крестьяне въ Гаринѣ, что у нихъ есть, сколько душъ въ каждой семьѣ, какихъ лѣтъ и сколько имѣется всякаго живота. Мѣсяцъ цѣлый работалъ я надъ этимъ дѣломъ. Тутъ я хорошо ознакомился съ бытомъ крестьянъ и ихъ нуждами. Я написалъ отчетъ для генерала, выставивъ на видъ, кого необходимо надо было снабдить лошадью и другой скотиной, и кому дать лѣса для исправленія ветхихъ избъ. Впослѣдствіи, когда генералъ пріѣхалъ въ имѣніе, одобрилъ мои труды и многихъ удовлетворилъ въ ихъ нуждахъ. Въ этомъ дѣлѣ мнѣ много помогали староста и ключникъ Селифанъ.

По пріѣздѣ генерала въ Гарино, я изъ дѣйствій его увидѣлъ, что онъ былъ плохой знатокъ сельскаго хозяйства, но человѣкъ — не прочь сдѣлать добро, оказать помощь, только для этого ему надо хорошенько растолковать и доказать. Своимъ присутствіемъ, особенно въ рабочую пору, онъ только путалъ и производилъ суматоху. Со мною, впрочемъ, обходился ласково, и когда уѣзжалъ въ Москву, то подарилъ мнѣ 10 р. ассигн.

Какъ скоро лѣто прошло! Вотъ и яровые сняты. Къ осени дѣло пошло, — скучно будетъ! А ужъ и нагулялся я, что называется, во всю душеньку! Сколько знакомыхъ, пріятелей завелъ себѣ въ селахъ. Рѣдкій день не побываешь у мельника; у него такъ хорошо!... Выкупаешься въ лѣтній зной и затѣмъ въ охоту попьешь чайку или поѣшь творогу со сливками. А садъ и лѣсъ, что ведутъ къ сосѣднему имѣнію — это все мои друзья! Бывало растянешся на травѣ, въ самый полдень, подъ деревомъ и глядишь на мимолетныя облака... Много думъ пройдетъ въ головѣ, а уяснить ихъ себѣ не можешь... А то слушаешь, какъ кругомъ тебя мелькаютъ и жужжатъ золотистыя мухи, пчелы, и трещатъ такъ задорно кузнечики. Только они и нарушали полдневную тишину. Жаръ томитъ, дремота забираетъ... И рѣчка близко, а подняться и итти лѣнь, не хочется. Все это ушло съ наступленіемъ осени. Прощай, красное времечко! Что я стану дѣлать длинными темными вечерами?...

— Проведемъ время межъ дѣломъ и бездѣльемъ! — говорилъ, смѣясь, Селифанъ. И точно: пошли свадьбы — то гаринскія, то зыковскія. Крестьяне, то и дѣло, тащатъ насъ къ себѣ въ гости. Отказываться я и не думалъ, — все это было ново для меня. Пряниками, медомъ и другими разными сластями бывало страсть какъ наугостятъ. Ну, стало-быть, житье шло не худое.

1842-й годъ.

Съ наступленіемъ весны я, подъ руководствомъ старосты, занимался хозяйствомъ. Въ это лѣто, 26 іюня, напугало насъ невиданное, страшное явленіе. Сидѣлъ я съ дворовыми людьми у воротъ. Утро такое ясное, на небѣ ни облачка; какъ вдругъ, около десяти часовъ, солнышко стало заволакивать, — передъ грозой эдакъ-то бываетъ. Господи! что же это за чудо такое?... Тьма все больше, а солнышко все меньше. Смотримъ, оно ужъ стало какъ мѣсяцъ недѣльный, потомъ и совсѣмъ загасло!... А небо чистое, и звѣзды показались. Затихли кузнечики, замолкли пѣвуньи пташки, только на задворкахъ въ птичникѣ какъ-то торопливо, испуганно прокричали пѣтухи, а въ рощѣ замычали коровы, но какъ-то дико, жалобно, совсѣмъ иначе, какъ днемъ. Солнышко все затмилось; стало

даже свѣжо, — полночь да и только! Люди всѣ въ страшной суматохѣ мечутся то туда, то сюда. По деревнѣ раздались плачъ и вой... Мужики бѣгутъ съ полей, а бабы, мычась, причитываютъ: „Батюшки! отцы родные! Свѣту преставленье пришло!... Пропали наши головушки!...“ На колокольнѣ кто-то ударилъ въ набатъ. Всѣ бросились къ церкви служить молебенъ. Тамъ — кто прощается, кто кается вслухъ о грѣхахъ своихъ... Ну, словомъ, сумятица была невообразимая! Прежде, въ школѣ учась, я читалъ о затменіи, а тутъ, глядя на другихъ, опѣшилъ и самъ, позабывъ о томъ. Да къ тому же еще въ первый разъ привелось видѣть такое событіе. Однако скоро показался на томъ мѣстѣ, гдѣ было солнышко, свѣтлый серпокъ, тоненькій такой, какъ молодой мѣсяцъ, а послѣ все больше, больше, свѣтлѣе и, наконецъ, солнышко очистилось и стало свѣтить попрежнему. Надо было видѣть, какъ все оживилось и возрадовалось! Тутъ бабы побили посуду, тамъ мужики растеряли лошадей, телѣги въ полѣ; кто куда что подѣвалъ и не помнитъ. Смѣху и горя было вдоволь!

Кража генеральской дочки.

Поведу теперь разсказъ о кражѣ генеральской дочки, переданный мнѣ дворовыми людьми. Предварительно надо сказать, что А. И. Т—въ генералъ-маіоръ, воинъ 12-го года, женился на богатой помѣщицѣ и находился, какъ говорится, весь въ ея рукахъ. Любовь Львовна была женщина злая, капризная, въ высшей степени деспотъ, словомъ, вполнѣ, какъ слѣдуетъ барынѣ ея времени. И доставалось же отъ нея дворовымъ и крестьянамъ. У этой-то четы генеральской были дѣти: сынъ Левъ, лѣтъ двѣнадцати, да четыре дочери. Изъ нихъ старшую звали Надеждой. Вотъ о ней-то я и поведу рѣчь. Рядомъ съ Т—ми было имѣніе брата и сестры В—выхъ. Братъ-то, М. М., былъ гусаръ, хорошъ собою, кутила, игрокъ и забіяка, однимъ словомъ — герой на всѣ руки. Только въ то лѣто, какъ пріѣхалъ онъ въ свою деревню изъ полка, тотчасъ же познакомился съ семействомъ Т—выхъ. Понравилась ли ему въ самомъ дѣлѣ Н. А., или его соблазнило ея имѣніе, завѣщанное отъ бабушки, только онъ сталъ за ней ухаживать не на шутку. Ну, конечно, гдѣ же ей устоять

противъ такого молодца! Не раздумывая долго, сдѣлалъ М. М. предложеніе. Генералъ, къ которому онъ обратился, отвѣтилъ, что онъ, съ своей стороны, готовъ бы дать свое согласіе, да вотъ жена что̀ скажетъ? М. М. В—въ явился съ предложеніемъ и къ генеральшѣ. Ну, тутъ пошла другая исторія. Л. Л. любила эту дочь больше всѣхъ дѣтей и имѣла въ виду героя, равносильнаго по чину ея мужу. Она, кромѣ отказа въ рукѣ дочери, дала ему понять, что В—въ, какъ незавидный помѣщикъ, находясь въ такомъ маломъ чинѣ, не долженъ смѣть и подумать о родствѣ съ именитымъ и богатымъ семействомъ. А во избѣжаніе соблазна и непріятностей, она требовала, чтобы онъ прекратилъ съ ними знакомство. Та̀къ съ тѣмъ обиднымъ отказомъ и уѣхалъ бѣдняга. Но, однако, онъ вѣдь гусаръ, — не позволитъ безнаказанно себя обидѣть! Во что бы то ни стало, а онъ рѣшился поставить на своемъ; къ тому же и Наденька душевно ему сочувствовала. Ну, что жъ тутъ много толковать! пошла межъ ими переписка, а затѣмъ и свиданье назначено въ саду, у большого ключа. Дѣло было лѣтомъ. Рано утромъ ѣдетъ попъ въ дальнее поле и видитъ, какъ М. М. съ Н. А. сѣли въ коляску и покатили, что есть духу, по дорожкѣ столбовой...

„Дѣло плохо!“ подумалъ попъ: „вѣдь В—кой-то баринъ съ нашими не въ ладу за барышню; а тутъ — на-ко! вмѣстѣ уѣхали, и въ такую рань... Надо сказать генералу“.

Такъ онъ и сдѣлалъ. Приходитъ въ усадьбу, а тамъ еще всѣ спятъ. Велѣлъ онъ разбудить камердинера, а потомъ и барина. А. И. встрѣтилъ пробужденіе съ большимъ неудовольствіемъ.

— Что такое? Что нужно этому...

— Не знаю-съ! отвѣтилъ камердинеръ. — Желаетъ видѣть ваше превосходительство, говоритъ: дѣло важное-съ...

— Ну, зови! проворчалъ генералъ, зѣвая.

Вошелъ попъ и первымъ словомъ:

— Гдѣ у васъ барышня Н. А., ваше превосходительство?

— Какъ гдѣ?... Что за вопросъ?!.. Ты, батька, не рехнулся ли?

— Нѣтъ, ваше превосходительство, я вамъ поспѣшилъ доложить; такъ и такъ, — и разсказалъ все видѣнное имъ.

— Врешь... заревѣлъ генералъ; а самъ такъ и за-

трясся. — Эй, люди! сходить наверхъ и позвать ко мнѣ Наденьку!

Пошла въ домѣ суматоха страшная. Не нашедши Н. А. наверху, бросились въ садъ. Вездѣ обѣгали, обыскали, — нѣтъ, нигдѣ не нашли.

Вотъ тутъ-то еще пуще взревѣлъ генералъ, — откуда и голосъ такой взялся. Все, что было въ усадьбѣ и въ домѣ, все поднялось на ноги, и въ страхѣ, не понимая, въ чемъ дѣло, выпучивъ глаза, выслушивало приказанiе господъ.

А ужъ о генеральшѣ и говорить нечего! она что звѣрь сдѣлалась: волосы рветъ и у себя, и у дворовыхъ дѣвокъ; всѣхъ въ кровь избила. Кричитъ и на мужа, и на всю дворню:

— Что же вы, олухи, стали!... Берите лошадей, дубины, и скачите въ погоню... Запорю всѣхъ до смерти!!... Въ Сибирь загоню!...

И поднялась же суета... Господи Боже мой! Пуще пожара, ей-ей! Кто верхомъ, кто пѣшкомъ, кто въ экипажахъ, и все съ кольями, дубьемъ и вилами. Сперва кинулись въ усадьбу В—ва, но не найдя тамъ господъ, бросились по всѣмъ дорогамъ. Самъ генералъ на парѣ лошадей тоже поскакалъ куда глаза глядятъ. Но слѣда нѣтъ. Кого онъ ни спрашивалъ, никто не видѣлъ и не знаетъ. Заморилъ генералъ лошадей до невозможности. Послалъ привести свѣжую тройку. Снова пустился онъ на поиски. На этотъ разъ ему посчастливилось узнать, что рано утромъ баринъ съ барышней, въ коляскѣ, шибко таково, проскакали въ село Бѣлоусово. Онъ туда — и прямо подкатилъ къ церкви. Тутъ стояла толпа народа, и видно, что въ церкви идетъ служба. Ворвался генералъ въ храмъ и увидѣлъ, что уже поздно: В—ва съ Н. А. обвѣнчали. Въ порывѣ бѣшенства генералъ нашумѣлъ. Смутился народъ, зароптал, загалдѣлъ, а потомъ сталъ и угрожать. Священникъ обратился къ предстоящимъ въ церкви съ своимъ словомъ — и все кругомъ затихло.

— Мiръ православный! вы всѣ будьте свидѣтелями въ оскорбленiи моего сана!

Тутъ еще пуще возроптал народъ. И, быть можетъ, его превосходительству пришлось бы плохо, если бъ онъ не поторопился уйти изъ церкви и ускакать домой. Да и М. М. тоже, съ своей стороны, уговорилъ крестьянъ.

Возвратившись, А. И., послѣ объясненія съ женою, сильно смущенный, пробѣжалъ въ свой кабинетъ и тамъ заперся. Генеральша отъ злости слегла въ постель. Теперь гнѣвъ ея перешелъ и на дочь Н. А—ну. Такъ какъ въ духовной бабушки Н. А—ны сказано, что имѣніе ея отдается внучкѣ только по выходѣ ея замужъ и непремѣнно съ согласія ея родителей, то, въ силу этого, мать и рѣшила непокорную дочь лишить наслѣдства и, кромѣ того, приказала не пускать ее къ себѣ на глаза. Напрасно молодые пріѣзжали нѣсколько разъ съ поклономъ, — ихъ велѣно прогнать со двора. Какъ тутъ быть молодымъ? Родители не только не прощаютъ, а еще и отнимаютъ имѣніе. Поднялись на хитрости. М. М. научилъ Н. А—ну увѣрить мать, что онъ увезъ ее насильно и что она готова воротиться къ нимъ и разойтись съ мужемъ. Если родители на это согласятся и возьмутъ къ себѣ, то постараться какъ можно искуснѣе выпросить духовную, или такъ какъ-нибудь уладить, чтобъ только заручить себѣ имѣніе. Какъ сказано, такъ и сдѣлано. Н. А. написала матери слезное письмо, увѣдомляя при этомъ, что мужъ ее увозитъ въ полкъ, и потому она желала бы, можетъ быть, въ послѣдній разъ повидаться съ нею и вымолить прощеніе; при этомъ еще она имѣетъ лично передать нѣчто очень важное. Генеральша поддалась ловушкѣ. По полученіи письма, тотчасъ же послала экипажъ за дочерью. Послѣ встрѣчныхъ слезъ, упрековъ и объясненій, онѣ помирились. Н. А. передала ей по секрету, что мужъ увезъ ее насильно, что она не давала согласія безъ воли родителей выйти за него замужъ, и что только угрозой и силой принудилъ ѣхать и обвѣнчаться. Вздурилась наша генеральша. Не слушая ни чьихъ совѣтовъ и возраженій, заставила мужа подать просьбу о разводной дочери, а пока поведется дѣло, рѣшила оставить молодую у себя. Послѣ такого событія М. М. какъ ни хлопоталъ, ни упрашивалъ, — не отдаютъ ему жену, да и только! Разсердился нашъ гусаръ не на шутку. Одинъ разъ пріѣхалъ даже съ пистолетами, грозясь убить всѣхъ. Но, однако, люди не допустили, выпроводивъ его изъ усадьбы. На другой день послѣ этого, рано утромъ, вся генеральская семья, собравшись наскоро, укатила въ Москву. Осиротѣлъ нашъ бѣдный М. М.

— Что-то будетъ дальше? разсуждали всѣ въ усадьбѣ. А между тѣмъ прошелъ слухъ, что дѣло о разводѣ пошло по суду, какъ слѣдуетъ,

И приказны дѣла
Застрочили въ два пера.

Вотъ что потомъ было при мнѣ.

1843-й годъ.

— Ѣдутъ! ѣдутъ! Господа ѣдутъ! кричали сторожевые.

Вся дворня со страхомъ и трепетомъ высыпала встрѣчать своихъ владыкъ. Я тоже въ числѣ ихъ сталъ у крыльца. Подъѣхало нѣсколько экипажей съ господами. Началось поклоненіе въ ноги и цѣлованіе рукъ. При извѣстной суетѣ въ подобномъ случаѣ всѣ однакожъ скоро размѣстились, кому гдѣ слѣдуетъ. Оживилась усадьба. Крики, брань, пѣсни, музыка, хороводы и игры разныя — все поочередно смѣнялось одно другимъ. Веселѣе стало и мнѣ, особенно когда я сдалъ генералу отчеты.

Съ пріѣздомъ господъ я уже не пользовался прежней свободой: не разъѣзжалъ по деревнямъ, когда вздумается; все дѣлалъ по приказамъ. Тутъ еще барченокъ съ французомъ надоѣдать стали своими посѣщеніями. Вставалъ я очень рано и, по обычаю, постоянно ходилъ умываться на ключъ, иль купаться въ рѣкѣ; это время для меня было самое свободное. Иногда случалось, въ жаркіе дни, когда всѣ улягутся спать, кто въ бесѣдкахъ въ саду, кто въ домѣ на террасѣ, тогда я любилъ уходить въ рощу или на рѣку, а то на дальній большой родникъ, близъ имѣнія В—хъ. Хотя въ имѣніе ихъ и запрещено было нашимъ всѣмъ ходить, но я тайкомъ иногда заглядывалъ туда къ пріятелямъ. Въ это время и М. М. также воротился изъ полка. Одинъ разъ онъ встрѣтилъ меня и зазвалъ къ себѣ. Я было сталъ упираться, но онъ успокоилъ тѣмъ, что никто не узнаетъ, да еще онъ и дѣло имѣлъ сказать мнѣ: ему непремѣнно надо увѣдомитъ письмомъ свою жену о его пріѣздѣ, а то она ни на кого не надѣется. Дѣлать было нечего! М. М. такой добрый, такъ былъ ласковъ со мною, — ну, какъ не уважить его просьбу.

Съ великимъ страхомъ вручилъ я письмо Надеждѣ Але-

ксандровнѣ. Сначала она испугалась, когда я въ саду, торопливо и оглядываясь, подошелъ къ ней, молча подалъ ей скомканное посланіе и тотчасъ же скрылся въ чащу сада. До этого случая Н. А. даже и не разговаривала со мною, ну, а теперь, послѣ моей услуги, стала глядѣть на меня таково ласково и даже дарила разныя сласти и бездѣлушки. Письмо М. М. однако сотворило большую исторію.

Недальніе сосѣди пригласили генерала и его семейство къ себѣ на именины, и какъ генеральша дала слово пріѣхать, то, въ назначенный день, еще съ утра, пошла великая суматоха при сборахъ къ отъѣзду. Гусаръ нашъ тоже провѣдалъ объ ихъ путешествіи.

— Что-то будетъ? говорили мы всѣ. Вѣдь ѣхать-то нашимъ придется черезъ плотину В—хъ, миновать нельзя.

Вотъ поѣхали наши господа и съ ними Н. А. Туда-то ничего, прошло благополучно, хотя они и побаивались, а вотъ, какъ стали возвращаться домой, вотъ тутъ-то и вышла исторія!... Дѣло-то было ночью. Экипажи взъѣхали на плотину В—кую, а впереди-то не то стоятъ, не то ѣдутъ телѣги съ сѣномъ, экипажамъ-то и свернуть некуда... Выскочили добрые молодцы: кто изъ-подъ телѣги, кто изъ подъ моста и съ ними самъ М. М.,—кучеровъ, форейторовъ и лакеевъ долой!... Дверцы каретъ и колясокъ растворили, и пошла переборка... Въ экипажахъ раздались испуганные крики, плачъ. Но нашъ герой на это не взираетъ: выхватилъ онъ Н. А—ну, сѣлъ съ нею въ приготовленную коляску, да и былъ таковъ! Укатилъ! а куда — не извѣстно. Ужъ и была же послѣ того передряга и сумятица! Генеральша въ изступленьи отдала приказъ собрать всю деревню и разорить усадьбу В—ую, да, спасибо, генералъ отмѣнилъ такой дикій приказъ. А все-таки всю дворню и нѣсколько крестьянъ разогнали въ погоню, кого пѣшкомъ, кого верхомъ на лошадяхъ. Я со старостою Егоромъ тоже поскакалъ за ними. Проѣхавши верстъ семь, завидѣли мы у краснаго кабачка нѣсколько верховыхъ лошадей.

— Это наши! сказалъ Егоръ.

— Да, наши, подтвердилъ я. Ишь, какъ пѣснями заливаются ловко!

— Что же это вы, ребята, дѣлаете? крикнулъ на пирующихъ староста Егоръ.

— А что же, дядя Егоръ? отвѣчаютъ веселые голоса. Куда жъ намъ ѣхать-то? Гдѣ искать? Зря только лошадей измаешь. Да опять же дѣло наше не по закону выходитъ: она — жена мужу! Тутъ ничего не подѣлаешь, какъ тамъ ни ершись наша енаральша!...

Такъ всѣ и воротились ни съ чѣмъ. Генеральша задыхалась отъ злобы. А. И—нычъ велѣлъ заложить лошадей и, взявъ меня съ собою, поѣхалъ въ городъ Р... Тамъ гдѣ ужъ онъ былъ, Богъ его вѣдаетъ, но только вскорѣ воротился сумрачный такой. Черезъ нѣсколько дней пріѣхалъ въ нашу усадьбу какой-то чиновникъ, который всѣмъ дѣлалъ допросы. Несчастные дворовые, совсѣмъ неповинно, жестоко пострадали за всю эту исторію: кого сослали на поселеніе, кого отдали въ солдаты; нѣсколько женщинъ и дѣвокъ угнали на тяжкія работы въ другія имѣнія. И все это сдѣлано въ утишеніе злобы ея превосходительства. Не ушелъ и я отъ всеразрушающаго гнѣва ея: узнала ль она про письмо, или такъ, просто, заподозрила въ участіи похищенія дочери, но только и на меня пошло гоненіе. А. И. хотя и вступился было за меня, но это еще больше ожесточило Л. Л—ну; она тутъ же отдала приказъ уволить меня и отправить съ матушкою въ Москву. Какъ генералъ ни защищалъ, ни уговаривалъ, — ничего не могъ подѣлать... Тѣмъ вотъ и кончилось мое житье-бытье въ селѣ Гаринѣ. И повезли меня съ матушкой по той же самой дорожкѣ обратно въ Москву.

Москва.

(Тоже 1843-й годъ.)

Въ іюлѣ мѣсяцѣ этого года встрѣтилъ я М. А. П—ва. Онъ очень обрадовался, увидѣвъ меня; разспросилъ, гдѣ и какъ я живу, чѣмъ занимаюсь. Я разсказалъ ему мое прошлое житье, добавивъ, что теперь не имѣю дѣла и не знаю куда дѣться.

— Поѣдемъ со мною въ Астрахань, говоритъ онъ: тамъ я помѣщу тебя на хорошее дѣло.

Конечно, я съ радостію согласился; но надо испросить позволенія у матушки.

— Спроси и приходи, вотъ по адресу, ко мнѣ съ отвѣтомъ.

Въ домѣ его я узналъ, что М. А. обанкрутился и, какъ сказывали, все по проискамъ его тестя, которому пожелалось завладѣть хорошо устроенной фабрикой въ Даниловкѣ. Для этого онъ скупилъ по дешевой цѣнѣ всѣ векселя М. А. и когда пришло время уплаты, то потребовалъ или деньги, или фабрику. Товаръ — плисъ, что отправленъ былъ въ Кяхту, ко времени не поспѣлъ, и отъ этого все дѣло П—ва упало. Н. А. В—въ хотѣлъ было вступиться и поддержать его, но М. А. уже не могъ послѣ такого поступка тестя вести дѣло. Но скоро ему доставили мѣсто въ Астрахани, въ Учужной рыболовной конторѣ быть управляющимъ, съ жалованьемъ 20 тысячъ ассигнаціями. Разумѣется, М. А. охотно согласился. Порѣшилъ онъ выѣхать изъ Москвы въ августѣ, сперва въ Нижній на ярмарку, а оттуда уже въ Астрахань. Я объяснилъ матушкѣ предложеніе М. А., она хотя и рада была такому случаю, да отпустить-то меня въ такую даль ей было боязно и жаль. А дѣлать нечего! Поплакавши довольно, отслужили напутственный молебенъ Иверской Божіей матери, и благословивъ, съ горькими слезами проводили онѣ меня въ дальную сторонушку. Тяжко было разставаться съ матушкою и сестрой, только дума, что поѣду „внизъ по матушкѣ по Волгѣ“ и увижу чудную, сказочную сторонку — утѣшала меня.

Прощай, Москва! Господь съ тобою! Не много ты дала мнѣ радостей.

По Владимірской.

Ѣду въ Нижній!... Какъ на душѣ легко, свободно! И ѣду-то я чудесно: на тройкѣ съ товаромъ, — ѣзда не скорая, да спорая, дорога каменная, славная! Катись да и только!

Владиміръ.

Вотъ и Владиміръ-старинушка! Совсѣмъ не тѣ города стали, что писали встарину. Гдѣ прежнія зданія? гдѣ Золотыя ворота, княженецкія палаты, терема? Жалкимъ выглядитъ Владиміръ, когда-то княженецкая столица, градъ престольный! Противно смотрѣть на казенныя постройки, особенно на тѣ, что загораживаютъ чудныя соборныя церкви.

Словно нахмурясь, куда-то вдаль мощно глядятъ вѣковые свидѣтели далекихъ временъ... Внутренность собора великолѣпна, поразительна! А какой ненаглядный видъ отъ соборовъ на Клязьму и луга! Зато, обратясь къ городу, вы видите передъ собою отвратительную, грязную, вонючую постройку присутственныхъ мѣстъ и казармъ. Что это? Насмѣшка или невѣжество непроходимое?!... Ну, прости, Владиміръ многострадальный! Прости, забытая золотая древность!

Что за путешествіе, — какое пріятное, право! Такъ тепло и покойно, полулежа, сидѣть на облучкѣ. Ѣдучи по дорогѣ, все видишь, все узнаешь, обо всѣмъ переговоришь то съ ямщиками, то съ проѣзжими. Право, я сожалѣю о тѣхъ людяхъ, которые мчатся закупоренные въ своихъ или почтовыхъ экипажахъ Точно ихъ лѣшій куда-то гонитъ!... Бѣдные! Они ничего не видятъ! А какъ хорошо встрѣтить румяную зорьку, поклониться красному солнышку! какихъ узоровъ на небѣ и на землѣ не увидишь отъ тумановъ — пересказать не можно! Тамъ лѣса, деревни, рѣки, озера, поля — все это проходитъ передъ тобою тихо, плавно. Всѣмъ свободно можно налюбоваться сколько душѣ угодно. Хорошо такъ ѣхать!

Вотъ Вязники. Давно, давно я тутъ не былъ! да тогда и малъ я былъ. Съ той и другой стороны оврага въ городѣ идутъ сады; дома едва выглядятъ изъ-за зелени. За Вязниками дорога идетъ все лѣсами да болотами и такъ почти до самаго Нижняго. Жилья, кромѣ станцій, не видно. Въ Послѣднихъ Дворикахъ остановились мы въ новой избѣ, очень чистой и просторной. Тутъ мнѣ довелось во всей красѣ увидѣть, какъ изволятъ кушать наши извозчики. Въ этотъ разъ и я сѣлъ обѣдать съ ними. Сначала подали солонину съ хрѣномъ, потомъ лапшу съ свининой, послѣ — жареную баранину съ кашей и огурцами, а потомъ кашу гречневую, кашу молочную, пирогъ съ ягодами и, подъ конецъ, весь въ пѣнкахъ варенецъ. Во все время обѣда я только смотрѣлъ и удивлялся ихъ аппетиту! а мужички, во славу Божію, оплетали все, что подавали!... Да еще иногда крикнутъ: „Хозяюшка, подбавь!" Кушая, запивали они то квасомъ, то бражкой; потъ ручьемъ лилъ съ ихъ красныхъ лицъ. Ну — богатыри!... Вотъ ужъ правда, что нѣмцу такой обѣдъ былъ бы чистая смерть! Послѣ обѣда залегли они спать, раздалось такое храпѣнье,

что страсть! Мнѣ стало душно въ избѣ; я ушелъ въ лѣсъ. Какъ хорошо въ лѣсу! Шопотъ деревьевъ и ихъ смолистый запахъ такъ много напомнили мнѣ изъ моего веселаго дѣтства.

Съ послѣдней станціи завидѣлъ я знакомыя горы; только за дальностью нельзя было разсмотрѣть города — все застилало туманомъ. Вотъ онъ — Нижній!... Какъ забилось сердце, когда стали виднѣться церкви и стѣны кремля. Подъѣзжаемъ все ближе и ближе — и вотъ ярмарка, во всемъ величіи, раскрылась передъ нами. Рѣкъ не видно, но цѣлый лѣсъ мачтъ вздымался по Окѣ и Волгѣ. Вотъ виднѣются китайцы на палаткахъ. Здравствуйте, старые пріятели! Вы меня маленькаго пугали, а теперь я васъ не боюсь, а даже люблю какъ друзей воспоминанія. На ярмаркѣ раздавались шумъ, крикъ, звонъ. Вотъ канава, вотъ столбы съ флагами. Здравствуй, Ока родимая, широкая!... Остановился я на Пескахъ, у того-же дворника, гдѣ и наши извозчики. Помѣщеніе дали мнѣ въ сараѣ съ сѣномъ. Чудо, какъ хорошо!... Скоро по пріѣздѣ наступилъ вечеръ; залегъ я спать, чтобы утромъ встать пораньше, но, несмотря на усталость отъ дороги, долго не могъ уснуть: тутъ говоръ, тамъ пѣсни, вдали изъ балагановъ несутся звуки музыки, а на Пескахъ и по рѣкѣ временемъ раздавались оклики и стукъ сторожевой. Все это — знакомое, дорогое сердцу!... Мое давнее желаніе быть въ Нижнемъ сбылось воочію.

Утромъ, еще до восхода солнца, я уже бродилъ по берегамъ Оки и Волги, во всѣхъ знакомыхъ мѣстахъ перебывалъ. У колокольной палатки я былъ свидѣтелемъ необычайной лошадиной силы. Купленный кѣмъ-то колоколъ надо было свезти на барку, а вѣсу въ немъ было 108 пудовъ, и пріѣхалъ-то за нимъ извозчикъ на одной лошади. Правда, лошадь была видная, сухая и съ мощной грудью; однакоже по песку-то везти такую тяжесть не шутка! Взвалили колоколъ на дроги — и лошадь, чтобы взять съ мѣста, понатужилась такъ, что инда оглобли затрещали. Одначе тронулась и дальше повезла, такъ себѣ, безъ особыхъ усилій. Подивились мы всѣ тутъ лошадкѣ, дай Богъ ей здоровья! Отсюда отправился я на ту сторону, въ городъ, побывалъ у церквей Никольской и Казанской. Того дома, гдѣ мы жили, уже не было: все перестроили. Да, 10 лѣтъ вѣдь прошло съ того времени. Пошелъ

я въ Кремль и къ Печерскому монастырю, — съ горы любовался на нашу родную кормилицу, матушку Волгу, съ ея необъятною далью. Опять она передо мною. Да!... Вотъ будто виднѣются тѣ же суда — бѣляны, расшивы, струги... тѣ же узоры съ цвѣтными флагами! Ишь ты! какъ бы нарочно, на томъ же мѣстѣ и коноводная барка!... Несутся откуда-то знакомыя пѣсни:

Подуй, ты подуй непогодушка,
Эхма!... не маленькая...
Ты взойди-ка, взойди, красно солнышко,
Взойди надъ горою, да надъ высокою,
Осуши да обогрѣй насъ, добрыхъ молодцевъ...

Экая благодать! Экое раздолье! Не даромъ приговариваютъ:

Трудна ты, больно трудна ты жизнь бурлацкая!
А ужъ коли бурлакъ да на Волгѣ провеснуетъ,
То и вѣкъ тутъ провѣкуетъ!

Спустившись къ перевозу, я пожелалъ переправиться на ту сторону, на Боровскую пристань.

Ну, какъ не прокатиться по волнамъ родимой! У парома народу, лошадей, возовъ — страсть сколько! Крики, брань — на русскомъ, татарскомъ, корельскомъ нарѣчіяхъ — такъ и сыпались со всѣхъ сторонъ. Давка, тѣснота страшная! Ничего не разберешь и не добьешься. Я съ нѣсколькими пассажирами сѣлъ на небольшую перевозную лодочку. Подъ парусомъ плыли мы къ Боркамъ, какъ утки, качаясь на волнахъ. Обернувшись къ городу, не могъ я довольно налюбоваться чуднымъ видомъ. Но вотъ Боровскій перевозъ, — здѣсь такой же былъ шумъ и гамъ. За тѣснотой мы не могли попасть на подмостки и сошли прямо на песокъ. На этомъ берегу тоже стояла своего рода ярмарка, которая называлась „бабьей". Торговля все больше изъ деревенскаго издѣлья, тутъ же много виднѣлось плодовъ и воблы. Потолкавшись межъ народа, побрелъ я берегомъ къ песчанымъ буграмъ около старообрядческаго кладбища. Какъ тутъ пустынно, хорошо! Вдали, на горѣ, въ туманѣ, городъ, а за лѣсомъ мачтъ едва виднѣлась ярмарка. Слѣва тянется лѣсъ-боръ, а прямо безъ конца сверкала красавица Волга; надъ ней вздымались горы, изрытыя лощинами. Какъ очаро-

ванный, смотрѣлъ я на все, меня окружающее. Нехотя возвратился я къ перевозу и, утомленный до нельзя, насилу дошелъ до своего жилья, съ наслажденіемъ повалился я на душистое сѣно и заснулъ богатырскимъ сномъ.

Слѣдующіе дни разгуливалъ я по ярмаркѣ, зѣвалъ на увеселительные балаганы, много смѣялся шуткамъ и остротамъ скомороховъ. Между прочимъ разыскалъ контору Астраханскихъ рыболовныхъ промысловъ, гдѣ стояли и баржи съ рыбой. Тамъ мнѣ сказали, что М. А. скоро сюда пріѣдетъ. Черезъ пять-шесть дней дѣйствительно прибылъ М. А. съ семействомъ своимъ. Я тотчасъ же къ нему явился, но дѣла мнѣ не оказалось никакого: развѣ иногда проводить С. Х—вну въ городъ на богомолье. Наконецъ велѣно готовиться къ отъѣзду. Снарядили два тарантаса и, помолясь Богу, числа 3-го сентября, пустились въ путь, въ дорожку дальнюю.

Прежде я думалъ — мы поѣдемъ водой по Волгѣ, да такъ и предполагалось, но С. Х—вна перетрусила, увидѣвъ такія большія рѣки и наотрѣзъ отказалась ѣхать по водѣ. Экая досада! Ну, нечего дѣлать! оно недурно и сухопутьемъ. Вѣдь тысячи верстъ придется ѣхать, такъ будетъ на что взглянуть.

Начало путешествія нашего было не совсѣмъ-то пріятное. На другой же день, съ утра еще, пошелъ моросить осенній дождикъ, стало сиверко, туманно. Сидя на облучкѣ, я все дремалъ отъ скуки. Первый городъ на пути былъ Арзамасъ; я уже бывалъ въ немъ. На этотъ разъ онъ мнѣ не понравился: много церквей, мало хорошихъ домовъ и всюду грязь непролазная. Далѣе проѣзжали Саранскъ — городъ гораздо хуже Арзамаса и еще грязнѣе его; щеголялъ онъ только полосатыми будками и шлагбаумами. Проѣхали городъ Пензу, а за нимъ, на село похожій, Петровскъ. Далѣе на пути стали попадаться удивительно чистыя селенія и видомъ совсѣмъ не такія, какъ наши россійскія.

— Извощикъ, спрашиваю я: что это такія за деревни?

— А это, братъ, нѣмчурская колонія, отвѣчалъ онъ.

— Вотъ что! Какъ это они попали сюда? Ишь какъ живутъ-то хорошо! Улица чистая, тополи по ней, постройки какія!

— Да какъ и не жить имъ! Въ своей-то сторонѣ они, вишь, чуть съ голода не подохли, — ну, и взмолились тамъ

кому-то, въ Питерѣ, изъ своихъ же выходцевъ. Вотъ ихъ и посадили сюда. Отъѣлись тутъ, жирные стали! Опять же у нихъ нѣтъ ни помѣщиковъ, ни начальства нашего; поборовъ, платежей никакихъ не знаютъ, дуй ихъ горой! Такъ-то имъ жить можно!

Пріѣхали въ Саратовъ почти что къ ночи. Утромъ на другой день пошелъ я взглянуть на городъ. Да! Саратовъ большой городъ и хорошій, только разбросанъ какъ-то. Строенія есть, какъ и въ Москвѣ, большія, а вотъ мостовыхъ и фонарей мало; зато Волга здѣсь еще шире и красивѣе; на пристаняхъ большое движеніе, говоръ, шумъ. Какъ видно, торговля здѣсь процвѣтаетъ, а между тѣмъ много бѣдноты бросается въ глаза повсюду. Что за притча? Извозчикъ говоритъ, что здѣсь богатѣютъ только купцы да кулаки, а тысячи народа трудятся изъ-за грошей.

Подойдя къ базару, я былъ удивленъ огромнымъ складомъ всякихъ фруктовъ, овощей и особенно дынь и арбузовъ. У меня глаза разгорѣлись.

— По чемъ, тетушка, арбузы? спрашиваю я у торговки.

— Да бери, касатикъ, любой! Сколько тебѣ? Вотъ камышинскіе, вотъ царицынскіе... бери. Пятакъ за пару.

„Какъ дешево-то", подумалъ я. Выбравъ два арбуза, пустился безъ оглядки домой, думаю — удивлю своихъ. Не тутъ-то было! Домашніе тоже купили, и еще дешевле моего. Экое раздолье! Вотъ край-то! Вотъ гдѣ житье-то! Ужъ и наѣлся я арбузовъ... Нельзя вѣдь, — въ охотку.

— А что извозчикъ, спрашиваю: по дорогѣ-то также будутъ дешевые арбузы?

— Эка невидаль! отвѣтилъ онъ: да подъ Царицынымъ ими свиней кормятъ.

— Что ты врешь!...

— Вѣрно говорю! Вотъ увидишь самъ. А въ Астрахани такъ и виноградъ ни по чемъ.

Вотъ такъ сторонка!... Отъ Саратова до Царицына дорога все идетъ горами и въ виду Волги. Горный берегъ дикъ, пустыненъ, а луговая сторона вся оживлена растительностью. Такъ пріятно и весело, когда смотришь на заволжскую даль.

Вотъ пріѣхали и въ Царицынъ, — славный городъ, по пѣснямъ, на самомъ же дѣлѣ онъ на видъ очень невзраченъ.

За Царицынымъ, въ 28 верстахъ, на берегу Волги, процвѣтаетъ столица нѣмецкихъ колоній — Сарепта.

Городъ очень красивый и опрятный. Улицы усыпаны пескомъ; по бокамъ растутъ душистые тополи. Внутри городка устроенъ прудъ, въ который протекаетъ ключевая вода, проведенная съ горъ. Въ гостиницѣ, на дворѣ, изъ той же воды билъ фонтанъ. Да! какъ хорошо все устроено! Дома всѣ такіе красивые, съ палисадниками и садочками. Мы два дня прожили въ Сарептѣ. Въ первый день нашего пріѣзда была служба въ киркѣ. Я зашелъ туда. Съ полнымъ удовольствіемъ слушалъ я игру на органѣ: чудные, могучіе звуки, какъ волны неслись по сводамъ.

Рядомъ съ гостиницей стоялъ хорошенькій домикъ, въ которомъ, я замѣтилъ, днемъ работали на станкахъ, а вечеромъ эти же работники разыгрывали что-то хорошее на разныхъ инструментахъ. Умѣютъ жить эти нѣмцы, — подумалъ я. На другой день, вѣроятно, у нихъ былъ праздникъ: въ киркѣ опять шла служба, а послѣ обѣда, всѣ разодѣтыя, нѣмочки, съ гитарами въ рукахъ, поѣхали на линейкахъ въ загородный садъ, гдѣ ключи. Это все объясняла мнѣ Гретхенъ, служанка въ гостиницѣ. Славная эта Гретхенъ! такъ смѣшно объясняется по-русски...

Жаль намъ было оставлять Сарепту. М. А. такъ она понравилась, что онъ при выѣздѣ сказалъ: „Желалъ бы я здѣсь жить и умереть“.

Ну, нѣтъ! Я не согласенъ съ нимъ. Пожить бы здѣсь временно, правда, хорошо; но только не надолго, — чужое надоѣстъ!

За Сарептой горный берегъ кончается; его замѣняетъ песчаная степь, и вся эта степь, поросшая ковылемъ-травой, тянется до Моздока. Осенней и зимней порой по ней, словно оборотни, катятся быстро клубы перекати-поля. Какъ тутъ безжизненно! Ни деревца, ни травки-муравки зелененькой... только песокъ и песокъ. Однакожъ какъ здѣсь жарко! Здѣсь сентябрь смотритъ нашимъ іюлемъ. Вотъ въ какіе теплые края пріѣхали!...

Отсюда, за Сарептой, столбовая дорога идетъ по заплескамъ Волги. Песками-то вѣдь тяжело, а тутъ, мокрымъ-то мѣстомъ, ѣхать легко, только прибой пугаетъ, когда хлеста-

нетъ волной по колесамъ. Ну, ужъ тутъ и Волга! просто — море! Другой берегъ едва виденъ; суда съ парусами издали виднѣются словно птицы съ крыльями.

Не забыть мнѣ одного утра, когда солнце еще не всходило! Туманъ плотной стѣной висѣлъ надъ рѣкою; отовсюду раздаются крики журавлей, баклановъ, чаекъ и птицъ-бабъ, а вдали, Богъ знаетъ откуда, несется пѣсня бурлацкая... Прибой шумно бьетъ въ тарантасъ и ноги лошадей... Свѣжо; ко сну клонитъ, а уснуть невозможно. Вотъ заколебался туманъ, свернулся то клубомъ, то узорами, и быстро понесся по Волгѣ. На востокѣ небо все въ золотѣ, и черезъ минуту, вдругъ ярко блеснуло по волнамъ свѣтлое, веселое солнышко — и все кругомъ еще больше оживилось, и какой жизнью! пересказать нѣтъ словъ! Такъ вотъ отчего Волгу-то воспѣвали въ пѣсняхъ и былинахъ, и отчего надавали ей такъ много ласкательныхъ именъ.

По этой дорогѣ мало селеній — все больше виднѣлись калмыцкія кибитки. Гдѣ-то, недалеко отъ Енотаевска, пришлось ѣхать по сыпучему песку, заплесками уже нельзя было: берегъ крутъ. Вотъ мученье было бѣднымъ лошадкамъ! Вѣтромъ-то песокъ такъ и несетъ въ глаза, такъ и пересыпаетъ!... Тутъ еще, на бѣду, сломалась ось, да и лошади пристали. Что дѣлать? Пришлось посылать за осью и другими лошадьми на станцію. Пока посланные воротились, насъ такъ пескомъ занесло, что насилу откопали. Вотъ страха-то набрались! особенно С. Х — вна; она, просто, бѣлугой ревѣла!

Дорогой, за Чернымъ Яромъ, въ первый разъ я увидѣлъ дивное животное — верблюда.

По выѣздѣ изъ Нижняго, спустя болѣе трехъ недѣль, наконецъ, вдали намъ показался кремль, соборъ и цѣлый лѣсъ мачтъ на Волгѣ: то была Астрахань, иль по старинному Тьму-тараханъ.

Какъ забилось мое сердце! Вотъ наша пристань! Что-то будетъ?! Не доѣзжая нѣсколько верстъ до города, встрѣтили мы нѣчто въ родѣ ярмарки, но только не нашей православной. Тутъ же было и татарское селеніе. Тьма была и людей и лошадей косяками. По торжищу толкались и сновали съ невыразимымъ шумомъ и крикомъ татары, калмыки, киргизы, армяне, персіяне, русскіе и разные другіе народы. Калмыки

и армяне разговаривали, точно собаки лаютъ. Дорога такъ была запружена народомъ, лошадьми, верблюдами и арбами, что мы съ большимъ трудомъ проѣхали. Вотъ и перевозъ астраханскій. Тутъ тоже суматоха была страшная. Пока насъ помѣстили на паромъ да перевезли на ту сторону — времени пошло на все это часа два, и уже стемнѣло, когда въѣхали въ городъ.

Астрахань.

Поселились мы въ приготовленной квартирѣ на берегу Кутума, въ хорошенькомъ домикѣ. Здѣсь, просто, лѣто стоитъ; жара такая, что силъ нѣтъ. Купаться началъ, да и всѣ еще купаются: вода претеплая. Городъ большой, но пыльный и грязный, вообще выглядитъ не по-русски, а азіатомъ. Стѣны кремля и башенъ до того ветхи, что того и гляди рухнутъ. Соборъ грандіозной постройки. Зато внутри кремля просто мерзость: казармы грязныя, вонючія, вездѣ нечистота; тошно и жалко смотрѣть! Этакая старина, святыня — и содержится въ такомъ видѣ!

Главныя улицы, мѣстами, имѣютъ большія и хорошія зданія, но подальше къ окраинамъ грязны и пустынны. Обветшалыя избенки разбросаны какъ попало; лучшіе дома все больше во дворахъ, оттого улицы тянутся между заборовъ. Такія мѣста занимаютъ армяне, персіяне и татары. Всюду, въ этихъ краяхъ какъ-то мертво: оживленіе и людей только и видишь въ торговыхъ рядахъ, на Исадахъ и особенно у пристани на Волгѣ.

Черезъ нѣсколько дней по пріѣздѣ, М. А. повелъ меня въ контору Учужныхъ рыболовныхъ промысловъ. Тамъ меня тотчасъ усадили за дѣло. Контора эта помѣщалась отъ насъ недалеко, тоже на Кутумѣ, въ большомъ домѣ. Служащихъ въ ней было болѣе двадцати человѣкъ. Скоро сошелся я съ молодыми товарищами по службѣ, и житье пошло мнѣ не худое.

Конторой управлялъ Ждановскій. Это мѣсто обѣщано было М. А., да Ждановскій поддѣлался къ В. И. Я — ву и опять остался на прежнихъ правахъ. М. А. пришлось занять долж-

ность главнаго бухгалтера. Грустно, тяжело было ему перенесть такое оскорбленіе, но дѣлать нечего... Заѣхалъ въ такую даль съ семействомъ — куда дѣнешься!

Начальникъ мой ближайшій былъ большой весельчакъ, шутникъ и выпить любилъ. До насъ, молодыхъ, былъ добръ и снисходителенъ. Не забыть мнѣ двухъ чудаковъ, — тоже служащихъ. Одинъ — пріемщикъ промысловыхъ матеріаловъ, а другой въ родѣ ходатая-стряпчаго по судейскимъ дѣламъ. Жили они между собою въ большой дружбѣ. Пріемщикъ — человѣкъ маленькій, пузастенькій, одѣвался по-русски, а ходатай брилъ бороду и усы и одѣвался по-нѣмецки, вообще выглядѣлъ крючкомъ-чиновникомъ. Первый любилъ пиво, а другой предпочиталъ чихирь-поперечникъ [1]). На ихъ счетъ мы много забавлялись и даже сочинили стихи:

Одинъ изъ нихъ браду имѣетъ,
Другой браду въ цырюльнѣ бреетъ;
Одинъ изъ нихъ чихирнымъ упивается,
Другой все пивомъ обливается, —
И оба ходятъ, какъ заря,
Одинъ отъ полпива, другой отъ чихиря.

И враждовали же они на насъ за эти стихи!

Потѣха была не малая, право!

На одинъ изъ странныхъ обычаевъ астраханскихъ пришлось мнѣ наткнуться въ одну изъ пятницъ въ торговой банѣ. Взявши билетъ и войдя въ предбанникъ, я увидѣлъ голыхъ мужчинъ и женщинъ.

Воротившись къ кассиру-татарину, я спросилъ:

— Какъ же это тамъ женщины?

— А чего жъ твой боится, отвѣтилъ онъ: нынче пятница, завсегда вмѣстѣ, общая баня, всегда такъ бываетъ.

— Ну, нѣтъ! Я не пойду! Лучше въ другой день! Такъ и воротился домой. Домашніе наши много потѣшались надо мной за это.

Наконецъ настала и здѣсь осень со своей холодной, ненастной погодой, заморозками и снѣжными вихрями. Открылись зимнія городскія удовольствія. Театръ объявилъ афишами о своихъ удивительныхъ представленіяхъ. Конечно, я всему предпочелъ театръ.

---

1) Чихирь, смѣшанный съ кизлярской водкой.

Первая пьеса, которую я увидѣлъ, была драма „Тереза, женевская сирота“.

Вотъ такъ страсти изобразили въ ней! Даже поплакалъ я надъ судьбою бѣдной несчастной Терезы, а на Вальтера озлобился такъ, что готовъ бы его избить до смерти,—просто, онъ разбойникъ, душегубъ! Въ этомъ же представленіи случилось смѣшное событіе: въ то время, когда судья сталъ допрашивать убійцу, не онъ ли совершилъ такое злодѣяніе, и когда Вальтеръ сталъ отрекаться отъ обвиненія, съ галлереи вдругъ раздался голосъ: „Врешь, собачій сынъ, разбойникъ этакой! Ты убилъ! Да тутъ, вотъ, народу добре много — всѣ, чай, были свидѣтелями. Не правда ль, братцы?“ обратился онъ къ сосѣдямъ. Въ креслахъ и ложахъ поднялся смѣхъ, полицейскіе засуетились, и бѣднягу доказчика схватили и потащили въ полицію.

По афишѣ въ пьесѣ играли: Вальтера—*Зальсскій*, Арендатора—*Колосовъ*, Карла—*Соколовскій*, Терезу—*Дмитріева*.

Съ этого раза пристрастился я къ театру, и, какъ только была возможность, посѣщалъ его. Актеры казались мнѣ какими-то особенными людьми, и если случалось кого-нибудь изъ нихъ угощать,—то считалъ себя счастливымъ человѣкомъ. А актрисъ просто уважалъ! такія всѣ онѣ хорошенькія, богини да и только!... Ночи не спалъ, думая о нихъ. Хотѣлось бы поближе увидать и поговорить съ ними, да нѣтъ, куда мнѣ соваться: ни смѣлости, ни умѣнья объясниться не хватитъ у меня.

Въ этотъ годъ зима здѣсь стояла чудная: снѣгъ выпадетъ, слегка подкрѣпитъ морозцемъ, а тамъ, глядишь, пойдетъ дождь, и снѣгу какъ не бывало, снова слякоть, грязь невылазныя. По временамъ Волгу закуетъ такъ, что и ѣздить можно, но вдругъ подуетъ моряна, ледъ весь взломаетъ и унесетъ къ морю; Волга и протоки вздуются, какъ въ полую воду. Если вѣтеръ продержится дня два-три, то, въ такомъ случаѣ, натворится много бѣдъ, особенно у окраинъ, по берегамъ.

Однажды вошелъ я въ соборъ, когда тамъ служилъ архіерей Смарагдъ. Сказывали, онъ очень строгъ до поповъ: лупитъ ихъ жезломъ иль треплетъ за косы. И боялись же они его страхъ какъ! Какъ снаружи, такъ и внутри соборъ имѣлъ величественный видъ; говорили, что соборъ этотъ построенъ

Петромъ Великимъ, а колокольню выстроилъ при Екатеринѣ Великой нѣкій Варваціо.

Этотъ грекъ, вишь, былъ прежде морскимъ корсаромъ, и за заслуги русскому флоту при сраженіи съ турками императрица подарила ему Астраханскія воды. И какъ ловля рыбы зависѣла отъ Варваціо, то отъ этой статьи онъ и разбогатѣлъ. Вотъ, въ благодарность, будто бы онъ и выстроилъ колокольню, пристань и набережныя у каналовъ.

Внутри города находится артезіанскій колодецъ; говорятъ, его долго рыли и дорылись до того, что вдругъ изъ него хлынулъ огонь. Послѣ сдѣлали колпакъ, да и оставили безъ вниманія. Для любопытныхъ горожанъ и пріѣзжихъ сторожъ открываетъ кранъ и колпакъ, и тогда огонь съ страшной силой вырывается наружу.

Въ Великій четвергъ, на Страстной, я былъ въ армянскомъ соборѣ. Служилъ ихъ архіерей. Орденовъ на немъ сколько! Пѣніе армянское, гнусливое, для слуха очень непріятно. Умываніе ногъ архіерей совершалъ такъ же, какъ и у насъ. Въ ночь подъ Великую пятницу и субботу, въ ихъ церквахъ идетъ непрестанная служба. Армянки, идя въ церковь, надѣваютъ бѣлую одежду; ночью-то, издали, какъ смотришь, такъ и думаешь, что это бредутъ покойницы въ саванахъ, съ зажженными свѣчами.

Пасхой стояла чудная погода: тепло, сухо. Всѣ овражки, балки, ерики, степь — все наполнилось водой. А Волга-то полнѣетъ да прибываетъ. Островъ, что противъ пристани и перевоза затопило; залило всѣ постройки. Болда тоже вышла изъ береговъ и затопила собой всю низину до слободки. Но это еще не настоящее водополье, а вотъ какъ двинется вода изъ Камы, отъ Уральскихъ горъ, ну, тогда Астрахань держись только! Всѣ окраины, слободы, пристани, да и самый городъ до Кремля — все покрывается водою. Случается иными годами, что буря съ моря гонитъ Волгу къ Астрахани, а сверху все напираетъ да напираетъ прибыль, ну, тутъ жители бѣдъ не оберутся! Всюду раздаются плачъ, вопль и жалобные голоса о помощи и спасеніи. Множество лодокъ шныряютъ по улицамъ и заливамъ, спѣша подать руку помощи. И стоитъ здѣсь половодье очень долго, до половины іюня, — это время лучшее для жителей состоятельныхъ. Празд-

никами, особенно, собираются кружки и въ косныхъ лодкахъ катаются по заливамъ, пируютъ на островахъ. Иные забираютъ съ собой музыку. Любо глядѣть, какъ на лодочкахъ бѣлѣютъ паруса, какъ на мачтахъ развѣваются флаги и ленты, А ночью мелькаютъ на нихъ разноцвѣтные фонари. Гуляки сидятъ подъ зонтомъ, въ родѣ палатки. Волны бушуютъ, пѣнятся, а гребцы дружно, сильно разсѣкаютъ ихъ, и быстро несется косная, пока не скроется изъ глазъ за островами.

Сталъ и я съ товарищами да съ знакомыми частенько загуливать. М. А. сначала молчалъ, ну, а тамъ сталъ журить, бранить. Но видя, что я не унимаюсь, прогналъ изъ своего жилья.

— Ничего! Эка бѣда! сказалъ мнѣ товарищъ Сашка. — Пойдемъ ко мнѣ. У меня свой домъ; дамъ тебѣ помѣщеніе — хорошенькую комнатку. Заживемъ вотъ какъ, на славу!

Надобно сказать, этотъ Сашка — одинъ изъ первыхъ сподвижниковъ нашей компаніи. Онъ былъ человѣкъ женатый, и хотя на видъ плюгавенькій, плѣшивый, но на разныя похожденія куда какой мастеръ. Черезъ него я большое знакомство свелъ. Въ хорошіе лѣтніе дни часто мы съ нимъ, семейно или холостой компаніей, ходили гулять въ Болдинскій виноградный садъ, который принадлежалъ Болдинскому монастырю. Сказывали, монастырь этотъ давно смыло теченіемъ рукава Волги — Болды. Теперь на этомъ мѣстѣ стало глубоко. Большая часть сада, тоже исчезла въ водѣ. Вѣроятно, со временемъ, затонетъ и все остальное. Въ мое время уголокъ сада еще существовалъ, и мы въ немъ лакомились чуднымъ виноградомъ. Рядомъ лежала бахча съ превосходными арбузами и дынями. Плоды эти такого вкуса и сладости, что я послѣ ужъ такихъ не ѣдалъ.

Однажды, возвращаясь изъ этого сада, я былъ свидѣтелемъ невиданнаго мною явленія. При безоблачномъ небѣ, вдругъ стала надвигаться темнота съ верховья Волги. Сначала подумали, что это несется грозовая туча; стали разсматривать — нѣтъ, не то, что-то другое, непонятное. Межъ тѣмъ темнота быстро приближалась къ городу. Только что подошли къ своему дому, какъ вдругъ съ неба, изъ темной тучи, посыпались насѣкомыя, въ родѣ кузнечиковъ, только гораздо больше ихъ. „Саранча! Саранча!“ раздаются повсюду испуганные и отчаян-

ные голоса. А! такъ вотъ она саранча — бичъ Божій! Съ роду вижу впервые. Однако надо было поскорѣй укрыться, а то она такъ хлещетъ, невтерпежъ. На дворѣ у себя набрали мы саранчи полную банку и стали разсматривать: гдѣ это тамъ у нихъ означено: „*Гнѣвъ Божій*". Пустое, ничего этого нѣтъ! Просто какія-то полоски и крапинки на крыльяхъ... Развѣ на другомъ какомъ языкѣ есть сходство, а на нашемъ нѣтъ. Ужъ и суматоха же была въ городѣ, особливо въ садахъ: звонъ, стукъ, пальба, мѣстами развели костры, а то рыли канавы, куда забивали саранчу. Словомъ, милыхъ незванныхъ старались выпроводить отъ себя поскорѣй. По городу — крыши, улицы, все было усыпано этими насѣкомыми. Гдѣ пала саранча на зелень и растенія — тамъ все стало голо, какъ зимой. Вотъ такъ обжоры! И какой отъ нея запахъ пошелъ, не продохнешь! Къ счастію еще, что она городъ-то захватила только краемъ. Бóльшую массу тучи несло степью и Волгой и гнало ее вѣтромъ къ морю. Въ Волгу ея столько попадало, что на лодкахъ не проѣхать.

Вскорѣ послѣ этой оказіи назначенъ я былъ конторой въ отъѣздъ при комиссіи для пріема рыбныхъ промысловъ: перемѣнились откупщики, и потому однимъ надо было сдать все имущество, а другимъ принять. Дѣла предстояло много. Стало-быть, въ отлучкѣ приходилось мнѣ пробыть мѣсяцъ цѣлый, а можетъ быть и больше. Отъѣздъ назначенъ былъ ночью. Нѣсколько большихъ косныхъ лодокъ давно насъ ожидали на Кутумѣ. Ночь чудная, теплая! Безграничная даль Волги, вся залитая луннымъ свѣтомъ, терялась среди камышей и протоковъ. А тамъ далѣе увижу я еще въ первый разъ море, море завѣтное, Хвалынское, гдѣ

Младъ, ясенъ соколъ
Убилъ, ушибъ лебедушку бѣлую.

Лодки, на которыхъ мы плыли, не только удобны, но и роскошны. Близъ кормы ставили зонтъ, а подъ нимъ имѣлись мягкія скамейки, на которыхъ можно и сидѣть и лежать. Кромѣ того, когда надобно, устраивался столъ. Думая о прошломъ и будущемъ, я скоро задремалъ; этому способствовала тихая весенняя качка. Солнце встало, когда насъ разбудили къ чаю. Причаливъ къ островку, всѣ размѣстились, кто къ са-

моварамъ, кто къ котелкамъ съ калмыцкимъ чаемъ. Чай калмыцкій и кирпичный одно и то же. Онъ имѣетъ видъ плоскаго темно-сѣраго кирпича. Доска чайная очень крѣпка. Нарубивъ его кусками, кладутъ въ налитый водою котелокъ или горшокъ. Прокипятивъ хорошенько, посолить, положить туда же масла коровьяго или сливочнаго, когда чай будетъ достаточно прокипяченъ, накрыть крышкою, дать немного утомиться и отстояться, затѣмъ подлей сливокъ и пей во славу Божію. Калмыки большею частію кладутъ вмѣсто масла и молока баранину. При этомъ ѣдятъ обыкновенно татарскій чурекъ, т.-е. сухую лепешку, величиною съ большую сковороду. Кто привыкъ къ калмыцкому чаю, тотъ будетъ его пить много, и нерѣдко русскій чай бросаютъ совсѣмъ. Ко всему этому онъ здоровъ для груди и очень питателенъ. А скучновато стало ѣхать: все-то камыши да протоки. Наконецъ-то приплыли къ ватагамъ. Въ промысловыхъ мѣстахъ обитаютъ ловцы съ семействами и служащіе лица отъ конторы. Тутъ принимаютъ рыбу, раздѣлываютъ ее и солятъ; здѣсь же находятся и ледники съ тузлуками.

Исправя пріемъ и оцѣнку ближайшихъ ватагъ и промысловыхъ поселеній, поплыли мы далѣе, къ морю. Среди лимановъ и въ большихъ протокахъ морская зыбь давала себя знать. А тамъ, вдали, сталъ слышаться какой-то страшный ревъ. Такого шума я еще не слыхалъ въ свою жизнь, — то былъ голосъ моря! На послѣднемъ промыслѣ насъ помѣстили въ калмыцкихъ кибиткахъ. Тутъ же, у берега, въ котлахъ варилась уха изъ только что пойманныхъ стерлядей и другой разной рыбы. Уха такъ была жирна, что сверху покрылась янтаремъ вершка на два. Передъ обѣдомъ приготовили вина и водки и къ ней свѣжую стерляжью икру съ лукомъ. И что жъ это была за уха! какъ говорится: „ни въ сказкахъ сказать, ни перомъ написать“.

На другой день еще солнце не вставало, а я ужъ былъ на ногахъ. Точно очарованный, стоялъ я, смотря на сказочное море Хвалынское! Вдали оно волновалось и шумѣло, а тутъ, въ заливахъ и камышахъ, стояло тихо. Шумъ моря, крики безчисленныхъ птицъ — все сливалось такъ, что я не могъ наслушаться.

— Великъ Сотворившій такую могучую красоту! невольно воскликнулъ я.

Смотрю — наши въ заливѣ купаются, пойду и я. Какое наслажденіе купаться въ морѣ! Хоть страшно, но такъ пріятно, когда вдругъ откуда-то ворвется волна и обдастъ тебя!

Днемъ велось дѣло: опись, оцѣнка, запись въ книги; ночью составлялись реэстры, дублеты и письма. Послѣ — попойка у старшихъ и подъ утро спать.

Управившись съ этой ватагой-промысломъ, приходилось отправляться на дальнія мѣста и потомъ на Четырехъ-Бугорный промыселъ. Нашей партіи пришлось раздѣлиться, кому дальше, кому ближе. Пріятно ѣхать по морю, а страхъ беретъ: ну, какъ потонешь! Вѣдь это ужъ не Волга. И на Волгѣ-то, случается, частенько гибнутъ суда и лодки, а тутъ, какъ завезутъ подальше-то, такъ кромѣ воды да неба ничего не увидишь! Однако, хочешь — не хочешь, а поѣзжай! На большой морской косной лодкѣ помѣстили насъ пятеро пассажировъ да человѣкъ 8—10 гребцовъ-калмыковъ. Изъ насъ только двое новички: я да купецъ-оцѣнщикъ. Не знаю, какъ мой сотоварищъ, а я таки струхнулъ и въ душѣ усердно Богу помолился. Ударили въ весла, и черезъ часъ, другой черни и камыши скрылись изъ глазъ; а какъ наставили паруса, такъ наша лодка стрѣлой полетѣла по взморью. Вѣтеръ не сильный, а волны здоровенныя! Временемъ такъ и обдастъ тебя водяной пылью. Ѳедоръ Алексѣевичъ Т—въ распорядился приготовить завтракъ. Пили всѣ усердно, кромѣ меня. Ѳ. А. все надъ нами съ оцѣнщикомъ трунилъ. Шутка шуткой, а дѣло-то выходитъ дрянь! Рулевой сталъ озираться и глядѣть на небо, гребцы тоже что-то тревожно забормотали, повертываютъ головы то въ ту, то въ другую сторону. Спрашиваемъ, что они тамъ завидѣли? Но ни гребцы, ни рулевой ни слова не отвѣчаютъ. Видимъ, по приказу рулевого, сняли паруса и опять поплыли на веслахъ. Вдругъ онъ намъ крикнулъ:

— Держись, бачка!

— Что такое? спрашиваетъ оцѣнщикъ у Т—ва.

— Да что, отвѣчаетъ тотъ, должно быть Сайгачій-старинушка покачать насъ хочетъ.

Тутъ и я съ робостью спросилъ его:

— Ѳ. А., что это значитъ качать?

— А вотъ увидишь!

Господи Боже мой, что же это такое будетъ? Ожиданіе

неизвѣстной опасности хуже всего. Опасность эта не замедлила явиться, чтобы познакомить съ собой. Это, изволите ли видѣть, вѣтеръ откуда-то сверху палъ и понесся шкваломъ. Вотъ тутъ-то мы съ купцомъ не взвидѣли свѣта! Начало нашу лодку подбрасывать въ разныя стороны: то кувыркнется словно въ оврагъ какой, а то вскинетъ на бугоръ да обдастъ водой, соленой да горькой такой! Пошла сумятица. То крикнетъ рулевой, то заголосятъ гребцы-калмыки. Бросились выливать воду, которую нахлестало въ лодку-то довольно; а мы съ оцѣнщикомъ сидимъ ни живы, ни мертвы. И какихъ только святыхъ я не поминалъ, сколько обѣщаній надавалъ! и зарокъ далъ никогда не ѣздить по морю, а подъ конецъ и надежду потерялъ всякую, особенно какъ поднялась тошнота да рвота! И смѣхъ и горе! Другъ друга такъ и обдаемъ! Сначала ругались, а послѣ ужъ и вниманія на это не обращали! Не запомню хорошенько, долго ли длилась мучительная завируха, но только вдругъ кто-то крикнулъ:

— Берегъ близко!

Несказанно возрадовались мы такому извѣстію. Подъѣзжая къ промыслу, насъ ударомъ волны вышвырнуло на береговой песокъ.

Оглушенный, избитый, съ надорваннымъ нутромъ, лежалъ я, весь мокрый, на берегу. Когда же всталъ на ноги, то не могъ сдѣлать двухъ-трехъ шаговъ: земля-то подъ ногами ходенемъ ходитъ. Зато какъ любо было, когда, одѣвшись въ сухое платье, присѣли мы къ котелку съ чаемъ. Прошло этакъ съ часъ времени, и все спало съ насъ, какъ съ гуся вода. Забыты и страхъ и болѣзнь морская. Особенно какъ приготовили ужинъ; а на насъ, послѣ передряги этой, такой ѣдунъ напалъ — просто волчій!

Цѣлый мѣсяцъ скитались мы по промысламъ; дѣла приходили къ концу. На Четырехъ-Бугорномъ промыслѣ, послѣднемъ пристанищѣ, вся компанія, собравшись сюда, предалась веселью. Скоро, вѣроятно, поѣдемъ въ обратный путь. Мнѣ особенно хотѣлось въ Астрахань. Прискучило да и надоѣло это скитанье. Наконецъ, отдано было приказанье къ отъѣзду. Косныя лодки велѣно было приготовить къ разсвѣту другого дня. Въ послѣднюю ночь была попойка страшная. Ѳ. А. на этотъ разъ и меня такъ напоилъ, что я на другой

день очнулся у сарая. Солнце близко полудня. Съ тяжкой головой я не скоро могъ прійти въ себя, но вдругъ вспомнилъ: „Какъ это? Вѣдь я долженъ быть въ дорогѣ сегодня?“ Стремглавъ лечу въ контору. Все тихо; никого нѣтъ. Что это значитъ?... Господи!... Смотрю, у дверей лежитъ калмыкъ и лѣниво, съ полуоткрытыми глазами, сосетъ трубочку.

— Послушай!... Эй! Какъ тебя?... А гдѣ же наши всѣ?

Калмыкъ повернулся, показалъ на море и проговорилъ:

— Тамъ, бачка! Давно ушла.

— Какъ?... Уѣхали?... Это не можетъ быть! воскликнулъ я въ отчаяніи. — Да вѣдь этого нельзя... А я-то какъ же?...

Сердце сжалось отъ страха и горя. Не зналъ я, что и подумать. Напрасно просилъ, умолялъ калмыка объяснить мнѣ причину, почему это такъ сдѣлалось, что меня оставили. Калмыкъ ничего не отвѣчалъ, только все отплевывался. Потомъ онъ пробормоталъ что-то по-своему и отвернулся отъ меня. Да и что онъ могъ отвѣтить, плохо понимая меня? Что дѣлать? Русскихъ никого не оказалось, да они днемъ-то все больше на плоту пребываютъ, который отъ стана находился не близко. Однакожъ пошелъ туда разузнать хорошенько. Тамъ пріемщикъ объяснилъ, что всѣ уѣхали въ Астрахань; управляющій и другіе служащіе тоже отправились ихъ провожать.

— А насчетъ васъ, — добавилъ онъ, — я слышалъ, присланъ былъ изъ конторы приказъ оставить васъ здѣсь. Да вотъ управляющій воротится, такъ все объяснитъ.

— Вотъ тебѣ, бабушка, и Юрьевъ день! Что это такое будетъ? Вѣдь это похоже, что я точно въ ссылкѣ буду! Вѣдь здѣсь умрешь отъ скуки! печалился я.

— Ничего, привыкните! утѣшалъ приказчикъ.

Русскихъ служащихъ здѣсь не много находилось, все больше калмыки. Къ вечеру пріѣхалъ управитель — „самъ“, какъ величаютъ его рыболовы и рабочіе. При свиданіи со мной, онъ объяснилъ мнѣ, что имъ получено предписаніе изъ конторы оставить меня для исправленія книгъ и росписей, запутанныхъ бывшимъ письмоводителемъ.

„Ну, что жъ, такъ и быть... Поскучаемъ и поработаемъ“, разсуждалъ я. „Вѣдь это продлится, вѣроятно, не долго“.

Въ первое время, правда, занятія, дѣла было много. Цѣлые

дни корпѣлъ я надъ бумагами. Видя мою такую ревность, „самъ“ присовѣтовалъ не слишкомъ утомлять себя, въ свободные и праздничные дни разрѣшилъ мнѣ кататься на маленькой байдаркѣ, иль съ ружьемъ поохотиться на птицъ, которыхъ здѣсь множество. Приказчикъ зарядилъ мнѣ ружье и научилъ, какъ дѣйствовать имъ. Вотъ въ одно прекрасное утро пошелъ я къ заливамъ и камышамъ; въ нихъ завидѣлъ великое множество бабъ-птицъ, подкрался близко и трахнулъ въ стадо. Отдало ружье въ плечо и щеку такъ, что инда изъ зубъ кровь пошла. Но, однако, смотрю, одна птица завертѣлась; страхъ какъ мнѣ жалко было смотрѣть на ея страданія. Между тѣмъ вся громадная стая бабъ и другихъ птицъ съ невообразимымъ шумомъ и крикомъ вилась кругомъ; испугался я ихъ, думалъ, какъ бы не заклевали они меня. Но скоро всѣ удалились къ другому лиману, а я свою добычу потащилъ волокомъ, несть не смогъ: тяжела. Тащу и думаю: вотъ удивлю-то! Но вмѣсто удивленія и похвалы, меня встрѣтили насмѣшками. Птицу-бабу бьютъ только для пуха и перьевъ, но ее не ѣдятъ; самокъ же въ особенности, потому что у нихъ, по народному повѣрью, есть съ женщинами сходство. Калмыки, впрочемъ, взяли ее себѣ для пищи и были очень довольны подаркомъ.

Островъ Четырехъ-Бугорный, сколько я замѣтилъ, пустыненъ. Растенія, и то въ маломъ количествѣ, виднѣлись только у рыбацкихъ поселеній, а то кругомъ все покрывалось солончакомъ, перекати-полемъ да камышомъ по заливамъ и ерикамъ. Человѣческіе голоса слышатся только на плоту, въ станѣ да въ калмыцкомъ улусѣ, что раскиданъ неподалеку отъ нашего жилья. Вездѣ много птицъ, комаровъ и гадинъ. Змѣи, говорятъ, кромѣ апрѣля, безвредны; ихъ, сказываютъ, заговорилъ Стенька Разинъ. Случалось и мнѣ самому хватать ихъ за хвостъ, когда онѣ ныряли въ нору, но удержать не могъ. Гуси и утки здѣсь какой-то особой породы: перья красноватаго цвѣта. Всего болѣе я любовался на чудную красоту моря. Въ одну изъ утреннихъ зорь засталъ я морское видѣнье: изъ дальнихъ островов, а можетъ и береговъ, яснѣлись суда, строенія, но въ какихъ-то сказочныхъ формахъ; вода соединялась съ небомъ такъ, что не разберешь, гдѣ небо и гдѣ море. Но лишь блеснула золотая полоска на во-

стокѣ, поднялась рябь-зыбь — и видѣнья какъ не бывало. Часто по цѣлымъ часамъ слушалъ я шумный прибой. Вотъ музыка! Иной волной такъ ударитъ объ утесъ, что какъ будто выстрѣлъ раздастся пушечный, и какъ ни сиди высоко, всего обдастъ тебя водяной пылью.

Четырехъ-Бугорному правленію подлежатъ много промысловъ и ватагъ. Всѣхъ ловцовъ, обязанныхъ по контракту доставлять сюда пойманную рыбу, считается до нѣсколько тысячъ. Доставленный на плотъ товаръ осматриваютъ, вымѣриваютъ и затѣмъ, сколько слѣдуетъ по расчету, вписываютъ ловцу въ ярлыкъ. Если бѣлуга, осетръ, севрюга иль другая какая рыбина больше извѣстнаго размѣра, то, по условію, считается за двѣ штуки, если же менѣе, хотя на вершокъ, идетъ за половину. Клей и визига достаются обществу даромъ. За икру плата особая: за пудъ бѣлужьей икры контора уплачиваетъ ловцамъ по 9 руб. ассигн.; въ Астрахани же общество продаетъ скупщикамъ по 18 руб. ассигн. и дороже. Случается, въ хорошіе уловы, на плотъ доставляется бѣлуги, осетра и др. нѣсколько тысячъ. Однажды при мнѣ привезена была бѣлуга величиною отъ головы до хвоста слишкомъ восемь аршинъ. Одной икры изъ нея вышло нѣсколько пудовъ. Просто, чудовище! Когда я сталъ у головы рыбы, то меня съ другой стороны не видно было. Не помню, сколько ловецъ получилъ за нее по расчету*).

Проходятъ дни, недѣли пребыванія моего на промыслѣ. Занятіе мое подходитъ къ концу. Однообразная жизнь, безъ всякаго развлеченія, стала меня томить. Чтобы разогнать свою тоску-скуку, по цѣлымъ часамъ бродилъ до устали, до утомленія, боролся на лодкѣ съ прибоемъ волнъ, — но все это, наконецъ, прискучило. Пошелъ къ управляющему проситься въ отпускъ въ Астрахань, хоть на недѣльку. Не тутъ-то было! „самъ“ объявилъ мнѣ, что, по желанію М. А. П—ва, главно-

---

*) Бывши при коммиссіи въ 1844 году, я, изъ любопытства, записывалъ какъ промысловыя мѣста, такъ и способы различнаго улова, а также и предметы рыболовные и даже имена многихъ ватажныхъ ловцовъ и служащихъ на промыслахъ. Намѣчены были и злоупотребленія общества и рыбаковъ-хозяевъ. Вообще, сколько припомню, всѣ занимались ловлей рыбы самыми хищническими, беззаконными пріемами. Но записки эти я утратилъ по дорогѣ между Астраханью, Воронежемъ и Тамбовомъ.

управляющій конторою далъ приказъ не выпускать меня съ промысла. Тамъ, въ городѣ, я, вишь, много шалилъ, проказилъ, а тутъ пусть-ка займусь дѣломъ. Такое распоряженіе еще сильнѣе возродило во мнѣ желаніе вырваться изъ промысла. Но какъ это сдѣлать? Однако на ловца и звѣрь бѣжитъ: въ услуженіе ко мнѣ приставленъ былъ калмыкъ Гулюмъ, обжора и лѣнтяй страшный; по-русски говорилъ очень плохо, но понималъ изрядно. Къ нему-то я обратился за совѣтомъ.

— Гулюмъ, голубчикъ! научи, какъ выбраться мнѣ отсюда? упрашивалъ я его.

Гулюмъ ничего не отвѣтилъ, только взглянулъ однимъ глазомъ и, сидя наноскахъ, еще уютнѣе приткнулся къ забору, продолжая сосать свою тюбетейку.

Не дождавшись отъ него толку, пошелъ къ морю, другу своему, повѣдать свое горе.

Вечеромъ, возвратясь домой, я легъ пораньше, чтобы встать съ зарею. Черезъ часъ времени, Гулюмъ, войдя осторожно, окликнулъ меня.

— Что тебѣ надо, Гулюмъ?

— Дѣло казать; ѣхать Астраханъ хочешь? Тебѣ товарищъ нашла; будетъ везти хорошо.

— Ахъ, братику Гулюмъ, голубчикъ, вотъ спасибо! Но только скажи, съ кѣмъ я поѣду и когда это будетъ?

— Твоя дѣло какой, кто повезетъ? Когда надо — самъ придетъ, скажетъ.

— Ну, ладно! Спасибо! Вотъ тебѣ на табакъ...

Гулюмъ ушелъ, какъ видно, очень довольный подаркомъ. Оставшись одинъ, сталъ я раздумывать о побѣгѣ.

— Ахъ, если бы поскорѣй это устроилось! проговорилъ я, ложась спать.

Проходитъ день, другой, недѣля, а о поѣздкѣ ни слуху, ни духу. Напрасно приставалъ я съ расспросами къ Гулюму, онъ только отвѣчалъ: „Пожди!“

Вотъ однажды, передъ вечеромъ, сидя у окна, смотрѣлъ я тоскливо на шумящее море. Вѣтеръ крѣпчалъ. По небу быстро неслись сѣрыя осеннія тучи.

„Ну, ночью, должно быть, задуетъ ненастье!“ подумалъ я и отъ скуки сталъ читать книгу: „Англійскій милордъ Георгъ“, уже читанную и прежде много разъ.

Вдругъ слышу торопливые шаги. Входитъ Гулюмъ и, оглядываясь, шопотомъ говоритъ:

— Ныни ночь будь готова!

Не успѣлъ я слово произнесть, какъ онъ улизнулъ такъ же скоро, какъ и пришелъ. Едва я могъ опомниться отъ такого извѣстія.

Какъ? ѣхать и такъ скоро! Да еще въ такую погоду, въ вѣтеръ! Ну, если подымется буря, что тогда? Вѣдь утонемъ! жаловался я себѣ. Оробѣлъ я при этомъ раздумьи, лихорадка затрясла. Но, видно, ничего не подѣлаешь; какъ тамъ не разсуждай, а все-таки надо приниматься за сборы. Въ чемоданчикъ запихалъ, накомкалъ кое-какъ свои пожитки. Тюфякъ же, одѣяло и подушки связывать нельзя, подумалъ я, неровенъ часъ, придетъ кто изъ служащихъ, догадается пожалуй. Мнѣ все казалось, что ужъ и такъ за мной присматриваютъ. Въ ужасной тревогѣ ждалъ я минуты, когда за мной придутъ. А вѣтеръ и море все гудятъ да гудятъ. Ко всему удовольствiю и дождь полилъ. Ну, думаю, вѣрно, не поѣдемъ. Да и какъ пускаться плыть по морю въ такую погоду! Нѣтъ, ужъ это вѣрно, что не поѣдемъ сегодня, успокоивалъ я себя. Немного подожду, а затѣмъ и спать лягу.

Но только что приступилъ я къ такому рѣшенiю, какъ вдругъ слышу кто-то застучалъ въ мое окно... Морозъ подралъ по кожѣ.

— Кто тамъ? робко спросилъ я.

— Готовъ ли ты? поѣдемъ! отвѣтилъ мнѣ сиплый голосъ.

Пронизалъ меня этотъ голосъ насквозь. Оторопѣлъ я еще пуще; не нашелся что и отвѣтить.

— Что жъ, ѣдешь что ли? а то прощай! повторилъ голосъ за окномъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, дядюшка, голубчикъ! подожди! Я сейчасъ, сейчасъ! вотъ только соберу тюфякъ да подушки! А у самого зубы такъ и стучатъ.

— Пропадать, такъ пропадать! отчаянно проговорилъ я, и началъ торопливо сдавать свое имущество прямо въ окно, а затѣмъ, одѣвшись, прошепталъ молитву и вышелъ на крыльцо.

— Боже мой, Боже мой! Ничего не видно! Да какъ же мы поплывемъ? невольно проговорилъ я.

— Ничего, не бойся! Мы завсегда въ такую погоду пла-

ваемъ, только, слышь, уговоръ лучше денегъ: сидѣть смирно, ни гу-гу! а то и тебѣ и намъ бѣда, не сдобровать! прошипѣлъ тотъ же страшный голосъ. Потомъ рука его схватила мою и мы ощупью спустились до ерика, тутъ, сѣвъ въ лодку, поплыли къ морю.

Я все еще не могъ прійти въ себя отъ этой внезапной передряги. Думаю: что это я дѣлаю? Что это со мной будетъ? А вѣтеръ гудитъ и дождь нѣтъ-нѣтъ да и обдастъ холодной пылью. Вотъ и море близко; ревъ его былъ невыразимо страшенъ.

— Господи, спаси и помилуй! прошепталъ я. Ну, чему быть, того не миновать! проговорилъ я вслухъ.

— Да ужъ, братъ, кому что назначено, того не избѣжишь, утѣшалъ меня невидимый сопутникъ. — Объ этомъ, братъ, неча толковать! А ты вотъ вставай да пересаживайся на лодку; мѣшкать нечего: время дорого.

Немалаго труда стоило перебраться на посудину; прибой такъ и металъ ее въ разныя стороны. Подвязали меня къ мачтѣ и дали приказъ такой:

„Сиди смирно и не подавай голоса!“

Для меня это наставленіе было излишне. Отъ страха я и такъ не могъ вымолвить ни слова. Однако мы не вдвоемъ поѣдемъ: съ берега еще подошелъ человѣкъ и, пошептавшись съ моимъ проводникомъ, тоже помѣстился съ нами. По русскому обычаю, помолясь Богу, вздернули парусъ и понеслись по бурному морю Каспійскому, а куда — Богъ вѣдаетъ! Кругомъ мракъ и шумъ такой, что ничего не видно и не слышно.

— Господи! — думаю: погибну я ни за грошъ! Вернуться бы назадъ... такъ — нельзя! Сердце замерло, какъ начало насъ швырять то въ ту, то въ другую сторону. Какъ обдастъ брызгами, такъ всякій разъ невольно ахнешь. Такъ и думаешь: вотъ, вотъ пропалъ!... Чѣмъ больше плыли, тѣмъ глубже падали мы, словно въ ямы или овраги какіе. Волны все сильнѣй и сильнѣй ревѣли и ужъ не брызгали, а, казалось, обдавали цѣлыми потоками. Страхъ мой перешелъ въ какое-то ожесточеніе. Стиснувъ зубы, ждалъ я со злостью той минуты, когда это водяное чудовище поглотитъ меня въ свою бездонную пропасть. Морянка же наша хотя ковыляетъ и борется съ волнами, но все-таки плыветъ да плыветъ.

Во все время пути изъ насъ троихъ никто не вымолвилъ ни слова. А рулевой, какъ видно, мастеръ своего дѣла, ни разу не далъ захлеснуть. На мое горе, со мною опять приключилась морская болѣзнь. Мнѣ кажется, нѣтъ ея тошнѣе, провалъ ее возьми! Измучила окаянная! Но вотъ почувствовалъ я, что волненье морское ослабло, и шумъ отъ него какъ будто бы поутихъ. Вдругъ послышался знакомый шелестъ камыша... Слава Богу! наступилъ конецъ моимъ всѣмъ бѣдствіямъ и страху. Только что заикнулся я высказать вслухъ свою радость, какъ жесткая рука зажала мнѣ ротъ, тотъ же сиплый голосъ шопотомъ произнесъ:

— Вѣдь сказано — молчать! Если еще пикнешь, будешь въ морѣ.

Я тотчасъ же примолкъ. Чего жъ они такъ боятся? подумалъ я. А! да, вспомнилъ: тутъ по возморью и въ камышахъ по протокамъ разъѣзжаютъ стражники казенные и отъ общества; первые перехватываютъ контрабанду изъ Персіи, а вторые ловцовъ, тайкомъ, безъ ярлыка, везущихъ рыбный товаръ. Говорятъ, между ними въ этихъ мѣстахъ частенько случаются побоища на смерть.

Врѣзавшись въ камыши, мы до самаго свѣта все путались въ нихъ. То прорѣжемъ стѣнку камыша, то протискаемся узенькими протоками, то проѣдемъ обширные лиманы. И вотъ, при восходѣ солнца, наконецъ, подплыли къ ватагѣ. Вдоль береговъ виднѣлись рыболовныя снасти, невода, сѣти и лодки. Несмотря на такую рань, огонь пылалъ подъ котлами, въ которыхъ варился чай и съѣдобное. Рабочіе-ватажники суетились у лодокъ и снастей; другіе же только еще потягивались, зѣвали или, умывшись и оборотясь къ востоку, усердно клали земные поклоны. Помолится, помолится иной, да и почешетъ то затылокъ, то спину, а то и ниже. Чудаки, право! Едва только наша посудина подошла къ берегу, какъ нѣсколько рыбаковъ тотчасъ подошли къ моимъ спутникамъ и межъ ними завязался разговоръ; о чемъ велась рѣчь я не понялъ; они имѣли свой, особенный способъ объясняться и только имъ однимъ извѣстный. Затѣмъ пригласили насъ къ завѣтному котелку. Послѣ такого пути пріятно было, сидя у огонька, напиться чайку, да еще и съ чурекомъ.

Подкрѣпившись хорошенько чайкомъ да ушицей, мы залегли

въ кибитки и заснули. Солнце ушло уже далеко за полдень, когда меня разбудили. Хотѣлъ было пройтись по островку и посмотрѣть на тони, но мнѣ объявили, что надо ѣхать. Ладно, ѣхать такъ ѣхать! Снова поплыли протоками да камышами, — кажется, имъ и конца не было!

Только теперь я разсмотрѣлъ съ кѣмъ ѣду — ночью-то не видно было. Одинъ изъ нихъ былъ такой черномазый, точно цыганъ; борода, волосы всклокочены, — видно причесываться не любилъ; на видъ ему было лѣтъ подъ сорокъ; изъ-подъ густыхъ нависшихъ бровей блестѣли глаза воровскіе, не обѣщающіе ничего хорошаго. Другой же... Боже мой! я его видѣлъ на плоту Четырехъ-Бугорнаго промысла. Да, это Ѳомка, по прозванію Щука! Личность эта извѣстна по всему взморью. Не разъ я слыхалъ, что Щука страшный плутъ и пройдоха. Говорили, онъ занимался рыболовствомъ только для вида, а главный его промыселъ былъ грабежъ и контрабанда. Сколько лѣтъ слѣдятъ за нимъ разъѣздные, и казенные и откупные, но до сихъ поръ не могли изловить. Оно и не мудрено, если онъ разъѣзжаетъ въ такую погоду. Къ тому же у Щуки на ватагахъ жили все друзья и пріятели.

„Вотъ хорошо, что еще мы благополучно миновали брантвахту и кордоны!“ подумалъ я.

И что за видъ у Ѳомы! На головѣ — въ родѣ татарской ермолки, изъ-подъ которой въ безпорядкѣ виднѣлись, какъ и на бородѣ, волосы огненнаго цвѣта; надъ щучьимъ ртомъ торчалъ вздернутый кверху плутоватый носъ. Ну, а плечи и руки — такого внушительнаго вида, что если онъ дастъ раза̀, такъ ужъ, навѣрное, не устоишь! Я впрочемъ и виду не показалъ, что его знаю.

По пути встрѣтилъ я въ одномъ изъ лимановъ группу островковъ, около которыхъ на водѣ раскинулись чудной красоты какіе-то цвѣты; видомъ они схожы съ цвѣтами, что растутъ въ иныхъ мѣстахъ внутри Россіи, на заросшихъ прудахъ и рѣчкахъ; но только эти, морскіе, были гораздо красивѣе.

Всю ночь и утро, все-то мы плыли камышами, только къ полудню, снова, подъѣхали къ ватагѣ. Здѣсь такъ же дружески встрѣтили Ѳомку и его товарища и такъ же радушно угостили. Отдохнувъ, снова пустились въ дорогу. А зорюшка

вечерняя догорать ужъ стала. Наступила ночь. Звѣздочки блестѣли по небу. Моисеева дорога, какъ свѣтлое облако, протянулась отъ одного конца до другого... Тысячи голосовъ всякихъ птицъ раздавались на лиманахъ и островахъ; но звочнѣй и нѣжнѣй всѣхъ звучалъ голосъ лебедя. А тутъ, въ темной водѣ, временемъ, неожиданно раздастся всплескъ или чавканье какой-нибудь большой рыбины... Невольно вздрогнешь, воззришься на то мѣсто... ничего нѣтъ! все затихло, только круги, раздвигаясь больше и больше, указывали гдѣ всплеснулась рыба.

— Вотъ и Астрахань недалеко! проговорилъ весело Ѳома.

Отъ словъ ли его, неожиданно сказанныхъ, или отъ того, что городъ близко, но только сердце у меня болѣзненно забилось.

„Къ добру это иль къ худу?“ подумалъ я. „Зачѣмъ такъ скоро кончился мой путь?... Хотѣлось бы еще ѣхать, и все дальше, дальше... Что теперь меня ожидаетъ? Куда я приклоню свою голову?... М. А., конечно, къ себѣ меня не приметъ а въ конторѣ также рады будутъ отъ меня избавиться. Ну, тамъ увидимъ!“ Алая полоса косо раскинулась по востоку. Скоро совсѣмъ разсвѣло, и когда яркіе лучи солнца освѣтили окрестности, я завидѣлъ вдали блестящіе кресты и главы астраханскихъ церквей. Часа черезъ два мы, съ своей посудинкой, затерялись среди безчисленныхъ судовъ и лодокъ на рыбной пристани у острова.

Астрахань.

Прибывъ въ Астрахань, поселился я въ гостиницѣ. Раздумье взяло меня: что дѣлать? какъ и чѣмъ жить?... Сидя въ трактирѣ за столомъ, увидѣлъ я театральную афишу. Въ бенефисъ Иванова-Колосова давали какую-то страшную драму съ полетами, провалами и свѣтящимися огнями, пожаромъ и разрушеніемъ. Тутъ же пояснялось, что будетъ кровавое сраженіе и тайное убійство.

„Вотъ“, думаю себѣ, „если бъ и мнѣ можно было поступить въ театръ. Такая жизнь была бы мнѣ по душѣ. Актрисы такія хорошенькія, а я всегда могъ бы ихъ видѣть, говорить съ ними. Но какъ это сдѣлать?... Залѣсскій, Иванъ Никитичъ,

что играетъ все героевъ — мнѣ знакомъ... Пойду-ка я да объяснюсь съ нимъ". Разузнавъ, гдѣ живетъ онъ, тотчасъ же отправился и, къ счастью, засталъ дома. Разсказавъ Ивану Никитичу свои похожденія и безвыходное положеніе, тутъ же робко высказалъ ему мое желаніе поступить въ театръ на сцену. Онъ одобрилъ мое намѣреніе и сказалъ, чтобы я завтра пришелъ въ театръ. Утромъ, дѣйствительно, Залѣсскій, встрѣтивъ меня въ театрѣ, представилъ содержателю, Филиппу Прокофьевичу Воробьеву. Этотъ принялъ меня довольно сухо. Толстый, жирный, съ заплывшимъ лицомъ и ледяными глазами, Воробьевъ имѣлъ привычку, прежде чѣмъ объясняться, засунуть пальцы въ ротъ и кашлянуть. Такъ и тутъ, сотворивъ свое вступленіе, отвѣчалъ апатично:

— Что жъ, пожалуй, поступай. Только на первое время жалованья не дамъ! Послѣ, какъ увижу твою способность, тогда и назначу.

Внѣ себя отъ восхищенія, не зналъ я какъ и благодарить его. А то — условіе! До того ли!

Въ этотъ же день перебрался я къ сотоварищамъ-актерамъ: Бебину, Гусеву и Павлову. Комната въ театральномъ зданіи, гдѣ они жили, походила на сарай. Надъ дверью красной краской было написано: „Комната пьянства и всякихъ вакханалій"! Вмѣсто кроватей устроены были самодѣльныя нары; искалѣченные стулья, хромыя скамейки и такой же столъ — дополняли украшенье актерскаго жилья. На нарахъ въ безпорядкѣ валялись худые войлоки и сальныя, какъ блины, подушки. Бутылки съ воткнутыми въ нихъ сальными огарками стояли на окнахъ. Уложивъ свои пожитки на стоявшій у печки коробъ, а постель на нары, я поручилъ себя вниманію и расположенію новыхъ друзей-товарищей. Они, безъ стѣсненія, весело, приняли и поздравили меня со вступленіемъ въ актеры и новосельемъ. Семенъ Павловъ посовѣтовалъ мнѣ, для прочности, справить новоселье. Я, разумѣется, съ удовольствіемъ на это согласился и послалъ Артемку, служащаго въ буфетѣ, за приличнымъ для такого случая снадобьемъ. Пришли еще кое-кто изъ актеровъ и ихъ знакомые. Пошла попойка сильная. Пристали всѣ ко мнѣ, чтобы и я пилъ съ ними; я отказался, говоря, что никогда не пилъ водку. Не тутъ-то было! — насильно принудили пить.

— Какой же ты актеръ будешь, если не станешь пить!? торжественно воскликнулъ Павловъ.

И я съ умиленіемъ внялъ такому доводу: запилъ такъ, что подавай только! Этимъ не пронялись, пошли по трактирамъ да по чихирнямъ, а тамъ и дальше... На другой день — не помню: самъ ли я домой пришелъ, или кто привелъ меня, только — съ страшной болью въ головѣ, валялся я на полу, грязный, растерзанный! Гусевъ въ такомъ же видѣ лежалъ на нарахъ. Совѣстно мнѣ стало, скверно смотрѣть-то было на себя. Ну, ужъ въ другой разъ этого не сдѣлаю! Едва привелъ я себя въ порядокъ, какъ вошелъ Павловъ пьяный и сталъ браниться, а за что и про что — этого я не могъ добиться отъ него. Да, спасибо, онъ скоро улегся и заснулъ. Нѣтъ, думаю себѣ, такъ вести себя не хорошо! Ну, да вѣдь это случай такой подвернулся...

Въ конторѣ узнали о моемъ бѣгствѣ и о поступленіи въ театръ, тотчасъ же прислали уже просроченный паспортъ и зажитыя деньги — рублей около ста ассигнаціями. Товарищи мои ахнули, увидя такой капиталъ.

— Ну, братъ! воскликнулъ Павловъ: теперь безъ могорыча нельзя и обойтись! ни, ни!

— Да! да! завопили другіе.

— Хорошо, хорошо, братцы! отвѣтилъ я: ужо вечеркомъ; а теперь мнѣ надо сходить къ одному товарищу, дѣло есть до него.

— Ладно, ладно! весело проговорили они. Мы подождемъ тебя... только смотри, братъ, не обмани, а то клочку!

Побѣжалъ я къ прежнему моему сослуживцу Сашкѣ. Вотъ и домъ его. Что же это? Ставни закрыты. Господи! живы ли они? — Обратился я къ сосѣдкѣ, которая узнала меня и съ радостной улыбкой пустилась въ разспросы о моемъ житьѣ-бытьѣ. Удовлетворивъ ее отвѣтомъ, я робко спросилъ объ Александрѣ и Оленькѣ.

— Ахъ, родной мой! они уже съ мѣсяцъ будетъ, какъ уѣхали на промыселъ, далеко куда-то... Забыла какъ онъ называется... Только не въ вашихъ водахъ и не Сапожникова. Да вы спросите въ конторѣ, тамъ скажутъ гдѣ.

Извѣстіе это ошеломило меня, слезы душили, а сердце такъ забилось, что я не могъ слова сказать.

— Да, касатикъ, уѣхали... Домикъ велѣли отдать внаймы, если найдется жилецъ.

— А что они здоровы? едва проговорилъ я.

— Александръ-отъ Михайлычъ, слава Богу, ничего! а вотъ Оленька, какъ вы уѣхали отъ нихъ, вскорѣ захворала... да такъ больная и уѣхала. Да не мудрено и заболѣть ей! ночи тутъ стояли свѣжія, а она уйдетъ въ садъ да цѣлую ночку все ходитъ да ходитъ. Утромъ-то придетъ, лица на ней нѣтъ! такая все скучная, рѣдко съ кѣмъ и слово-то скажетъ. Да и то сказать, есть тому причина. Сами знаете, муженекъ-то каковъ!... Тутъ родные у ней, есть съ кѣмъ горе-думушку развести; а тамъ, на чужой сторонѣ, что?... пропадетъ! ей Богу, пропадетъ! Жаль ее! Добрая, славная такая бабенка.

— Ну, прощайте, сосѣдка! чуть не съ воплемъ произнесъ я.

— Прощайте, батюшка, Иванъ Ивановичъ! прощайте! Будьте здоровы! заходите когда къ намъ!...

— Ладно, ладно! прошепталъ я и бѣгомъ пустился къ полю. Сдержанное рыданіе невольно вырвалось изъ груди.

Поплакалъ я тутъ въ волюшку, припоминая счастливое времечко. Только теперь понялъ я — чего лишился. Ну, видно, такъ тому и быть! Вотъ теперь-то и самъ могорычъ запью! Къ этому еще, воротившись въ театръ, получилъ письмо отъ М. А. П — ва, въ которомъ онъ называетъ меня совершенно пропавшимъ человѣкомъ и негодяемъ. Оно кстати! И за это выпью! Ну и выпилъ... Даже пьяницъ-товарищей удивилъ, въ безобразіи всѣхъ ихъ превзошелъ! И кончился нашъ могорычъ дракой... Такъ началось мое актерское поприще.

Въ театральныхъ представленіяхъ я занималъ роли безъ рѣчей. Выносилъ столы, стулья и тому подобное. А за то, чтобы имѣть роль съ двумя словами, я долженъ былъ писать всѣмъ роли. Случайно дирижеръ нашелъ, что у меня есть голосъ и я могу исполнять роли съ пѣніемъ. По приказанію Воробьева, дирижеръ выучилъ меня подъ скрипку роль Эрнеста изъ оперетты-водевиля: „*Суженаго конемъ не объѣдешь*“. Когда же я затвердилъ все хорошо наизусть, то тотчасъ же пьесу эту назначили къ представленію. Вотъ не ожидалъ я, что при первомъ же выходѣ на сцену, въ этой роли, мнѣ придется испытать такой страхъ, что, мнѣ кажется, хуже чѣмъ на морѣ. Только что ступилъ я на сцену, въ офицер-

скомъ мундирѣ, оченьки мои ясныя помутились, руки и ноги затряслись, словно въ лихорадкѣ... Ну, просто, бѣжать готовъ! Залѣсскій игралъ денщика моего, Брандта. Онъ почти насильно, взявъ за руку, поставилъ передъ публикой. Вотъ ужъ можно сказать: ни людей, ни свѣта я не взвидѣлъ. Прозу проговорилъ ужъ Богъ знаетъ какъ. Сталъ пѣть... Вдругъ слышу — аплодируютъ, и кто-то въ креслахъ произнесъ вслухъ: „А у него голосъ есть и недурной, только робѣетъ ужасно". Далѣе я ужъ сталъ посмѣлѣе. Когда кончилась пьеса, меня со всѣми вызвали два раза. Содержатель Воробьевъ подошелъ ко мнѣ и, ласково потрепавъ, сказалъ:

— Сробѣлъ, братъ! Ну, да это ничего, привыкнешь! У тебя голосъ есть... пойдешь!...

Похвала его еще больше обрадовала меня. Тутъ еще товарищи поздравили съ успѣхомъ. Смотрю — и актрисы глядятъ, какъ будто таково ласково... Малый выросъ! Послѣ перваго дебюта и такой радости, ну, какъ могорычъ не поставить — нельзя! рѣшительно нельзя! И пошли эти могорычи чуть не каждый день. Когда же всѣ денежки порастратились, милые товарищи попросту, безъ церемоніи, продали мое бѣлье, постель и проч.

— Къ чему тебѣ лишнія затѣи? убѣждали они: ты живи по-нашему!

Ну и зажилъ я *по-нашему*, т.-е., въ одной рубахѣ, въ худомъ платьѣ и дырявыхъ сапогахъ. Когда жъ прожилось все мое имущество, пустились всѣ мы промышлять, удить добычу, какъ мы называли. Насчетъ чего другого, а для пропойства всегда и вездѣ находятся радѣльники... Всѣ поклонники Бахуса сходились у насъ. Тутъ были кое-кто изъ духовенства, архитекторъ, секретарь изъ полиціи, квартальный и много другихъ чиновъ и званія разнаго люда. Всѣ несли дань: кто винцомъ, а кто закуской, а такъ какъ Бахусъ съ родни Амуру, то мы и этимъ божкомъ не были обижены. Часто случалось, что послѣ спектакля общедоступныя феи шли къ намъ, и тутъ или онѣ съ насъ, а чаще мы съ нихъ брали могорычъ — за пожилое, какъ говаривалъ Павловъ. Бывали иногда въ нашемъ жильѣ такія оргіи и представленія, что сказать не можно!...

Между тѣмъ настала зима, а платье-то на насъ плохое, все-то вѣтромъ подбило. Впрочемъ, едва ли кто изъ насъ объ

этомъ задумывался. Только вотъ что было худо: антрепренеръ частенько сталъ оставлять насъ на пищѣ св. Антонія, кромѣ того, и дровъ не давалъ для отопленія нашего жилья. Но, вѣдь, голь хитра на выдумки! Давай мы разбирать заборы или удить дрова у сосѣдей, — такъ и пробавлялись. Стали сосѣди жаловаться Воробьеву, а онъ въ отвѣтъ махнетъ имъ рукой.

— Что вы хотите отъ этихъ разбойниковъ? Жаловаться въ полицію — такъ у нихъ тамъ все пріятели, такіе же пьяницы. Расправы не сыщешь!... Еще тебя же прицѣпятъ, взятку сдерутъ, а послѣ вмѣстѣ и пропьютъ!...

Хотя я и мало имѣлъ понятія о театральномъ искусствѣ, но и тогда исполненіе пьесъ и вся обстановка казались неудовлетворительными. Декораціи, костюмы, мебель — все это хламъ какой-то, тѣмъ болѣе, что все создавалось, исполнялось по распоряженію самого антрепренера. А Воробьевъ, прежде содержательства театра, былъ кабатчикомъ, лакеемъ да къ тому же еще онъ и безграмотный. Драматическія произведенія изображались со всевозможными криками, какъ говорится — не на животъ, а на смерть. Главная суть комизма заключалась въ расписываньи до уродливости лица и невиданнаго цвѣта и покроя костюмовъ. Кто чуднѣе, нелѣпѣе выкидывалъ фарсъ, тотъ больше и нравился. Въ то время и мнѣ такое исполненіе казалось превосходнымъ, и только теперь, повидавши другіе театры и лучшихъ актеровъ, я такъ разсуждаю. Можетъ быть и въ мое время, въ Астрахани, находились люди, которыхъ оскорбляло наше исполненіе, да много ль ихъ было? Остальная же, несвѣдущая публика восторгалась какъ отъ ужасовъ трагика, такъ и отъ фарса комика. Мнѣ помнится, исключенію подлежалъ одинъ Соколовскій. Онъ казался мнѣ всѣхъ натуральнѣе и приличнѣй. На сборы антрепренеръ ужъ очень-то жаловатся не могъ: съ августа и до весны, т.-е. весь зимній сезонъ, хотя и не каждодневно, шли спектакли нерѣдко при полныхъ сборахъ; правда, случались и плохіе сборы, даже въ убытокъ, но зато ужъ и расходы были очень небольшіе.

Въ бенефисы, особенно любимцевъ, сборы доходили до 800 руб. ассигн. Нашему брату, при дешевизнѣ, жить бы можно, если бъ антрепренеръ выплачивалъ жалованье, а то

и первые-то сюжеты свои деньги выбирали съ трудомъ, а намъ-то грѣшнымъ давались чисто подачки, да и то — когда и сколько хотѣлось Воробьеву. Бывало попросишь 25 р. асс. — дастъ два, рубль, а то и нѣсколько копеекъ ассигнаціями!... Ну, поневолѣ и запивали актерики у него же въ буфетѣ. Въ числѣ другихъ пьесъ дана была „Аскольдова могила“, опера. Надежду играла Львова, Торопку — Семеновъ, пріѣхавшій изъ Казани; голосина здоровый съ раскатомъ. Пѣлъ онъ успѣшно, но роль провелъ не совсѣмъ-то хорошо: какъ-то грубо, мужиковато очень. Я исполнялъ роль Фенкала. Съ перваго же раза музыка мнѣ очень понравилась.

Такимъ-то вотъ образомъ провелъ я свое первое актерское поприще въ зимній сезонъ 1844 — 1845 годовъ. Холодъ въ эту зиму былъ необыкновенный, бураны и заносы ужасные; морозы доходили до 25°. Говорили, что въ степяхъ много погибло народа и скота.

Зимой въ Астрахань пріѣзжаютъ киргизъ-кайсаки. Здѣсь они покупаютъ хлѣбъ, посуду и все, что для нихъ потребно. Соблазнили насъ верблюды; смерть захотѣлось на нихъ покататься. Какъ-то, бывши во хмелю, уговорили мы киргиза дать намъ проѣхаться на верблюдахъ. Чудакъ этотъ, за условную плату, согласился. Засѣли мы на верблюдовъ и такъ, торжественно, пустились разгуливаться по городу. Конечно, въ головкахъ-то шумѣло изрядно, такъ и не совѣстно было. Народъ глядитъ на насъ: кто съ удивленіемъ, а кто со смѣхомъ. Заѣхали мы въ Слободку, гдѣ бѣдный киргизъ, измучившись, насилу отыскалъ насъ. Чтобы утѣшить его, мы дали ему денегъ еще сверхъ платы, чѣмъ онъ остался очень доволенъ. Мнѣ разсказывали очевидцы, какъ верблюды любятъ музыку. Зимой какъ-то ѣхала свадебная гурьба съ музыкой. Какъ услыхали верблюды кларнетъ и скрипку, подняли головы и воззрились на поѣздъ; нѣкоторые изъ нихъ оторвались съ привязи и прямо прибѣжали къ музыкантамъ, окружили ихъ да и фыркаютъ, — насилу хозяева отвели ихъ.

Зимой, по праздникамъ, здѣсь такъ же, какъ и въ Москвѣ, бывали страшные кулачные бои. Съ одной стороны татары и армяне, а съ другой — русскіе. Народу собиралось видимо-невидимо, свалки творились такія, что не приведи Богъ: всякій разъ сколько убитыхъ поднимали. Полиція какъ ни ста-

ралась разогнать драчуновъ, ничего не могла подѣлать, такъ и отступится бывало . . . .

Астраханскимъ богачамъ-кулакамъ любо наживать капиталы, добываемые великими трудами бѣднаго рабочаго люда. Сколько гибнетъ ихъ на промыслахъ рыболовныхъ, а больше того— тюленьихъ! Повстрѣчался я съ двумя братьями, которые недавно только-что воротились съ туркменскихъ береговъ. Они разсказывали намъ о страшныхъ бѣдствіяхъ, перенесенныхъ ими на тюленьемъ промыслѣ. Льдина, на которой ихъ партія съ лошадьми и повозками сдѣлала привалъ, внезапно оторвалась и понесла ихъ по морю. То мѣсто, гдѣ находились лошади и припасы съ небольшой партіей людей, ночью откололось и унеслось невѣдомо куда; остальныхъ безъ пищи и питья носила льдина нѣсколько дней. Только благодаря перемѣнѣ вѣтра, ихъ притащило къ туркменскимъ берегамъ, но и тутъ не всѣ спаслись: нѣкоторыхъ захватили въ плѣнъ, другіе также безъ вѣсти пропали, быть можетъ отъ голода или отъ звѣря какого, и только человѣкъ пять или шесть воротились къ своимъ семействамъ, а ихъ всѣхъ ужъ давно поминали, какъ покойниковъ. Да вѣдь это случилось съ одной артелью, а ихъ тамъ на этомъ промыслѣ нѣсколько.

Подошло лѣто. Спектакли наши давались лишь изрѣдка. Что дѣлать? Куда дѣваться отъ скуки? Актеръ-аматёръ Пруцкій надоумилъ поѣхать на охоту. Подыскали настоящаго, опытнаго охотника, который снабдилъ насъ ружьями. Взяли мы напрокатъ небольшую косную и отправились по ерикамъ къ татарскимъ куренямъ. Всякой птицы на островахъ, озерахъ и по заливамъ было видимо-невидимо. Мы все пуляли мимо; удачно стрѣлялъ лишь одинъ охотникъ. Подходитъ вечеръ. Охотникъ, облюбовавъ стоянку, направилъ къ ней лодку, вынулъ палатку и еще до захожденія солнца уставилъ ее. Палатка или пологъ въ такихъ мѣстахъ необходимы: они защищаетъ отъ ночного холода и особенно отъ злыхъ комаровъ. Комары здѣшніе — это бичъ людей и всякой скотины. Чтобы избавиться отъ нихъ, нужно при этомъ жечь вокругъ становища конскій или коровій пометъ, коли этого нѣтъ, такъ камышъ; оно хоть и непріятно для обонянія и глазъ, но все же лучше, чѣмъ терпѣть отъ комаровъ.

Сидимъ это мы себѣ передъ огонькомъ да ведемъ бесѣду. Вдругъ изъ темноты выдѣляется нѣсколько человѣкъ пѣшихъ и конныхъ, не дойдя до насъ шаговъ тридцати, стали.

— А зачѣмъ вашъ тутъ пришелъ?... а? крикнули татарскіе голоса. Мы отвѣчаемъ: „Развѣ не видите — мы охотники“.

— Кто жъ позволилъ вамъ тутъ шляться? Забирай ружья! ревѣли нѣкоторые изъ нихъ. Мы тотчасъ вскочили и, уставивъ на нихъ ружья, крикнули: „Если кто изъ васъ подойдетъ къ намъ, тому не жить!“

Забалалакали тутъ нехристи, отступивъ дальше; затѣмъ одинъ изъ ихъ толпы проговорилъ намъ съ угрозой: „А вотъ погоди, ужо придемъ и зададимъ вамъ!“

Сказавъ это, они быстро исчезли въ темнотѣ.

Что намъ дѣлать? Ночь темная, гдѣ найдемъ дорогу? Запутаемся, вѣдь, въ камышахъ-то! Ужъ пусть будетъ, что будетъ, а на всякій случай побудемъ-ка лучше здѣсь. Для обороны зарядили ружья дробью покрупнѣй и рѣшили такъ до утра, поочередно, быть на стражѣ. Бросили жребій. Первый номеръ достался мнѣ. Сталъ я на часы, а у самого сердце не на мѣстѣ... Думаю: ну какъ придутъ татары большой ордой... Вѣдь, въ самомъ дѣлѣ, пожалуй что и укокошатъ! Положеніе, я вамъ скажу, незавидное: и страхъ-то, и спать-то хочется, и огонь-то поддержать надо, да и глядѣть-то во всѣ стороны... Сколько было тревогъ напрасныхъ! Извѣстно — у страха глаза велики: то слышится шопотъ, то свистъ, то голоса какіе-то. Иль повидятся человѣческія тѣни, выростая въ огромные размѣры... Казалось, длинныя руки протягиваются изъ темноты, чтобы схватить меня... Силъ нѣтъ, страхъ донялъ такъ, что я рѣшился разбудить товарища ранѣе срока. И всю-то ночь въ такой тревогѣ провели мы всѣ, пока не наступила утренняя заря. Разбойники-татары только настращали. Ну, слава Богу, что только этимъ кончилось! Солнышко привѣтливо взошло и такъ пріятно насъ обогрѣло и порадовало. Торопливо собрались въ путь и къ полудню воротились въ городъ. А на другой день охота была еще лучше этой. Въ самый жаркій іюльскій день пошелъ я съ Павловымъ за Волгу; захватили ружья. Только ходили, ходили по ерикамъ и озеркамъ — ничего не могли подстрѣлить. Жара нестерпимая; силъ не стало, и схорониться-то некуда: всюду голая, обожженная

степь. Напали на бугорокъ, который давалъ небольшую тѣнь, тутъ мы и притулились. Близъ насъ протекалъ ерикъ въ довольно крутыхъ берегахъ; за нимъ, на этой сторонѣ, виднѣлось озерко; оттуда доносились къ намъ крики птицъ.

— Постой! говоритъ Павловъ: ты тутъ посиди, а я съ ружьемъ переплыву на тотъ берегъ. Тамъ мнѣ ловко будетъ подкрасться къ озеру; посмотри, сколько я настрѣляю.

— Ладно, ступай, — отвѣтилъ я.

Онъ снялъ съ себя все платье, надѣлъ только фуражку, въ которую вложилъ заряды, а ружье тонкой бечевой подвязалъ къ головѣ. Не прошло минуты, какъ вдругъ, слышу, раздался крикъ, да такой, что у меня сердце такъ и замерло. Только одинъ разъ пронесся этотъ ужасный крикъ, а затѣмъ замолкъ... Бросился я къ ерику и что же увидѣлъ: Павловъ мой, едва видимый, сидитъ на днѣ и разводитъ руками. Отъ жары-то, а пуще отъ испуга, мнѣ сдѣлалось дурно. Сердце билось, какъ пойманная птичка. Нѣсколько секундъ былъ я въ нерѣшимости, но какая-то сила, помимо воли моей, словно толкнула меня въ ерикъ, и я съ открытыми глазами опустился на дно и, схвативъ Павлова за волосы, потащилъ его къ берегу. Едва онъ какъ-нибудь случайно коснется меня, я тотчасъ же его бросалъ, боясь, чтобы онъ, схвативъ меня, не утопилъ: мнѣ доводилось быть свидѣтелемъ такихъ несчастій. Выпустивъ изъ рукъ, я снова тотчасъ же хваталъ его, крича: „Ты, братику, Сеня, не хватайся за меня, а то оба съ тобой затонемъ!“ Смѣшно, право! Говорю точно человѣку въ памяти, а онъ, мой сердечный, какъ вытащилъ я его на берегъ, сталъ пластъ-пластомъ. Проклятый ерикъ, какой глубокій! На два аршина отъ края дна не достанешь. Спасибо, у берега попался кусточекъ, за который я и ухватился. Лежитъ мой бѣдный товарищъ недвижимъ... Что теперь дѣлать? Надумалъ я — его платье и обувь спрятать въ бурьянъ, а самому взять лодку, виднѣвшуюся вдали, и на ней доставить его въ казацкую слободу. Какъ задумано, такъ и сдѣлано. Подплываю къ тому мѣсту, гдѣ лежалъ Павловъ. Гляжу: его нѣтъ. Что за чудо! Куда жъ онъ дѣвался? Осматриваюсь кругомъ, зову, — нѣтъ Павлова, да и только!... Ужъ не юркнулъ ли опять въ воду, чего добраго! Только нѣтъ! На днѣ не видно. Вдругъ, слышу, раздался жалобный голосъ... Смотрю на той сторонѣ

ерика сидитъ мой утопленникъ, точно Адамъ, и красный, какъ ракъ: солнцемъ-то его поджарило изрядно. Переплывъ къ нему, спрашиваю:

— Какъ это съ тобой случилось?

— Да что, отвѣтилъ онъ, всему виной бечевка: я ею привязалъ ружье къ головѣ. Какъ поплылъ, ружье-то съ головы свалилось на затылокъ, начало душить меня, да такъ, что едва смогъ вскрикнуть, а потомъ и вода полилась въ горло, остановить не могъ, а затѣмъ и памяти лишился. Спасибо, братъ Ваня; не чаялъ я живымъ остаться.

— Богъ намъ помогъ, братику!... А ты, вотъ что, поди-ка скорѣй одѣнься, а то взгляни — и я-то изрядно покраснѣлъ, а ты, чай, совсѣмъ готовъ — испекся.

Одѣвшись, мы отправились въ слободу распить могорычъ. Дорогой вспомнили, что ружье-то затонуло въ ерикѣ. Ну, да ничего! Завтра придемъ и вынемъ.

Дня черезъ два послѣ этого событія отправились мы, вчетверомъ, туда же, за Волгу доставать ружье.

Тутъ были актеры: Павловъ, Гусевъ, я и знакомый намъ учитель Степановъ. Прибывъ къ тому мѣсту, гдѣ Павловъ тонулъ, мы скоро нашли свою потерю. Мнѣ посчастливилось ногой наткнуться на курокъ ружья. Тутъ же нашелся и картузъ, въ которомъ оказалась дробь. На радости такой рѣшили отправиться въ кабачокъ, стоявшій на яру близъ перевоза. Въ кабачкѣ за прилавкомъ возсѣдалъ высокій молодой парень, а возлѣ него, прислонясь къ бочкѣ, сидѣлъ, вѣрно, его пріятель, мужикъ дюжій, съ окладистой черной бородой.

Спросивъ сперва винца, а потомъ кизлярки, засѣли мы за столикъ у окна. Послѣ двухъ, трехъ чарокъ полилась между нами шумная, веселая рѣчь. Въ общемъ разговорѣ съ сидѣльцемъ и его знакомымъ заспорили о силѣ. Мужикъ съ бородой вызываетъ потянуться на палкѣ. Ребята мои переминаются. Эхъ! разгорѣлось сердце мое молодецкое. „Садись“, говорю, „потянемся на штофъ кизлярки“. Сѣли, перетянулъ я этого спорщика безъ большого усилія. Молодой сидѣлецъ не вытерпѣлъ, предложилъ помѣряться съ нимъ и такъ же на штофъ кизлярки. И на этотъ разъ я остался побѣдителемъ. Но съ парнемъ-сидѣльцемъ тянуться было труднѣе: когда я всталъ

съ пола, то съ трудомъ разогнулъ спину. Ребята мои возликовали. Ну, конечно, послѣ такой побѣды, на радостяхъ, хватили мы такъ, что не надо и лучше! А кизлярка оказалась сильнѣе насъ всѣхъ!

Былъ вечеръ, когда мы собрались домой. Какъ нарочно поднялся сильнѣйшій вѣтеръ. Грозно шумѣла наша матушка Волга. Прибрежныя суда, оторванныя, метались на срединѣ рѣки. Громадныя волны хлещутъ ихъ немилосердно; а на пристани у перевоза прибой такой былъ шумный, что себя не слышишь.

— Какъ же намъ быть-то, ребята? разсуждали мы: вѣдь, пожалуй, не перевезутъ теперь.

— Вотъ еще!... Лодку! закричалъ Гусевъ.

Перевозчики-калмыки объявили, что плыть въ такую бурю нельзя: имъ строго запрещено перевозить въ сильный вѣтеръ. Завязался споръ, брань, а тамъ дѣло дошло и до драки. Высыпали перевозчики-рабочіе изъ юртъ и изъ землянокъ и давай насъ трепать. Я схватился съ здоровымъ калмыкомъ. Вижу, сила не беретъ! кренитъ онъ меня. Поднялся на хитрость. Отбиваясь, заманилъ его къ обрыву Волги и тутъ, вдругъ схвативъ въ охапку, хотѣлъ скинуть его въ воду, но калмыкъ при паденіи захватилъ меня, и мы оба рухнулись въ самый прибой... Едва коснулись мы воды, тотчасъ же бросили другъ друга и стали кричать, чтобы помогли выбраться. Берегъ тутъ былъ крутой, вылѣзть было трудно, особенно при такомъ прибоѣ. Перевозчики съ казаками бросили веревку и, притащивъ къ отмели, выволокли насъ на берегъ, словно бѣлугъ! Отъ всей этой возни и страха голова у меня такъ закружилась, что я лишился сознанія. Какъ меня взяли, какъ несли и куда — не помнилъ и не чувствовалъ ничего.

Когда же очнулся, смотрю — темно. Въ головѣ боль страшная, во рту сухо. Слышу раздаются около меня храпы. Кто жъ это? и гдѣ я, дома? — Нѣтъ. Ощупываю: что-то холодное, склизкое... Вотъ-те разъ! я спалъ на двухъ большихъ рыбахъ!... Что за оказія?... Дай погляжу хорошенько, гдѣ же это я въ самомъ дѣлѣ! Едва могъ разсмотрѣть окно, забитое желѣзными полосами; думаю: вотъ еще новость! Потомъ, обшаривая избу, ощупалъ русскую печь и нары, на

которыхъ кто-то спалъ; дальше нашелъ дверь, запертую снаружи, и никакъ не могъ сообразить, куда же попалъ я. Вдругъ съ полатей отозвался голосъ:

— Ты, братъ, Ваня, ищешь выхода? Напрасно, не трудись; мы подъ замкомъ.

Я обрадовался, заслыша знакомый голосъ, спрашиваю:

— Да гдѣ же это мы, Миша?

— Въ Тигулевкѣ, отвѣчалъ Гусевъ. Неужто ты забылъ? Вчера, послѣ драки, какъ тебя вытащили съ калмыкомъ изъ Волги, всѣхъ насъ кордонные казаки забрали и засадили сюда. Тутъ, на нарахъ, лежатъ Павловъ и Степановъ.

Разбудилъ я и этихъ. Послѣ объясненій стали думать о томъ, какъ бы кого повидать и разузнать хорошенько. Стали стучать въ дверь. Вскорѣ отозвался голосъ. Слышимъ, отомкнули замокъ, и къ намъ съ фонаремъ вошелъ казакъ. Онъ сообщилъ всѣ подробности вчерашняго происшествія, прибавивъ, что насъ утромъ начальникъ кордона хочетъ заковать и представить въ городъ, какъ бунтовщиковъ... Дѣло плохо!... Однако, что тамъ будетъ, увидимъ, а теперь наши головы больнёшеньки.

— Нельзя ли, братику, поправиться? Вотъ тебѣ деньги, достань лѣкарствица.

— Ладно! весело проговорилъ казакъ и тотчасъ же отправился. Скоренько принесъ винца и закусочки. Пока мы лѣчились, стало разсвѣтать. Солнышко заглянуло въ наше окошко. Черезъ часъ, этакъ, приходитъ другой казакъ съ приказомъ, чтобы шли за нимъ для представленія начальнику. Пошли, но еще издали слышимъ гнѣвный голосъ: „Въ Сибирь ихъ за это!“ и еще съ другими обычно-бранными словами. Видимъ — вышелъ на крыльцо казацкій офицеръ.

Едва мы взглянули другъ на друга, страхъ нашъ смѣнился радостью: начальникъ-то нашъ былъ давній пріятель-собутыльникъ и большой любитель театра.

— Такъ это вы такія проказы надѣлали, чортовы дѣти?... Да, такъ; кому другому и быть! А пойдемте-ка ко мнѣ, я васъ накажу винцомъ своего настоя... Рапортъ, разумѣется, уничтоженъ, калмыкамъ дали денегъ на мировую; они хотя и правы, а до смерти боялись всякаго судьбища. Пипровали мы у пріятеля цѣлый день и только ночью воротились домой.

Еще весною поступилъ въ нашу труппу воронежскій купеческій сынъ Порфирій Кривошеинъ. Пріѣхалъ онъ въ Астрахань завести торговое дѣло, но, какъ видно, торговля ему была не къ рукѣ. Все, что имѣлъ, спустилъ по веселымъ мѣстамъ, а послѣ, какъ некуда было дѣться, пошелъ въ актеры. На бѣду его — актеръ онъ оказался плохой. Одно только и спасло бѣднягу, что плясать былъ мастеръ; за это только и держали его. Тоже — человѣкъ бѣдовый... Даромъ что такой мизерный, а на проказы разныя да на скандалы первый зачинщикъ. Понадѣлали мы съ нимъ такихъ дѣловъ, что насъ, любезныхъ друзей, содержатель Воробьевъ выгналъ изъ театра. Тутъ еще, какъ на грѣхъ, черезъ секретаря полиціи узнали мы, что отъ нашихъ родныхъ на имя губернатора прислана жалоба съ просьбой, чтобы насъ, какъ людей потерянныхъ, выслать на родину по пересылкѣ. Что дѣлать? люди мы безпаспортные, отговорокъ и просьбъ нашихъ, навѣрное, не примутъ въ уваженіе. Лучше бѣжать и какъ можно скорѣе. Денегъ у насъ молодчиковъ ни гроша... Съ антрепренеромъ какъ вести счетъ! За все время моей службы я получилъ у него, и то съ трудомъ, рублей пять или десять ассигн., а Кривошеинъ такъ-таки не получилъ ни гроша. На объясненіе наше Воробьевъ отвѣтилъ:

— Будетъ съ васъ, въ буфетѣ много забрали!

Такъ съ тѣмъ и ушли отъ него. Спасибо, добрые товарищи кое-какъ сколотили намъ двадцать руб. асс. Ну, я вамъ скажу, съ такимъ капиталомъ добраться двоимъ до Воронежа было мудрено; но какъ бы тамъ ни было, а утекать изъ Астрахани намъ надо скорѣй.

При помощи знакомыхъ подыскали себѣ случай плыть до Царицына на суднѣ, которое съ грузомъ рыбы и винограда пойдетъ въ Нижній.

Вверхъ по Волгѣ.

(1845 годъ.)

Гдѣ то живое слово, чтобы высказать всю красоту Волги! Нѣтъ, не могу, не умѣю! Помню только, что чѣмъ дальше мы плыли, тѣмъ лучше и краше казались виды. Надо быть на Волгѣ, чтобы восчувствовать и увидѣть чарующее утро на Волгѣ. По небу, по рѣкѣ, по берегамъ — повсюду виднѣлось

что-то волшебное. Тамъ на луговой сторонѣ туманъ раскинулся такъ, какъ будто разстилалось безбрежное море съ сказочными островами, а впереди, на волнахъ, колыхались радужные цвѣта зорьки небесной... Налѣво, далеко въ степи, точно копны, виднѣлись кибитки улуса. По береговымъ откосамъ суетились и кричали тысячи разныхъ птицъ. Всюду кругомъ велась кипучая жизнь. Но вотъ встало солнышко, и все ему привѣтливо улыбнулось; на нашей посудинѣ оно не многихъ застало спящими; бурлаки давно сидѣли за веслами; я, по обыкновенію, помѣстился у носа и съ безконечнымъ наслажденіемъ смотрѣлъ и слушалъ, а тутъ еще наши ребятушки запѣли: „По зорюшкѣ, по зарѣ“, „Ночуй, ночуй, Дунюшка“... Славно!...

(Переписано въ 1860 г.)

Хозяинъ судна сошелся съ нами и угощалъ то рыбкой, то виноградомъ. До Сарепты мы добрались благополучно. Во время стоянки пошли въ городокъ вмѣстѣ съ бурлаками. Все та же чистота, тотъ же порядокъ. Бурлаки наши гурьбой потянулись къ аптекѣ.

— Зачѣмъ это, братцы, туда идете? спрашиваемъ ихъ.

— Балезаму пить; баютъ, очень хорошъ! отвѣчалъ молодой парень.

— Почему же и намъ не попробовать, Порфирій, а?

— Пойдемъ, пойдемъ, другъ, — весело проговорилъ онъ.

Зашли, выпили нѣмецкаго бальзама. И вправду, напитокъ былъ недуренъ; цвѣтомъ желтоватый, запахъ имѣлъ травяной. Порядочный стаканчикъ стоилъ 10 коп. асс. Отсюда пошли обозрѣвать Сарепту; скоро, однакожъ, догналъ насъ бурлакъ и извѣстилъ объ отплытіи судна. Мы тотчасъ же поспѣшили къ нему. Прощай, Сарепта! Впослѣдствіи я узналъ, что М. А. П—въ проѣздомъ изъ Астрахани захворалъ здѣсь и умеръ. Еще тогда, ѣхавши изъ Нижняго, онъ высказалъ, что хотѣлъ бы здѣсь пожить и умереть — и вотъ желаніе его какъ исполнилось!

Къ Царицыну плыли мы съ веселымъ духомъ. На этомъ пути я едва не лишился жизни. Какъ былъ крѣпкій, попутный вѣтеръ, то лоцманъ далъ приказъ поднять парусъ. Я стоялъ у колодца, по вѣтру отъ паруса. При поднятіи своемъ

какъ-то зацѣпись онъ за колодецъ. Я, съ своей стороны, вздумалъ помогать бурлакамъ стащить низъ паруса. Вдругъ вѣтеръ рванулъ полотно такъ, что канатъ, соскочивъ съ колодца, къ счастію слегка, задѣлъ меня по затылку и швырнулъ, какъ соломинку, къ самому носу. Всѣ вскрикнули отъ испуга. Хорошо, что такъ обошлось, но попади канатъ хорошенько по шеѣ — головы бы какъ не бывало! или, если бы ударъ пришелся по туловищу, ну тогда бъ я былъ отброшенъ далеко въ рѣку...

Вотъ и Царицынъ! Конецъ нашему пути по Волгѣ. Простясь съ хозяиномъ, мы съ легкими пожитками поплелись въ городъ. Остановились въ ветхой лачугѣ надъ самымъ обрывомъ.

Царицынъ.

На другой день нашего пріѣзда была ужасная буря; много лодокъ и судовъ разбросало по Волгѣ, а нѣкоторыя даже разбило въ щепы; говорили, что не мало и людей погибло. Уцѣлѣло ли наше суденышко? оно рано утромъ ушло.

— Что жъ, Порфирій, намъ теперь дѣлать и какъ быть?

— Что дѣлать? Ничего не дѣлать! Наймемъ лошадей, да и поѣдемъ, — отвѣтилъ онъ.

— Любопытно это... Какъ ты безъ денегъ-то наймешь и поѣдешь?

— А, ну, если на лошадяхъ не придется ѣхать, такъ на своихъ на двоихъ отправимся, — усмѣхаясь продолжалъ онъ: авось дойдемъ, тутъ не далеко — всего-то верстъ шестьсотъ будетъ.

— Ишь какъ близко: не стоитъ и лошадей нанимать! отшучивался я. Однако, Порфирій, желудокъ требуетъ пищи. Пойдемъ-ка, братъ, растрясать наши богатые капиталы...

Пошли мы въ лучшую „Растерацію“, какъ гласила вывѣска. Ну, хотя тутъ и рыбная сторонка, а ушицы такой не дали, какъ на астраханскихъ промыслахъ. Вообще накормили скверно, а взяли за все втридорога.

Послѣ обѣда, поигравъ на животрепещущемъ бильярдѣ, пошли обозрѣвать городъ. Дорогою намъ встрѣтился квартальный и такъ зорко, подозрительно посмотрѣлъ на насъ.

— Порфирій, говорю я, а вѣдь квартальный-то нюхомъ чуетъ, что мы бродяги.

— Чего добраго! Тогда, братъ, Иванъ, поневолѣ придется, пѣшкомъ прогуляться, — тревожно проговорилъ Порфирій.

— Знаешь, что пришло мнѣ въ голову? продолжалъ онъ: не устроить ли намъ какое-нибудь зрѣлище? Пьеску этакую, съ пѣніемъ и танцами?

— Ишь ты какой ловкій! А гдѣ у насъ пьесы, ноты? И потомъ: на губахъ что ли будемъ себѣ подыгрывать? Нечего сказать, сообразилъ!

— Ты погоди, возразилъ Порфирій. Мы можемъ разузнать, нѣтъ ли музыкантовъ здѣсь, а то такъ съ фортоплясами... Для этого дѣла мы сходимъ къ городничему; онъ, если человѣкъ хорошій, такъ поможетъ намъ.

— Да, поможетъ засадить въ острогъ, да послать домой по пересылкѣ.

— Ну, какія у тебя, Ваня, скверныя мысли! Смѣлымъ Богъ владѣетъ; авось и уладимъ. А нѣтъ, такъ палки въ руки да и въ путь. По своей волѣ пойдемъ, а не по принужденію.

— Ну, ладно, попытаемъ, — согласился я.

Однако спать въ нашемъ помѣщеніи небезопасно: поутру, какъ встали мы, изъ-подъ подушекъ выскочилъ тарантулъ и злобный же какой! такъ и зашипѣлъ, какъ стали ловить. Отвертѣлся, такъ и ушелъ.

Три дня спустя послѣ нашего пріѣзда въ Царицынъ, приходитъ къ намъ хозяинъ дома и спрашиваетъ паспорты.

„Вотъ-те и разъ! попались!“ подумалъ я.

— Вотъ что, почтеннѣйшій хозяинъ, сказалъ Порфирій, паспорты мы намѣрены представить самому городничему; онъ насъ пригласилъ на вечеръ.

Хозяинъ-бѣднякъ при такомъ извѣстіи униженно просилъ извиненія, прибавивъ, что онъ бы и не безпокоилъ насъ, если бы не квартальный: онъ нѣсколько разъ требовалъ у него свѣдѣнія, что за люди живутъ у него.

— Проклятый квартальный, ты хуже тарантула! воскликнулъ я по уходѣ хозяина. И нужно же ему спрашивать паспорты, когда ихъ нѣтъ!...

На другой день мы и въ самомъ дѣлѣ пошли къ городничему. Нами руководили такія соображенія, что, представясь

ему лично, мы испросимъ позволенія и покровительства его по устройству спектакля, и что, когда начальникъ города лично узнаетъ насъ, тогда тарантулъ-квартальный не посмѣетъ тревожить и придираться.

Городничій, старый служака, принялъ насъ привѣтливо. На нашу просьбу онъ отвѣтилъ, что въ этомъ дѣлѣ ничего особеннаго сдѣлать не можетъ, но зато посовѣтовалъ обратиться къ здѣшнему молодому помѣщику Попову. Онъ, вишь, скоро женится и у него постоянно собирается большой кружокъ общества, такъ ему и кстати будетъ.

Поблагодаривъ за добрый совѣтъ, мы тотчасъ же отправились по указанію. Домъ Попова находился неподалеку. На балконѣ его, еще издали, мы завидѣли множество особъ женскаго пола. При нашемъ приближеніи всѣ онѣ дождемъ прыснули въ домъ, только одна почтенная дама встрѣтила насъ, спросивъ, что намъ угодно.

— Актеры Астраханскаго театра, Лавровъ и Долинскій, рисуясь рекомендовались мы. Мы, дескать, здѣсь проѣздомъ и намѣрены дать спектакль или музыкальный вечерокъ. Г. городничій, которому мы имѣли честь представиться, посовѣтовалъ обратиться къ г. Попову, у котораго, какъ онъ пояснилъ, есть свои музыканты. Вотъ по этому случаю мы и пришли попросить г. Попова оказать намъ пособіе. Дама эта оказалась теткой Попова; она была очень рада нашей затѣи и тотчасъ же ушла сообщить объ насъ племяннику. Черезъ минуту, этакъ, влетѣлъ къ намъ и самъ Поповъ и любезно-дружески принялъ и обласкалъ насъ. Потомъ онъ позвалъ всѣхъ своихъ родныхъ и гостей, познакомилъ съ ними и угостилъ насъ обѣдомъ на славу. Весь вечеръ провели весело. Порфирій мой сдѣлался героемъ танцевъ, я тоже распѣвалъ съ барышнями романсы, пѣсенки и куплеты. Однимъ словомъ, сдѣлали успѣхъ въ обществѣ.

— Заварили мы кашу, какъ-то расхлебаемъ? проговорилъ я, идучи домой.

— Да, братъ, Ваня, дѣло-то выходитъ не хвали! отвѣтилъ Порфирій. Музыкантовъ нѣтъ, а на фортепіанахъ тоже играть некому.

— Да потомъ, Порфирій, подумай, что̀ мы дадимъ? Знаемъ мы съ тобой мало; если я пропою куплеты, а ты пропляшешь,

такъ это что жъ за спектакль будетъ? За это, братъ, еще скорѣе пошлютъ по пересылкѣ. Нѣтъ, я такъ думаю: давай-ка подыщемъ извозчика; надо утекать скорѣй.

Такъ мы обдумывали, придя домой. На другой день пошли искать возницу; къ счастію, напали на одного казака, который знавалъ отца Порфирія. Его-то и договорили вести насъ до Воронежа за 100 руб. ассигн. съ тѣмъ условіемъ, чтобы дорогой онъ насъ поилъ и кормилъ. Спасибо, добрякъ на такой уговоръ согласился. Повидавшись еще разъ съ царицынскимъ обществомъ, мы въ одно утро отправились въ путь-дорожку.

(Писано въ 1846 г.)

Воронежъ.

(1845 г.)

Еще издали завидя красиво расположенный городъ Воронежъ, съ замираніемъ сердца подумалъ я: ну, что-то будетъ? каково-то примутъ насъ братья Порфирія? Лгунишка вѣдь онъ изрядный! Много наговорилъ такого, что за глаза повѣрить трудно. У нихъ, вишь, свой домъ здѣсь, и что онъ такой же хозяинъ въ домѣ, какъ и его братья. Ладно, увидимъ!

Большой страхъ напалъ на меня, какъ въѣхали мы во дворъ дома Порфирія. Не къ добру такъ болѣзненно сжалось сердце: вѣщунъ, вѣдь, оно у меня! Едва показались мы на глаза старшему брату Порфирія — Платону, какъ онъ вскинулся на насъ съ руганью и угрозой

— Убирайтесь къ чорту! крикнулъ онъ. Полиція и такъ зла на насъ, а тутъ еще узнаютъ, что въ домѣ нашемъ будетъ проживать безпаспортный, такъ просто бѣда будетъ.

Порфирій насилу упросилъ брата дозволить мнѣ прожить денька два.

На мое несчастіе, въ это время въ Воронежѣ не было труппы: театръ еще съ весны стоитъ закрытый. А я еще дорогой надѣялся на театръ. На другой день пріѣзда пошелъ я въ монастырь св. Митрофанія. Усердно помолясь угоднику Божію, тутъ же порѣшилъ итти пѣшкомъ до Тамбова, а оттуда, если и тамъ нѣтъ актеровъ, какъ-нибудь добраться до Темникова. Путь предстоялъ изрядный — верстъ 500. Оно бы и ничего пройти, да время наступаетъ холодное, а оде-

жонка-то плохая: на мнѣ сверху только и была чуйка, подбитая вѣтромъ, да на ногахъ дырявые сапоги; что было получше — приходилось продать, чтобы уплатить брату Порфирія хотя часть дорожныхъ расходовъ. Черезъ недѣльку этакъ, Порфирій проводилъ меня до заставы и далъ на дорогу 7 руб. ассигн., изъ которыхъ, впрочемъ, мы тутъ же на прощаньи выпили малую толику — чарки по двѣ, да и разстались. Передъ вечеромъ вышелъ я изъ богоспасаемаго града Воронежа. Недалеко отъ города, въ какой-то слободкѣ заночевалъ. На другой день рано-раненько на своихъ на двоихъ пошелъ вдоль по дорожкѣ столбовой.

И натерпѣлся я на этой дорожкѣ и холода и голода! На ту бѣду, какъ на грѣхъ, завернула стужа, дождь, снѣгъ. По дорогѣ-то грязь невылазная! Идешь, идешь, мочи нѣтъ! даже одурь возьметъ. Возропталъ я тутъ на судьбу свою горькую. Измученный, дотащился до ночлега и всю мокреду свою разложилъ на горячей печи, а на утро въ непросохшей хламидѣ опять потащился невылазнымъ путемъ. Иди! Иди!... Но видно Господь сжалился надо мной; послалъ мнѣ помощь: по Тамбовской дорогѣ тянулся обозъ, я попросилъ мужичка подсадить меня до Тамбова.

— Да ты кто таковъ будешь? спросилъ меня извозчикъ.

— Я-то? — Что мнѣ сказывать? подумалъ я; назваться актеромъ опасно: не посадитъ. Пришло мнѣ на умъ назваться семинаристомъ.

— Я, братъ, изъ духовнаго званія — семинаристъ, отвѣчаю ему.

— Тэкъ! Стрекулистъ значитъ! Ну что жъ, садись! За 5 р. ассиг. подвезу.

Присѣлъ я на облучкѣ и тотчасъ же почувствовалъ великое довольство. А погода становилась все хуже и хуже... Ждешь, не дождешься, когда извозчики остановятся на кормежку. Бросишься къ дому, опять раскинешь свою мокрую, закорузлую одежонку на печкѣ, да и притулишься къ теплу. Утромъ, еще до разсвѣта, выѣзжаешь со двора и снова, сидя на возу, жмешься отъ стужи. Мужичокъ мой сталъ замѣчать, что я не сажусь съ ними ни обѣдать, ни ужинать.

— Ты что же, паренекъ, не ѣшь и не пьешь горяченькаго? спросилъ онъ.

Я было отозвался нездоровьемъ, да, видно, добрякъ смѣтилъ дѣло и прямо, безъ обиняковъ, предложилъ мнѣ харчиться на его коштъ.

— Тамъ въ Тамбовѣ сочтемся, уплатишь, уговаривалъ онъ. А коли не сможешь, Господь съ тобой! Апосля, когда-нибудь подашь въ церковь, аль бѣдному какому.

— Спасибо тебѣ, добрый человѣкъ, отвѣтилъ я. Авось, Богъ дастъ, разсчитаюсь съ тобой съ благодарностью.

— Ну что тутъ за благодарность! То жъ бываемъ въ нуждѣ. Другъ дружкѣ помогать надотъ. Трата — не Богъ вѣсть какая! Да вотъ што, молодчикъ, возьми-ка мой зипунъ, онъ сухой, въ немъ тебѣ потеплѣе будетъ.

Я съ радостью воспользовался его предложеніемъ, закутался въ его зипунъ и такъ уютно притулился къ передку облучка. Ужъ не знаю почему, понесся передо мной рядъ картинъ изъ приморскаго житья-бытья въ Астрахани; припомнилась даже моя пѣсенка, которую я пѣвалъ моему другу Оленькѣ.

Поднялась погодка,
Подула моряна
Стороной восточной
Съ большого лимана.
И шумитъ, бушуетъ,
Горой наплываетъ,
До самой ватаги
Топитъ, заливаетъ.

Какъ на ту-то пору,
Пору непогожу,
Молодецъ сбирался
Во путь, во дорожку.

Не лѣсомъ, не полемъ
Ему путь-дорожка, —
Камышомъ, протокомъ
Да большимъ заливомъ.

Какъ не коней борзыхъ
Снаряжалъ удалый, —
Снаряжалъ лихую
Лодочку косную.

Парусокъ наставилъ
По пути, по вѣтру,
И прямо направилъ
Во нову слободку.

Во той ли слободкѣ —
Его поджидала
Зазноба-прилука,
Баба молодая...

Вечерняя зорька
Во морѣ догорала,
Въ камыши косную
Лодку пригоняла.

Молодецъ выходитъ.
Ночь темная пала...
Душечка молодка
Его обнимала...

(Варіантъ къ 7-ой строфѣ)

Въ той ли во слободкѣ
Отъ лихого мужа
Его поджидала
Баба молодая.

1844 года.

На четвертый день пути, за туманной изморозью, завидѣлъ я градъ Тамбовъ. Господи, не покинь меня! пріюти куда-нибудь! взмолился я. Если здѣсь находится труппа театральная, такъ я еще могу надѣяться какъ-нибудь прилѣпиться. А если и тутъ нѣтъ? что я тогда буду дѣлать?

Тамбовъ.

Какъ только обозы въѣхали на постоялый дворъ, я, немедля, тотчасъ же, отправился отыскивать театръ. Ну, ужъ здѣсь и грязь! Просто, ногъ не вытащишь! Какъ это тамбовцы ходятъ и ѣздятъ! Не поэтому ли на улицѣ была такая пустота. Завидя какого-то человѣка, я бросился къ нему, чтобы разспросить, какъ пройти къ театру. Незнакомецъ сообщилъ мнѣ, что театръ находится у Канавы, а есть ли здѣсь актеры — не знаетъ. На площади торговецъ указалъ мнѣ улицу, на концѣ которой стоялъ театръ.

Ну, я вамъ скажу, надо много имѣть мужества, чтобы пройти по этой улицѣ! Видалъ я грязь, но это, вѣдь — до безобразія. Съ великимъ трудомъ могъ я добраться до тамбовскаго храма Таліи и Мельпомены. Подойдя къ нему, я сильно смутился духомъ. Неужели это ободранное, полураз-

валившееся зданіе — театръ? Это скорѣе заброшенный амбаръ! Ветхое крыльцо его, согнувшись, искоса, уныло поглядывало на улицу. Кругомъ пустырь, овраги... Рядомъ съ театромъ стоялъ вновь отстроенный флигель. Войдя во дворъ, я и здѣсь увидѣлъ кругомъ пустоту и развалины. Думаю: вѣрно, въ этомъ домикѣ живутъ актеры.

Съ открытаго, еще недоконченнаго крыльца дверь прямо вела во внутреннее жилье. Я робко вошелъ въ довольно большую комнату; во всю длину ея протянулась стойка, какія бываютъ въ буфетахъ. На прилавкѣ сидѣли трое мужчинъ, одѣтые въ халатахъ, похожихъ на боярскія иль турецкія шубы, съ плисовой покрышкой и отороченные кошачьимъ мѣхомъ, а можетъ быть и собачьимъ.

Вошедши, я поклонился имъ и робко спросилъ:

— Господа! скажите, здѣсь ли находится театръ?

— Да, отвѣтствовали они. А тебѣ что надо?

— Я нарочно пришелъ узнать, тутъ ли труппа актеровъ и кто содержатель.

Они пояснили мнѣ, что труппа живетъ здѣсь, содержатель театра: Василій Ивановичъ Аносовъ, а они, всѣ трое, изъ числа актеровъ.

При названіи Аносова я вспомнилъ, что еще въ Астрахани говорили о немъ.

— Позвольте, господа, представиться: я тоже актеръ Астраханскаго театра; фамилія моя Лавровъ. Здѣсь я проѣздомъ и зашелъ передать поклонъ отъ Алексѣя Ивановича Иванова-Колосова, а также и отъ Ивана Никитича Залѣсскаго.

Едва я проговорилъ это выдуманное посланіе, какъ всѣ они вскочили и стали меня радушно привѣтствовать и разспрашивать объ астраханской труппѣ. Я разсказалъ имъ, что зналъ. Тутъ присоединились и другіе изъ актеровъ.

— Куда жъ вы теперь намѣрены отправиться? спросилъ меня Бобровъ.

Я откровенно ему признался, что ѣду за паспортомъ въ Темниковъ и что нахожусь въ большой крайности.

— Да вамъ бы поступить въ нашу труппу. Что за охота тащиться 300 верстъ въ этакую погоду, — совѣтовалъ мнѣ тотъ же Бобровъ. — Право, оставайтесь-ка, а я пойду къ Василію Ивановичу и переговорю.

— Ахъ, сдѣлайте милость! Я вамъ буду много, много обязанъ, съ замираніемъ сердца отвѣтилъ я.

— Ну и прекрасно. Подождите; я сейчасъ!

Онъ ушелъ, а я съ остальными будущими товарищами продолжалъ вести рѣчь о житьѣ-бытьѣ астраханскихъ собратій.

Тутъ былъ дирижеръ Морозовъ, съ виду точно сморчокъ, человѣкъ уже пожилой. Другой — Щуцкій, такой подслѣповатый и худенькій, былъ комикъ, благородный отецъ, изображалъ и злодѣевъ. Третій, стоявшій отъ насъ отдѣльно, около угла, во все время молчалъ и прочитывалъ роль, не сказавъ съ нами ни слова.

„Вѣрно тоже злодѣй, иль трагикъ", подумалъ я. На видъ онъ былъ высокаго роста; суровый такой взглядъ.

— Это молодой актеръ Волковъ (Бирюковъ); готовится на драматическія роли, тихо подсказалъ мнѣ Щуцкій. Онъ имѣетъ хорошій голосъ; при случаѣ будетъ и пѣвцомъ, добавилъ онъ.

Затѣмъ пояснили, что они всѣ недавно пріѣхали съ Урюпинской ярмарки, и что спектакли здѣсь начнутся, какъ только будетъ хорошій путь, а то теперь къ театру нельзя ни пройти, ни проѣхать.

Тутъ вошли Бирюковъ и содержатель Аносовъ. Бобровъ съ виду былъ очень похожъ на цыгана: волосы и глаза у него черные, самъ вертлявый такой; голосъ имѣлъ такой же, какъ у актера въ Гамлетѣ, т.-е. похожій „на звонъ обрѣзаннаго червонца". Бобровъ занималъ первыя комическія роли.

Антрепренеръ былъ мужчина ражій, больше средняго роста, съ довольно солиднымъ брюшкомъ. На видъ ему было лѣтъ подъ сорокъ. Я нашелъ въ немъ много сходства съ однимъ знакомымъ мнѣ секретаремъ, который имѣлъ теплое мѣстечко и отъ него разжирѣлъ.

Съ робостью представился я своему будущему властителю. Василій Ивановичъ, поразспросивъ меня объ Астраханскомъ и Воронежскомъ театрахъ, предложилъ остаться у него, но только безъ всякаго договора: послѣ, глядя по моимъ способностямъ и успѣхамъ, назначитъ и жалованье, теперь же дозволяетъ и поселиться у него, если желаю.

Конечно, я съ великой радостью согласился и при этомъ осмѣлился попросить у него денегъ для расплаты съ извозчикомъ. Онъ, спасибо, не отказалъ — далъ 15 руб. ассигн. По-

лучивъ деньги, я тотчасъ же побѣжалъ къ моему доброму извозчику.

Василій Ивановичъ приказалъ помѣстить меня въ гардеробной, гдѣ проживалъ Дмитрій Пахомовичъ Волковъ; ему были поручены костюмы и всѣ принадлежности для сцены.

Когда я вошелъ въ мое новое жилище, Дмитрій Пахомовичъ сидѣлъ на табуретѣ и, едва удостоивъ взглянуть на меня, продолжалъ читать по тетрадкѣ вѣроятно роль какую-нибудь

„Экой злой!“ подумалъ я. „Плохое будетъ мнѣ житье съ нимъ“.

На деревянномъ столѣ, воткнутый въ бутылку, сальный огарокъ болѣзненно мигалъ передъ суровымъ лицомъ Волкова. Кругомъ, по стѣнамъ, на полу въ безпорядкѣ были разбросаны и развѣшаны костюмы. Ближе къ потолку торчали шляпы, шапки, ермолки и даже нѣчто въ родѣ шлемовъ. По угламъ грудой навалены были разныя бутафорскія вещи.

Осмотрѣвшись, рѣшился я подсѣсть къ окну на скамейкѣ. Ночь темная. Осенній вѣтеръ со стономъ проносился по домамъ и заборамъ. Дождь и снѣгъ поочередно немилосердно хлестали въ наши окна.

Хорошо, что я пріютился, а то бы въ такую непогодь плохо бы мнѣ пришлось пѣшкомъ тащиться до Темникова, да еще въ такой одежонкѣ!

Волкову видно надоѣло читать. Онъ отбросилъ тетрадь и зѣвнулъ, да и огарокъ уже догаралъ. Пахомычъ снялъ боярскія и турецкія шубы и постелилъ себѣ у печки, перекрестившись, легъ и накрылся овчинной шубой, безъ рукавовъ, купленной имъ въ Урюпинской станицѣ.

Я не зналъ, какъ и гдѣ мнѣ улечься; какъ вдругъ Волковъ произнесъ:

— Берите себѣ, что хотите, и ложитесь спать. Здѣсь нянекъ нѣтъ; распоряжайтесь, какъ знаете!

Такая неожиданная любезность сердитаго товарища смутила и удивила меня. Я пробормоталъ ему спасибо и поспѣшилъ воспользоваться его дозволеніемъ. Нерѣшительной рукой захватилъ я, что попало, подостлалъ себѣ и, закутавшись не то боярской, не то турецкой шубой, заснулъ богатырскимъ сномъ.

Тамбовъ, какъ я прежде пояснялъ, одинъ изъ самыхъ грязныхъ городовъ, особенно весной и осенью. Большими ули-

цами еще можно кое-какъ ходить и ѣздить, а дальними переулками и площадями опасно пускаться даже пѣшему, въ экипажахъ же ѣздить — и думать нечего! Театръ стоялъ у топкой канавы-оврага въ одномъ изъ самыхъ непроходимыхъ переулковъ. Это была главная причина, мѣшавшая давать представленія; къ тому же и домъ, гдѣ мы жили, несовсѣмъ былъ отстроенъ; ходъ къ нему былъ прямо со двора, безъ сѣней, и велъ онъ въ ту большую комнату со стойкой. Стойка во время спектаклей должна была служить буфетомъ для публики, а днемъ въ ней репетировали и столовали. Налѣво изъ буфета дверь вела въ маленькую комнату, въ которой жилъ первый комикъ Николай Александровичъ Бобровъ, другая дверь вела въ коридоръ. Здѣсь имѣлись двѣ комнатки. Въ одной изъ нихъ помѣщался младшій братъ Аносова, Григорій Ивановичъ, первый любовникъ драматическій и водевильный; при немъ жилъ актеръ Егоровъ, ветеранъ лѣтъ 70-ти, онъ исполнялъ роли благородныхъ отцовъ и дядей. Рядомъ съ ними, въ другой комнатѣ жила родная сестра Аносова, Марья Ивановна, со своей матерью. Она разыгрывала первыя роли любовницъ въ драмахъ и водевиляхъ. Далѣе было жилье самого содержателя; у него жила первая изъ первыхъ актрисъ — Иванова-Колосова, хорошая актриса, особенно на роляхъ съ пѣніемъ изъ репертуара Д. Т. Ленскаго. Далѣе, изъ коридора ходы были въ столовую Аносова и въ кухню. Въ этомъ послѣднемъ помѣщеніи, т.-е. въ кухнѣ, жилъ дирижеръ Морозовъ, декораторъ Стотти, двое актеровъ на небольшія роли и реквизиторъ, онъ же портной и парикмахеръ. Суфлеръ помѣщался гдѣ, придется. Я и Волковъ, какъ извѣстно, помѣщались въ костюмерной.

Кромѣ сказаннаго состава къ труппѣ принадлежали: Малиновская, молодая актриса съ хорошимъ голосомъ; Лебедева — на роли старухъ и тетушекъ, и еще двѣ молоденькія актрисы на малыя роли. Всѣ онѣ жили на квартирахъ около театра. Впослѣдствіи къ намъ подъѣхали еще: драматическій актеръ Василій Мелентьевичъ Лебедевъ и Хрисанфовъ да молодая хорошенькая актриса Соколова, Софья Васильевна, родная сестра суфлера.

Дмитрій Пахомовичъ Волковъ оказался не такимъ дикимъ и недобрымъ: мы скоро съ нимъ сошлись и подружились.

Къ намъ на жилье впослѣдствіи пріютился дирижеръ Морозовъ. Онъ былъ дворовымъ человѣкомъ и отпущенъ бариномъ жить по оброку; музыкантъ онъ былъ знающій, хорошій скрипачъ, но только запивалъ тоже изрядно. Мы перетащили его къ себѣ не безъ цѣли. Почти каждый вечеръ занимался онъ съ нами подъ скрипку изученіемъ куплетовъ и коечего изъ оперетокъ Ленскаго. Волковъ и вправду имѣлъ хорошій голосъ. У него былъ баритонъ, у меня теноръ, вотъ дѣло и пошло на ладъ. Кстати, всѣ мы почти безвыходно сидѣли дома по случаю бездорожья, да къ тому же всѣмъ-то и уходить нельзя было: если одному изъ насъ доводилось выйти, то, чтобы одѣть и обуть его, надо было собирать: бѣлье у одного, платье у другого, а обувь у третьяго. Если же чего недоставало, брали изъ костюмовъ въ гардеробной. Иногда по вечерамъ къ намъ хаживали любители театра и попоекъ; они ужъ съ собой непремѣнно принесутъ и винца и закусокъ. Ну, конечно, при этомъ случаѣ вся труппа пируетъ на славу. Всегда при такой оказіи составится хоровое пѣніе и больше всего изъ „Аскольдовой могилы“.

Наконецъ выпалъ снѣгъ и наступили морозцы; по улицамъ и даже къ нашему театру доступно стало и ходить и ѣздить. Начались репетиціи; стали готовиться къ открытію представленій. Еще до меня Аносовъ велъ переписку съ Иваномъ Олимпіевичемъ Бантышевымъ, братомъ знаменитаго московскаго пѣвца. Его приглашали на сезонъ до поста, преимущественно для роли Торопки въ „Аскольдовой могилѣ“. Бантышевъ просилъ 250 р. асс. въ мѣсяцъ и два бенефиса до поста, а ему предлагали 150 руб. и одинъ бенефисъ. Дѣло почти шло къ соглашенію, какъ вдругъ нечаянный случай натолкнулъ меня замѣстить Бантышева. Я говорилъ, что мы съ Волковымъ, подъ скрипку Морозова, разучивали кое-что и между прочимъ проходили партіи изъ „Аскольдовой могилы“, о которой тогда слава гремѣла по всѣмъ провинціямъ.

Въ одну изъ репетицій назначена была спѣвка этой оперы. Самъ антрепренеръ намѣренъ былъ играть роль Неизвѣстнаго. Хотя голосъ у него былъ плохой, но онъ не находилъ никого другого, способнымъ исполнить эту партію. Роль Надежды назначена была Малиновской, Всеслава — Григорію Аносову, Фрелафа — Боброву, а старика Алексѣя — Егорову. Для хора,

кромѣ своихъ и любителей, приглашены были пѣвчіе. Въ числѣ любителей были люди богатенькіе; они-то на репетиціяхъ ставили намъ великое угощеніе.

Однажды, какъ подпили изрядно, я взялъ на себя смѣлость сказать Аносову, что я-де могу спѣть изъ роли Торопки; всѣ такъ и воззрились.

— Да сможешь ли? Развѣ у тебя есть голосъ? — удивленно спросилъ В. И.

— Есть да еще очень изрядный! — радостно воскликнулъ Морозовъ.

— А ну-ка, ну, пропой! — сказалъ недовѣрчиво Аносовъ.

Морозовъ задалъ тонъ. Съ неожиданнымъ для самого себя увлеченіемъ пропѣлъ я „вѣтерокъ“ и „чарочки“.

Тутъ всѣ повскакали съ своихъ мѣстъ и бросились обнимать и поздравлять меня. Антрепренеръ больше всѣхъ возрадовался и тутъ же порѣшилъ не принимать И. О. Бантышева. Волковъ также пропѣлъ хорошо: „Встарину живали дѣды“. В. И. и ему изъявилъ удовольствіе и уступилъ тутъ же роль Неизвѣстнаго. Радостное для всѣхъ такое событіе закончилось пирушкой во всю ночь. Между тѣмъ время настало открывать спектакли. Всѣ мы принялись за дѣло. Пошли учащенныя репетиціи, готовились костюмы, декораціи. Театръ былъ убійственно грязенъ и ветхъ, какъ снаружи, такъ и внутри. Антрепренеръ не имѣлъ средствъ его исправить; начальство и общество города помощи не оказывало, а хозяинъ зданія, купецъ, находилъ совершенно излишнимъ, даже недостойнымъ, тратить деньги на такое пустяковое дѣло. Въ то время купечество театръ считало праздной, даже грѣховной прихотью, служащихъ же въ театрѣ непригодными и порочными людьми...

Наконецъ назначенъ былъ первый спектакль. Шла драма Кукольника: „Князь Скопинъ-Шуйскій“ и водевиль „Ямщики“. Въ этой послѣдней пьесѣ я игралъ роль Василія Горюна и имѣлъ успѣхъ.

Забавный случай произошелъ въ день этого спектакля съ проѣзжими офицерами съ Кавказа. Въ гостиницѣ „Пиватто“ подали имъ театральную афишу. Желая вѣроятно заранѣе запастись билетами, подъѣхали они къ театру еще часа за два до представленія, сунулись къ двери — темно, никого изъ людей не было видно. Ощупавъ дверь, любители вошли

въ еще болѣе темный коридоръ. Первый, который ступилъ на полъ, былъ пораженъ ударомъ въ лобъ... Озадаченный воинъ ринулся назадъ и этимъ движеніемъ такъ толкнулъ своего товарища, что тотъ повалился съ ногъ. Вскочивъ, оба они гнѣвно начали кричать и ругаться. На крикъ ихъ явился съ фонаремъ сторожъ и объяснилъ въ чемъ дѣло. На угрозы офицеровъ онъ униженно, робко оправдывался:

— Извините, ваше благородіе, я тутъ ни при чемъ, это съ вами приключилось отъ того, что доска не прибита, какъ ступишь на нее, она другимъ-то концомъ и вдаритъ... Давѣ я говорилъ Василію Ивановичу, что надо бы дощечку эту приколотить, а онъ, должно и позабылъ.

— Да гдѣ же билеты у васъ продаютъ? спрашиваетъ офицеръ.

— Билеты-то? отвѣчаетъ сторожъ: днемъ берутъ у Василія Ивановича, а вотъ черезъ часикъ этакъ — сядетъ кассиръ и будетъ продавать. Да раньше-то почесть никто и не беретъ!

— Ну, веди насъ къ вашему хозяину; мы возьмемъ у него билеты, да, кстати, побранимъ его за драчливую половицу.

Въ этотъ первый спектакль публики набралось довольно, пьесы въ исполненіи актеровъ прошли удовлетворительно; ну, конечно, обстановка была бѣдна. Въ то время публика на этотъ счетъ не была избалована. Я также получилъ одобреніе не только отъ публики, но даже и отъ товарищей. Несказанно радъ я былъ такимъ похваламъ.

Хотя „Аскольдова могила" и готовилась нами, но Аносовъ сильно затруднялся насчетъ обстановки. Надо было сготовить вновь нѣкоторыя декораціи, костюмы и разныя бутафорскія вещи. А гдѣ взять столько денегъ? Къ счастію его и нашему, для этой пьесы оказалъ свое покровительство вліятельное лицо, извѣстный театралъ П. А. Б—въ; онъ принялъ участіе и взялъ на себя все это устроить.

Тѣмъ временемъ мнѣ удалось съ успѣхомъ исполнить роли: Ивана въ водевилѣ „Анютины глазки", потомъ Эрнеста въ пьесѣ „Суженаго конемъ не объѣдешь" и довольно трудную партію въ опереткѣ: „Мнимый невидимка". Кромѣ этихъ пьесъ, я игралъ разныя роли въ драмахъ и водевиляхъ. Характерные костюмы, хотя плохого свойства, мы получали изъ гардероба

антрепренера; городское же платье и обувь доставалъ костюмеръ-реквизиторъ отъ своихъ знакомыхъ лакеевъ, которые давали платье своихъ господъ, конечно, тайкомъ. За это поставщикамъ дано право даромъ ходить въ театръ. Страдательное положеніе было бѣднаго реквизитора-портного. Онъ зорко слѣдилъ за актериками, одѣтыми въ чужое платье... Нѣкоторые изъ нашей братіи имѣли привычку, послѣ спектакля, улизнуть и заложить его. Конечно, антрепренеръ выкупитъ все, и виновному поставитъ въ счетъ, даже вдвое, да этотъ беззаботный народъ не печалится о штрафѣ... Ему важно настоящее, а о будущемъ онъ и не думаетъ. За нѣсколько часовъ довольства и веселья, актеръ готовъ стойко и терпѣливо уживаться съ холодомъ и голодомъ. Какъ обвинять ихъ? Порядочное общество къ себѣ актеровъ не принимало; внѣ театра всѣ ими гнушались или стыдились, особенно купечество, даже кланяться на улицѣ не позволяли. Антрепренеры умышленно держали ихъ въ бѣднотѣ, безъ паспортовъ. Книгъ и газетъ не читали. За рѣдкость когда ихъ видишь-то. Кромѣ трактира, кабака да безпутныхъ любителей, мы ничѣмъ не могли окружить себя. Бывали исключенія, но рѣдко.

П. А. Б—въ, по правдѣ, все дѣло выполнилъ. Подъ его руководствомъ были написаны декораціи, спиты костюмы и все сготовлено, что только требовалось для оперы.

Когда же все было окончательно приготовлено и нами твердо разучено, то, немедля, назначенъ былъ день представленія „Аскольдовой могилы". Для этого спектакля П. А. Б—въ пригласилъ публику высшаго круга. Вѣроятно гордые и чванные тамбовскіе аристократы не безъ гримасъ согласились поѣхать въ нашъ театръ, о существованіи котораго иные изъ нихъ знали только понаслышкѣ.

Принялись нашъ театръ мыть, чистить и вообще приводить его для такой публики въ приличный видъ. Какъ у русскаго человѣка, театръ тамбовскій имѣлъ свой собственный, какой-то особенный запахъ. Не малаго труда стоило его провѣтрить и освѣжить.

Въ день спектакля „Аскольдовой могилы", имѣющіе ложи каждый по-своему украсили свои мѣста мебелью, коврами и проч. Когда же театръ освѣтили еще небывалымъ освѣщеніемъ, то мы совсѣмъ не узнали его.

Зрителей набралось полонъ театръ. Оробѣли мы добрые молодцы, взглянувъ на это непривычное для насъ убранство и эту блестящую невиданную прежде публику. Больше всѣхъ трусили мы съ Волковымъ... и недаромъ... Вся отвѣтственность лежала на насъ. Увеличенный оркестръ сыгралъ увертюру и занавѣсъ взвился...

Хоры, при участіи пѣвчихъ, прошли хорошо. Вообще первый актъ проведенъ былъ нами, противъ ожиданія, съ успѣхомъ. Меня, Волкова и Аносова (Фрелафъ) вызвали раза два, — это насъ сильно поощрило. Второе дѣйствіе прошло еще лучше. Волкова и меня вызывали нѣсколько разъ. Но самый шумный и большой успѣхъ далъ третій актъ. Воодушевленный одобреніемъ публики, я съ полной страстью отдался игрѣ и пѣнію. „Вѣтерокъ“ пѣлъ четыре раза, „чарочки“ — три раза. Торжество было совершенное! Много разъ меня вызывали. Третьимъ дѣйствіемъ кончился спектакль; четвертаго не давали по трудности обстановки. Итакъ даже великосвѣтская публика осталась довольна нашимъ исполненіемъ.

П. А. Б—въ, послѣ этого спектакля, пригласилъ насъ всѣхъ къ себѣ на ужинъ. Въ домѣ его мы встрѣтили многихъ лицъ, бывшихъ въ театрѣ. Хозяинъ и гости поздравили насъ съ успѣхомъ. Мы съ своей стороны, искренно поблагодарили П. А., какъ виновника постановки пьесы, такъ и нашего успѣха. Вначалѣ неловко намъ было плоховато одѣтымъ бесѣдовать въ кругу изящныхъ и раздушенныхъ лицъ тамбовской аристократіи, а какъ подпили изрядно, то пустились въ дружелюбныя, свободныя объясненія. Должно быть мы повели себя ужъ черезчуръ смѣло, потому что насъ вскорѣ послѣ ужина отправили домой. Дома у себя, въ буфетѣ, встрѣтили мы гурьбу купчиковъ и разнаго званія любителей, уже сильно подкутившихъ. Всѣ они нестройно распѣвали хоры изъ „Аскольдовой“. Завидя насъ, съ неистовыми криками, принялись обнимать и цѣловать. Ну, конечно, пошло тутъ угощенье наповалъ.

Репертуаръ пьесъ весь сезонъ и здѣсь такъ же, какъ и въ Астрахани, состоялъ изъ драмъ, водевилей и фарсовъ. Но ставились, хотя не часто, прелестныя оперетки-водевили Д. Т. Ленскаго. Мнѣ они очень нравились, какъ и публикѣ.

Въ драмѣ „Купецъ Иголкинъ“ я игралъ одного изъ шведскихъ солдатъ; Иголкина исполнялъ талантливый актеръ Василій Мелентьевичъ Лебедевъ, къ несчастію, онъ имѣлъ чрезмѣрное пристрастіе къ крѣпкимъ напиткамъ, и въ этотъ спектакль онъ игралъ, изрядно выпивши. Когда подошла сцена съ солдатами, онъ, вмѣсто того, чтобы, выхвативъ ружье у солдата, убѣжать за нами, вздумалъ сдѣлать расправу на сценѣ. Онъ штыкомъ ранилъ меня въ руку такъ, что кровь пошла ручьемъ. Хотя публика этого и не замѣтила, но за сценой актеры и я самъ сильно испугались. В. И. Аносовъ хотѣлъ ему даже отказать за эту исторію, но мы всѣ заступились и упросили оставить его. До поста больше всего давали „Аскольдову могилу“. Прошла она до 12-ти разъ съ одинаковымъ успѣхомъ и почти всегда при полныхъ сборахъ. Антрепренеръ ликовалъ, мы радовались...

Мы съ Волковымъ служили безъ договора. Аносовъ за успѣхи наши далъ намъ обоимъ бенефисъ въ среду на Масленой. Отъ этого спектакля мы получили, за расходомъ, около 500 руб. асс. Да кромѣ того В. И. выдалъ намъ мѣсячнаго жалованья по 50 руб. Слѣдовательно отъ этого сезона мы съ Волковымъ имѣли каждый по 400 р. асс. Богатство!... Еще на Масленой прислано было отъ темниковскаго общества приказаніе явиться мнѣ въ городъ для уплаты недоимокъ и за полученіемъ паспорта.

Дѣлать нечего. Видно, какъ ни вертись, а ѣхать къ міроѣдамъ съ поклономъ надо, да къ тому же и самому хотѣлось побывать въ Темниковѣ и повидать родныхъ. Съ сожалѣніемъ проводили меня Аносовъ и товарищи. Пуще всѣхъ кручинился Д. П. Волковъ.

И вотъ я постомъ поѣхалъ на парѣ съ землякомъ-татариномъ во путь, во дорожку. Пролегала эта дорожка больше все проселками да лѣсами. Бывало продрогнешь весь, пока доберешься до тепла. Господи! какъ непривѣтливо глядѣли курныя избы при богатыхъ усадьбахъ... Войдешь въ избу — духота, крикъ дѣтей, мычанье телятъ, овецъ, а подъ печкой визгъ свиней — все не давало покоя, а тутъ еще отъ свѣтца ѣстъ глаза... Вездѣ пища такая скудная, такъ что больше пробавлялся чайкомъ. Но встрѣчались такія деревни, что ни у кого самовара не было. Ужъ и дали же знать себя метели

да вьюги, да мучители-ухабы! По милости ихъ мы часто сбивались съ дороги и плутали, кое-гдѣ даже подвергались опасности замерзнуть. Бѣдный татаринъ то и дѣло взывалъ къ Аллаху... Ко всѣмъ этимъ прелестямъ — возница мой былъ страшный разгильдяй: то у него оборвется что-нибудь, то распряжется лошадь. Бѣды съ нимъ! Хоть волкомъ вой... Такъ вотъ и протащились мы съ нимъ около 300 верстъ, а все-таки пріѣхали въ родимый градъ Темниковъ.

Темниковъ.

(1846 г. Великій постъ.)

Остановился я у дяди, Ивана Евменовича Мыльникова. Жена его, Наталія Ѳедоровна, была родная сестра моей матери. Семья ихъ состояла изъ одного сына и трехъ дочерей. При нихъ, по пріѣздѣ моемъ находилась младшая дочь, дѣвушка, Маша, другія дочери находились уже въ замужествѣ, а сынъ Алексѣй, какъ объяснили, пропалъ безъ вѣсти. Несказанно возрадовались родные моему пріѣзду. Ужъ болѣе десяти лѣтъ прошло, какъ мы не видѣлись. Добрый мой дядя заплакалъ, обнимая меня.

Тетушка лѣтъ восемь была уже слѣпая. Она все гладила меня руками по волосамъ и лицу, какъ будто бы желая убѣдиться точно ли это я. Ощупавъ мое короткое, теплое пальто, она съ сожалѣніемъ проговорила:

— Ахъ, касатикъ мой, какая у тебя одежонка-то короткая, — видно сукнеца-то не хватило!

Я отъ души посмѣялся ея предположенію и утѣшилъ ее тѣмъ, что это по модѣ, всѣ такъ носятъ.

Всѣ другіе родные тоже собрались повидаться со мною. Распросамъ и разсказамъ не было конца.

Послѣ всѣхъ передрягъ, особенно дорожныхъ, я весь отдался спокойной, бездѣятельной жизни...

Въ моемъ родимомъ Темниковѣ жители до сихъ поръ придерживаются старинки. Этому способствуетъ то, что городъ стоитъ въ глуши, окруженный дремучими лѣсами, заводями да болотами по Мокшѣ. Обычаи и наряды сохранились тѣ же,

что и у стариковъ; но кое-гдѣ однакоже замѣтна наклонность къ новшеству и подражанію господскимъ людямъ.

Насчетъ же грамотности куда какъ плохо! Зато начальство и откупъ винный царятъ здѣсь во всю мощь. И какъ погляжу я, горожане куда стали бѣднѣе супротивъ прежняго; того довольства, той полной хозяйственности уже не видно. Зато у всѣхъ одинаково сохранились обрядности на святкахъ и лѣтнихъ увеселеніяхъ.

Въ бесѣдахъ съ родными я увидѣлъ, какъ много сохранилось у нихъ повѣрій и разныхъ суевѣрій; глубоко вѣрятъ они въ домовыхъ, лѣшихъ, лѣсныхъ и водяныхъ. Хотя смѣшно, но интересно было слышать ихъ разсказы. Одинъ говоритъ, что его соннаго всего исщипалъ и измялъ дѣдушка-домовикъ; другая увѣряетъ, что этотъ же проказникъ душилъ ее и такъ навалился, что она ни рукой ни ногой не могла пошевелить. Того лѣшій завелъ въ лѣсную трущобу, чуть-чуть не за сто верстъ отъ города. Прежде и я также вѣрилъ слѣпо всѣмъ этимъ розсказнямъ, но какъ пошатался по бѣлу-свѣту и коечему понаучился, то и пересталъ вѣрить такимъ небылицамъ. Чтобы доказать имъ, что во многихъ повѣрьяхъ существуетъ больше недоумѣніе и обманъ, я разсказалъ имъ одно происшествіе, которое случилось въ имѣніи генерала Т—ва. Это было въ 1842 году.

Въ октябрѣ мѣсяцѣ, въ одинъ сумрачный день, отъ скуки пошелъ я съ барскимъ ружьецомъ бродить по ближнему лѣсу. Осенній, короткій день сталъ близиться къ ночи.

Нагулявшись, усталый, я мимоходомъ зашелъ отдохнуть въ овинъ, изъ котораго еще издали виднѣлся свѣтъ. Подойдя къ нему, я спустился къ огоньку обогрѣться. У печки возсѣдали двое мужиковъ: одинъ изъ нихъ былъ высокаго роста, рыжій; другой низенькій, пузатенькій такой, съ простовато-добродушнымъ лицомъ.

— Богъ на помощь, ребята! сказалъ я имъ, усаживаясь на солому.

— Спасибо, кормилецъ, спасибо, — отвѣтили оба, кланяясь.

Показалось мнѣ, что мужикъ съ рыжей бородой былъ не радъ моему приходу; вѣроятно, ему досадно было, что я помѣшалъ ему дослушать какой-нибудь разсказъ. Я не ошибся.

— О чемъ это, братцы, вы тутъ растобарывали? спросилъ я, протягивая руки къ огню.

Добродушное лицо разсказчика оживилось, онъ отвѣтилъ:

— Да такъ, батюшка, кормилецъ, кое о чемъ; отъ скуки баемъ да были съ небылицами мѣшаемъ. Вотъ я сказываю Пахомычу о домовыхъ да лѣшихъ. Наше мѣсто свято!

При этомъ оба они перекрестились.

— Коли угодно твоей милости прослушать, такъ я ужъ сначала. Ономнясь сватъ Гаврило Семенычъ изъ села Чемоданова пріѣхалъ изъ Москвы. Ѣздилъ онъ туды къ господамъ спрошать у нихъ милости — дозволенія женить своего сына Петруху. Славный парень у него Петруха; что ни заставь — на все мастеръ. Да и дѣвка! чай знамъ тебѣ Селифанъ? Мужикъ зажиточный, хлѣбосолъ такой — людей мало! Такъ вотъ, батюшка, дочка-то, я говорю, у него Маланья — этакая, на удивленье. Дѣвка рослая, здоровая да румяная, а ужъ какъ учнетъ молотить аль бо жать — держись только! Другому куды те — не угнаться! Ну, кормилецъ ты мой, такъ вотъ эту-то Маланью-то сватъ Семенычъ и спрошалъ у господъ за свово, то-есть, сына-то. Мы, знашь, молотимъ на гумнѣ; домъ-то у насъ стоитъ на концѣ, у вереи. Глядь — кто-то ѣдетъ... Матрена моя и говоритъ: „Глянь-ка, Ѳомка, никакъ это сватушка воротился?“ Смотрю, а это онъ и есть. Бросилъ цѣпъ, бѣгу къ нему да и кричу: „Сватушка, заверни бражки испить!“ Онъ мужикъ, — ты вѣдь, Ванюха, знашь, — не спесивый, заѣхалъ.

— „Здорово, молъ, сватъ! Пошто ѣздилъ, уладилъ ли?“

А онъ сердешный заплакалъ инъ.

— „Эхъ, сватъ Ѳома“, баитъ Семенычъ, „съ радостью великой воротился. Дай Богъ здоровья господамъ! Не токмо што дозволили взять Маланью, да еще дали 20 рублевъ на свадьбу; а, ужъ, тебѣ вѣдомо, сватушка, нуждаюсь ли я въ деньгахъ? — своихъ довольно. А этотъ-то подарокъ да милость ихъ всего дороже на свѣтѣ“.

— „Ну, сватушка“, говорю, „поздравляю тебя“.

Ну, тутъ на радостяхъ испили мы и бражки и винца. Куда какъ развеселился мой сватушка — любо съ два!

Опосля этого поѣхали мы къ Селифану. Тутъ како угощенье было, такъ и сказать не можно! Отъ Селифана по-

ѣхали къ свату Семенычу. Завалились мы съ сватушкой въ сани-то дюже во хмелю, а время-то подходило ужъ такъ къ сумеркамъ. Какъ на грѣхъ поднялась вьюга и метель — зги не видать Божьей! Селифанъ съ своимъ братомъ отстали штоль, аль бо заплутались, только ихъ ужъ не видно стало. Ѣдемъ это мы лѣскомъ, а ужъ темненько стало. Сватъ мой храпитъ въ саняхъ, что есть мочи, т.-е. во всю-то ивановскую! Да и у меня, признаться, глаза такъ и слипаются. Только смотрю — по дорогѣ идетъ человѣкъ словно, большущій такой. Думаю, кто бъ это былъ? глядь, анъ это кумъ Трофимъ.

— „Здорово“, говоритъ, „кумъ!“

— „Здорово“, молъ. „Откеда это ты идешь?“

— „Да, што“, баитъ онъ, „поѣхалъ за дровами... и ужъ на цѣлый возъ сгоношилъ, глядь, лошади-то и нѣтъ, и лѣшій ее знаетъ, куды подѣвалась! Вотъ и бреду пѣшкомъ; да непогодь какая, всѣ глаза залѣпило“.

— Ну, братъ... „Эхъ, кумъ, кака оказія!“ отвѣчаю я. „Да постой-ка, неча тебѣ домой-то. Садись-ка да править, довези насъ со сватушкой къ нему; тамъ на радостяхъ винца хлебнемъ, а то мнѣ тоже добре заснуть хочется“. Сѣлъ Трофимъ, а я, какъ ткнулся, такъ и заснулъ...

Только долго ли, коротко ли мы ѣхали, не знаю; какъ вдругъ спросонья слышу шумъ какой-то, и кто-то такъ страшно мнѣ шепчетъ на ухо: „Вставайте, пріѣхали!“ Вскочилъ, это, я съ саней-то и не опомнюсь никакъ. Послышу — шумитъ возлѣ насъ гдѣ-то вода, брызгами такъ и обдаетъ, такъ и обдаетъ! Думаю: Господи, спаси и помилуй! да возьми и перекрестись. Въ это время изъ облаковъ глянулъ мѣсяцъ. Смотрю — нѣтъ мово Трофима! И куды онъ дѣлся, Господь вѣдаетъ! А тутъ передъ нами мельница нежилая; лошадь-то наша стоитъ по колѣно въ водѣ... Я — ну креститься на всѣ четыре стороны да святыхъ угодниковъ причитывать. Вдругъ, слышу, по лѣсу кто-то какъ загогочетъ, какъ загогочетъ, ажно волосъ дыбомъ сталъ! Я тутъ одной-то рукой крещуся, а другой-то все толкаю свата: „Вставай молъ, Гаврила Семенычъ, дѣло не ладно!“ А *онъ*-то все тамъ гогочетъ да гогочетъ...

Пробудился мой Семенычъ, вылупилъ глаза, да ничего и

въ толкъ не возьметъ. Повертѣлъ, повертѣлъ этакъ головой, да и бухнулся въ сани.

Думаю: вотъ такъ обошелъ онъ насъ! Дѣлать неча, вывелъ я лошадь изъ воды, да все съ молитвой да съ молитвой, подвелъ ее къ сараю, на сухое мѣсто. А тутъ, какъ на грѣхъ, опять закрутила, завалила вьюга страшенная. Куды жъ теперь ѣхать, думаю себѣ. Семъ-ка и я залягу да сосну до утра, авось Господь милостивый помилуетъ и охранитъ. Покрестилъ я во всѣ стороны, да и залегъ.

Просыпаемся, это, мы со сватомъ добре на разсвѣтѣ. Семенычъ мой диву дался, какъ я ему все пересказалъ.

—„Ишь ты, куда завелъ, проклятый!“ баитъ сватъ: „на Юдину мельницу. Кузьма мельникъ удавился здѣся; никто съ той поры не ходитъ, не ѣздитъ сюда. Одначе отмахали мы! верстъ двадцать отшатились отъ дому-то... Таперича намъ надо выѣхать на большую дорогу, — она недалече, — а тамъ поѣдемъ на Никольское; у кума, цѣловальника, похмелиться надоть, а то голова — словно бы молотьба въ ней...“ такъ разсудилъ сватъ Гаврило Семенычъ. Ну и поѣхали...

Въ эту минуту краснобая-разсказчика прервалъ не то вой, не то стонъ какой-то, пронесшійся надъ нашими головами. Я дрогнулъ; мужики крестились.

— Что это такое? спросилъ я.

Собесѣдники мои не отвѣчали, только все крестились. Схвативъ ружье, я выскочилъ наружу. Тьма была непроглядная; вѣтеръ гудѣлъ такой, что сосны стонали отъ его напора. Что дѣлать, какъ мнѣ быть теперь? Сказать, чтобы меня проводили — стыдно, будутъ смѣяться по деревнѣ, скажутъ: трусъ какой!...

— Прощайте! крикнулъ я мужичкамъ съ напускной храбростью и рѣшимостью. Иду лѣсомъ, а страхъ меня такъ и забираетъ, такъ и забираетъ. Хотя до дому было близко и дорога знакомая, да въ темнотѣ-то я все путался и натыкался на деревья. Вскорѣ однако глаза мои, послѣ свѣта отъ печи, стали яснѣе различать предметы, и я могъ итти свободнѣе. Иду да разсуждаю: чего жъ это я такъ боюсь? скоро выйду изъ лѣса, а тутъ и усадьба возлѣ. И вправду, открылась поляна, но жилья нашего какъ не бывало. Присматриваюсь — вижу валъ, а за нимъ виднѣются кресты. Вотъ

тутъ-то я струхнулъ не на шутку. Чувствую, что отъ страха волосы мои шевелятся, а по тѣлу мурашки такъ и забѣгали... Долго, подъ вліяніемъ непобѣдимаго страха, я стоялъ на одномъ мѣстѣ, точно вбитый колъ. Жду — вотъ-вотъ явится мертвецъ и схватитъ меня... Но ничто не показывалось, только шумъ лѣсной раздавался вокругъ и наводилъ еще болѣе ужаса. Наконецъ-таки рѣшился тронуться съ мѣста и итти по дорогѣ спиной впередъ, а лицомъ къ кладбищу. Иду да думаю, какъ это я сбился съ дороги, которую знаю да перезнаю — не понимаю! Не много могъ я такимъ образомъ пройти; то и дѣло все спотыкался. Рѣшился повернуться и побѣжать, что есть духу, а сзади точно кто хватаетъ, все хватаетъ... Прибѣжалъ снова на поляну, за которой, какъ копны, неясно виднѣлись крестьянскія избы. Я остановился, чтобы перевести духъ, какъ вдругъ завидѣлъ передъ собою невдалекѣ огромное бѣлое чудовище. Ноженьки мои подкосились, ружье, какъ соломинка, тряслось въ рукахъ; даже въ горлѣ захрипѣло. А привидѣніе все идетъ да размахиваетъ своимъ длиннымъ не то балахономъ, не то саваномъ... Что же это все значитъ — чудовище все идетъ, а не подходитъ? Не зналъ я на что рѣшиться: бѣжать ли, или подойти да стрѣльнуть. Подойду. Иду себѣ такъ робко и ружьемъ все прицѣливаюсь... Смотрю, а это на длинныхъ жердяхъ холсты вѣтромъ раздуваетъ! Фу!... Такъ отъ сердца и отлегло; даже плюнулъ — съ досады или съ радости, ужъ не знаю...

Тутъ я пошелъ уже смѣло и спокойно, подумавъ: вотъ если бъ я, не убѣдившись, убѣжалъ давеча, тогда никто не разувѣрилъ бы меня, что это не настоящее привидѣніе или мертвецъ...

Всѣ на усадьбѣ спали, когда я воротился къ себѣ домой.

(Написано въ 1846 г. въ Темниковѣ. Переписано въ 1860 г.)

Передъ Пасхой я получилъ отъ Аносова письмо, въ которомъ онъ проситъ поскорѣе пріѣхать въ Тамбовъ.

Проведя праздники, на Ѳоминой я уѣхалъ изъ Темникова. И на этотъ разъ возница мой былъ татаринъ изъ деревни Карова. Ужъ и дорога жъ была въ распутицу-то! пожалуй, горше зимней. Мосты и гати какъ будто для того и созданы

были, чтобы до полусмерти измучить, истиранить проѣзжихъ людей. Господи, Боже мой! будутъ ли когда-нибудь у насъ на Руси дорожки получше!...

Тамбовъ.

Аносовъ, вся труппа и особенно Волковъ встрѣтили меня съ большою радостiю. Антрепренеръ самъ предложилъ мнѣ условiя: 500 руб. ассигн. въ годъ и одинъ бенефисъ. Весной по театру дѣла шли плоховато. Помѣщики разъѣхались по деревнямъ, а купцы по ярмаркамъ, стало-быть и намъ приходилось пуститься за ними на добычу. Труппа наша пополнилась еще вновь прiѣзжими лицами: прибылъ Порфирiй Аксаковъ на роли злодѣевъ. Пьяница, драчунъ и забулдыга онъ былъ страшный! Онъ хвастался тѣмъ, что ни одна лошадь не смѣетъ похвалиться, чтобы когда-нибудь возила Порфирiя Аксакова.

Да и въ самомъ дѣлѣ и на этотъ разъ онъ пришелъ пѣшкомъ изъ Тулы, гдѣ служилъ у содержателя Азбукина на первыхъ драматическихъ роляхъ. По разсказу видно было, что онъ тамъ подрался съ Азбукинымъ и съ актерами, за что полицiею и былъ выгнанъ изъ города. Кромѣ его, поступили къ намъ: на роли простаковъ — Соболевъ; Гусевъ, мой астраханскiй товарищъ, — актеръ на разныя роли, затѣмъ на роли старухъ — Лиханская и молоденькая актриса Софья Соколова. Такой прибытокъ далъ возможность антрепренеру раздѣлить труппу на двѣ части. Онъ и рѣшилъ одну половину отправить въ Кирсановъ, а другую въ Темниковъ. Я попалъ въ первый составъ. Декорацiи, костюмы, вся труппа и музыка — все это отправилось на тройкахъ съ протяжными извозчиками. Въ иныхъ деревняхъ не могли понять — что за народъ такой ѣдетъ? Одинъ только, вѣроятно, бывалый человѣкъ, воскликнулъ: „Знаю, знаю — это, ребята, балаганщики!“

Кирсановъ.

Въ Кирсановѣ насъ тоже встрѣтили съ немалымъ удивленiемъ. Сказывали, въ этомъ городѣ еще театра никогда не видывали. Помѣщенiе для нашихъ представленiй дали въ сараѣ, половину котораго занималъ разный скотъ, пригнанный на

продажу. Съ большимъ любопытствомъ жители города слѣдили за постройкою невиданнаго ими зрѣлища; даже ночью народъ толпился. Въ сущности устройство театра было немудреное: сцену поставили на ко́злахъ, сзади въ родѣ клѣтушекъ пристроили уборныя, оркестръ отъ публики отдѣлили жердями, обернутыми въ цвѣтной коленкоръ. Въ зрительномъ залѣ въ этомъ же родѣ, по бокамъ, сгородили 12 ложъ. Полъ подъ стульями и скамейками усыпали пескомъ, а стѣны и потолокъ обтянули грубымъ полотномъ по которому декораторъ Стотти разрисовалъ или, лучше, намалевалъ причудливые фигуры и узоры. Лампы съ масломъ и канделябры съ сальными свѣчами освѣщали театръ. Въ первый спектакль даны были пьесы: „Параша-сибирячка“, драма Полевого и водевиль „Любовное зелье“. Публики набралось столько, что яблоку негдѣ упасть. Ходенёмъ заходила сцена, когда мы выступили на нее. Публика съ полнымъ удовольствіемъ и вниманіемъ слѣдила за представленіемъ. Въ драмѣ многіе, особенно дамы, плакали навзрыдъ, въ водевиляхъ же смѣялись отъ души. Какъ въ первое, такъ и въ послѣдующія представленія, всѣхъ смѣшили сосѣди: въ самыя-то интересныя сцены вдругъ изъ другой половины сарая раздавалось то мычанье коровы, то визгъ свиней, или овцы забякаютъ, а надъ головами публики иногда неожиданно раздастся звонкое „кукареку!“ Ну, конечно, всѣ разразятся неудержимымъ смѣхомъ. Несмотря на всѣ эти маленькія неудобства, публика все-таки уходила довольная.

Хотя мы сдѣлались любимцами кирсановской публики, однакоже городничій призвалъ антрепренера и спросилъ:

— Всѣ ли у тебя служащіе имѣютъ законные виды?

Боясь скрыть правду, Аносовъ признался, что у немногихъ есть паспорта. Начальникъ города пожурилъ его, замѣтивъ:

— Смотри у меня!... Вести себя смирно! А если что случится, сейчасъ въ кандалы и маршъ!

Послѣ десяти спектаклей мы снова отправились на ярмарку въ г. Ломовъ. Тамъ мы соединились съ другой половиной труппы. Оказалось, что въ Темниковѣ представленія не состоялись по милости Аксакова, сочинившаго тамъ большой скандалъ. Во второй или въ третій спектакль вышелъ онъ на сцену совершенно пьяный и за неодобреніе его игры обру-

галъ всю публику, да такъ, что дамы убѣжали. Оставшіеся зрители, оскорбленные такой неприличной выходкой, тоже ушли изъ театра; а городничій приказалъ — вмѣстѣ съ Аксаковымъ забрать и другихъ актеровъ въ полицію. Тамъ при допросахъ узнали, что Аксаковъ дворянинъ, и по этой причинѣ всѣхъ отпустили. Но послѣ такого событія сборы совершенно пали, и труппа, съ немалымъ убыткомъ, должна была уѣхать изъ города. Въ Ломовѣ, кромѣ Аксакова, котораго прогнали, составъ труппы былъ достаточный, чтобы играть пьесы съ большой обстановкой. Тутъ шли: Гамлетъ, Скопинъ-Шуйскій, Жизнь игрока, Параша-сибирячка, Отецъ и дочь, и проч. Конечно, декораціи, костюмы и аксессуары были бѣдны; очень многаго недоставало. И русскія и переводныя пьесы — все шло почти при однѣхъ и тѣхъ же декораціяхъ и костюмахъ, съ передѣлкой конечно. Случалось, когда не хватало чулокъ, то художникъ нашъ Стотти (декораторъ) мазалъ намъ ноги черной или коричневой краской. На придворныхъ красовались тульи фуражекъ, обшитыя позументомъ; перья косачей или пѣтуховъ замѣняли страусовыя; женскія кацавейки, чулки и другіе наряды шли тоже въ дѣло. Публика на эти недостатки мало обращала вниманія; она довольствовалась игрою актеровъ.

Изъ Ломова мы отправились въ Урюпинскую станицу. Тамъ осенью бываетъ большая ярмарка. По прибытіи туда насъ встрѣтили дожди и холода. Каменный театръ еще не совсѣмъ былъ достроенъ; часть сцены и уборная такъ и остались покрытыми лишь лубкомъ. Когда пошелъ снѣгъ, то мы имѣли удовольствіе на сценѣ ходить по сугробамъ.

И въ этакую-то стужу приходилось намъ разыгрывать въ легкихъ костюмахъ и чулкахъ. А ужъ бѣдныя актрисы, просто, ежились въ три погибели. Отъ такого ли побыта или отъ другой какой причины, но только труппа съ антрепренеромъ и даже между собою стали жить не ладно. Къ этому еще Аносовъ сталъ насъ кормить плохо, да и жалованье тоже выплачивалъ скудно. Еще въ началѣ ярмарки мы съ Волковымъ написали письмо въ Воронежъ къ Млатковскому съ предложеніемъ нашихъ услугъ, и хотя отъ него получили приглашеніе, но только на дебюты, и притомъ денегъ на проѣздъ онъ не прислалъ. Этимъ временемъ узнали мы, что и въ Пензѣ на зиму устраивается театръ, содержателемъ кото-

раго будетъ помѣщикъ Иванъ Николаевичъ Горскинъ. Порѣшили мы съ Волковымъ, Гусевымъ и Соболевымъ удрать туда тихонько отъ Аносова. Предварительно пославъ въ Пензу письмо, мы вскорѣ получили отвѣтъ съ приглашеніемъ пріѣхать поскорѣй. Дѣло сдѣлано. Но какъ быть съ Аносовымъ? Хоть у товарищей моихъ паспортовъ не было, но вѣдь за нимъ были зажитыя деньги. Разсудили ѣхать безъ всякихъ расчетовъ и объясненій. Къ счастію, паспортъ мой находился при мнѣ, а въ то время съ однимъ видомъ можно было и втроемъ разъѣзжать повсюду. Тайкомъ отъ всѣхъ наняли извозчика, уже знакомаго съ порядками ѣзды съ актерами, т.-е. поить, кормить и до мѣста не требовать денегъ. И такъ около 20-го октября, мы втроемъ ночью пустились или, лучше, убѣжали изъ труппы Аносова.

Пенза.

(24 октября 1846 года.)

Въ городъ Пензу въѣхали мы вечеромъ довольно поздно. Помѣстились на постояломъ дворѣ. Утромъ, исправивъ по возможности свой невзрачный нарядъ, отправились въ домъ Ивана Николаевича Горскина. Театръ находился тамъ же. Въ конторѣ насъ принялъ управляющій ласково и всѣ дорожныя издержки уплатилъ, кромѣ того по просьбѣ нашей далъ еще, въ счетъ будучихъ благъ, денегъ. Пока все шло хорошо. Самого Горскина еще не было въ городѣ, но его ждали со дня на день. Въ театрѣ въ это время доканчивалась передѣлка. Декораціи, костюмы и вся обстановка, какъ видѣлось, готовились на большую ногу.

Вскорѣ прибыли въ составъ труппы: драматическій актеръ Санковскій и съ нимъ актриса Таисія Стрѣлкова, Лабутинъ на роли первыхъ комиковъ, а за нимъ вслѣдъ пріѣхавшія изъ Тамбова: Софья Соколова, Колосова, и изъ Астрахани — Вѣтроцинская. Пріѣхалъ наконецъ и самъ И. Н. Горскинъ, тотчасъ же всѣхъ насъ потребовалъ на лицо и, какъ Гамлетъ, пожелалъ извѣдать образчики нашихъ дарованій. Каждый изъ насъ, поочередно, кто продекламировалъ, кто прочелъ сцены изъ комедій и водевилей. Прослушавъ терпѣливо, И. Н. Горскинъ высказалъ намъ очень дѣльныя замѣчанія. При этомъ

самъ прочиталъ изъ драмы „Параша-сибирячка“ сцену Неизвѣстнаго. И надо сказать по справедливости — прочелъ удивительно какъ хорошо.

На видъ онъ былъ высокаго роста, голова съ сѣдиной, глаза изъ-подъ нависшихъ бровей, казалось, метали искры. Вообще въ манерахъ и въ обращеніи его проглядывали гордость и барская сановитость. Мы слышали стороной, что будто бы онъ былъ сосланъ на житье въ Пензу. Сказывали также, что онъ игралъ гдѣ-то въ „Парашѣ-сибирячкѣ“ роль Неизвѣстнаго съ большимъ успѣхомъ (вѣроятно съ любительскимъ обществомъ). Этому можно повѣрить, судя по его чтенію. Послѣ нашихъ испытаній И. Н. пригласилъ всѣхъ насъ къ себѣ на чай и ужинъ. Тамъ, у себя, представилъ всю труппу гостямъ, пензенскимъ аристократамъ.

Скоро начались репетиціи, а черезъ недѣльку этакъ открылись и спектакли. Подъ руководствомъ Горскина пьесы шли гладко, опрятно. Раздирающихъ драмъ не давали, а играли легкія драмы, комедіи, оперетки и водевили. Больше всѣхъ имѣли успѣхъ Санковскій и Стрѣлкова. Меня также одобрили въ 3-мъ актѣ „Аскольдовой могилы“ и въ водевилѣ „Анютины глазки“. Въ зимній сезонъ нерѣдко И. Н. Горскинъ приглашалъ къ себѣ, послѣ спектаклей, на ужинъ, гдѣ онъ и гости награждали насъ подарками.

Жалованье всѣ мы получали хорошее. Слѣдовало бы скопить деньжонокъ, такъ не тутъ-то было! Попрежнему все проживалось, не думая о будущемъ, и когда наступилъ Великій постъ, то у немногихъ оказались капиталы. По окончаніи сезона Горскинъ объявилъ намъ, что до слѣдующей зимы держать труппу не будетъ. Итакъ безпечные дружки — мы остались какъ раки на мели. Что дѣлать? какъ быть? Надумали пустить въ ходъ письма въ разныя стороны, кому куда вздумалось. Я послалъ въ Тулу, Новочеркасскъ, Воронежъ и Таганрогъ. Ожидая приглашенія, мы тѣмъ временемъ проживали послѣдніе гроши, а потомъ пришлось продавать или закладывать все, что считалось излишнимъ. Нѣкоторые изъ труппы, получивъ приглашеніе, уже уѣхали. Я же все сижу и жду. Самъ-то я едва перебивался, а тутъ еще ко мнѣ пріютился Ѳедоръ Кравченко, актеръ на разнохарактерныя роли.

Вотъ и постъ близится къ концу, а я все отвѣта не получаю ниоткуда. Что дѣлать? видно придется куда-нибудь пѣшкомъ прогуляться.

— Что жъ!... это намъ не въ диковинку! замѣчаетъ Кравченко.

— Такъ-то такъ, а все бы лучше ѣхать по приглашенію, — отвѣтилъ я.

Въ такомъ печальномъ положеніи сидимъ мы, не зная на что рѣшиться. Какъ вдругъ входитъ въ нашу комнату жандармъ съ объявленіемъ: немедленно актеру Лаврову явиться къ губернатору... Даже въ дрожь и жаръ бросило меня...

— Господи, Боже мой!... Что это такое значитъ? пробормоталъ я. — Зачѣмъ это, голубчикъ, меня требуютъ? не знаешь? робко спросилъ я жандарма.

— Не могимъ знать! отвѣтилъ онъ невозмутимо.

— Такъ я приду...

— Никакъ нѣтъ! Пожалуйте со мною! Приказано доставить.

— Хорошо, хорошо!... пойду... пролепеталъ я: вотъ только одѣнусь... „Кажется ничего такого я не сдѣлалъ...“ думаю про себя. Собравшись, простился съ Ѳедоромъ и ушелъ, или лучше сказать—уведенъ былъ жандармомъ. Со страхомъ и трепетомъ вступилъ я въ губернаторскій домъ. Въ канцеляріи правитель дѣлъ спросилъ меня:

— Вы писали въ таганрогскую дирекцію театра?

— Да-съ... писалъ-съ... отвѣтилъ я съ замираніемъ сердца.

— Ну, такъ, вотъ вамъ отвѣтъ оттуда... Князь Ливенъ, градоначальникъ и попечитель таганрогскаго театра, изъявилъ согласіе принять васъ. Вотъ вамъ присланы и деньги 150 руб. асс. на путевыя издержки. Если согласны — возьмите деньги и подпишите обязательство, что немедленно отправитесь въ Таганрогъ.

Озадаченный и обрадованный такой неожиданностію, я ужъ не помню, что отвѣтилъ. Пришелъ въ себя только на улицѣ, держа въ одной рукѣ деньги, а въ другой свидѣтельство на проѣздъ. Паспортъ же мой взяли для пересылки въ Таганрогъ. Иду къ дому и ногъ подъ собой не слышу. Еще издали, завидя Кравченко, кричу:

— Ѳедька! Ура! наша взяла!...

Онъ бѣдняга, хотя и сочувствовалъ моей радости, но еще

болѣе сталъ сокрушаться о своей судьбѣ. Сталъ онъ упрашивать меня взять его съ собою.

— Что жъ! авось не пропадемъ?... Какъ-нибудь доѣдемъ оба.

Несказанно возрадовался Ѳедоръ моему согласію. Да оно и ѣхать-то вдвоемъ поваднѣй и веселѣй. Купили мы тулупы, валенки, теплыя шапки. Затѣмъ пошли искать — нѣтъ ли какихъ попутчиковъ. Къ счастію, подвернулся желанный случай. Отъ купца Мочалова именно въ Таганрогъ посылались три подводы съ товарами. Насъ охотно согласились посадить за 50 руб. асс. Вотъ чудесно! Какъ это все кстати пришлось! Седьмого марта 1847 года выѣхали мы съ Кравченко въ далекую стороношку, къ морю Азовскому. А ѣхать придется больше тысячи верстъ, и лежитъ нашъ путь все степью необозримой. Ну, съ Богомъ! Прощай, Пенза.

Помѣстили насъ на передкѣ, въ широкихъ саняхъ — любо! Но вотъ черезъ два дня опять наступили холода и метели. Жутко пришлось намъ, странничкамъ. Кравченко одѣтъ-то былъ поплоше моего, по этой причинѣ и заглядывалъ частенько въ кабачки. Въ одну изъ большихъ запряжекъ мы такъ зазябли, что не чаяли доѣхать живыми до ночлега. Ѳедоръ ужъ сталъ засыпать, да и меня тоже такъ и клонило ко сну. Возчики, увидя такую бѣду, принялись лѣчить по-своему. Сперва раздѣли до нага насъ, потомъ тотчасъ же одѣли, обули и, схвативъ подъ руки, заставили пробѣжать дорогой. Ужъ мы ихъ и ругали и молили лучше бросить насъ на дорогѣ, лишь бы не мучить такъ. Но черезъ нѣсколько минутъ почувствовали теплоту, оживленье, а затѣмъ даже и жарко стало.

— Ну, други, спасибо! спасли насъ! И дивно это, какъ мы скоро разогрѣлись!

— Да, отвѣтили извозчики. Хорошо еще что во-время запримѣтили, а то бы тутъ вамъ и остаться. Мы въ дорогѣ-то коли зазябнемъ — все такъ-то отогрѣваемся.

Не долго насъ гнали холода и бураны. Время ли подходило къ веснѣ, или мы стали поближе къ теплой сторонѣ, только вдругъ подулъ теплякъ, и въ воздухѣ стало какъ-то мягко, хорошо таково... Ну, какъ есть — весной дохнуло. Дорога сразу зачернѣла, замокла. А тамъ по сторанамъ, балками и по овражкамъ, зарѣчилась водица. По небу высоко

тянулись стаи журавлей да гусей. И все-то держать въ нашу сторонушку! Ишь какъ весело курлычутъ да гогочутъ!

— Путь вамъ — дорога! кричу имъ. Кланяйтесь нашимъ! А ты, Ѳедька, что же лежишь, какъ полѣно, не полюбуешься?

— Да что любоваться-то? невидаль какая! лѣниво отвѣтилъ онъ. Вотъ кабы шинокъ поскорѣе, такъ я охотно бы заглянулъ въ него, освѣжился бы... А то очень паритъ! жарко!

— Да развѣ вино холодитъ?

— А то какъ же! намедни мы съ тобой отъ него чуть-чуть не замерзли.

Распутица въ самомъ дѣлѣ наступила сильная. Съ каждымъ днемъ становилось все теплѣе и теплѣе. Балки такъ налились, что мѣстами переѣзжали ихъ чуть не вплавь. Вотъ и Пасха наступаетъ (24 марта), а мы еще и до Новочеркасска не дотянули. Пришлось у рѣчонки Свинушки остановиться и въ небольшой хохлацкой деревушкѣ встрѣтить день свѣтлаго праздника. А какъ церкви тутъ не было, то въ просторной хатѣ всѣ мы вкупѣ съ жителями деревни отслужили заутреню. Никакъ я не могъ подладится къ хохламъ; они пѣли по своему говору и на свой ладъ. Однако, хотя и безъ попа, а все-таки справили по-христіански. Послѣ службы похристосовались другъ съ другомъ и засѣли къ большому столу, изобильно установленному яствіемъ и питіемъ. Первую минутку однакожъ мнѣ взгрустнулось: вспомнилъ я тутъ и родныхъ и друзей-товарищей. Ну, а потомъ, какъ глотнули по чаркѣ да по другой — такъ и стало на душѣ повеселѣе...

Должно быть дня три или четыре простояли мы въ Свинушкахъ, пока справили паромъ. Не безъ сожалѣнія разстался я съ добрыми хлѣбосольниками-хохлами. Хорошій народъ! Новочеркасскъ, столицу донскихъ казаковъ, не довелось мнѣ видѣть; вечеромъ пріѣхали, а утромъ на разсвѣтѣ выѣхали. Вотъ и Ростовъ на Дону. Городъ большой, но грязный, какъ и всѣ уѣздные города. Зато жъ здѣсь рѣка Донъ очень красива, особенно теперь, въ разливѣ. У пристани стояло множество судовъ и лодокъ.

— Вотъ скоро и море Азовское увидимъ, — сказалъ возчикъ.

И вправду завидѣли вдали блестящую, широкую морскую поляну. Въ туманѣ еле виднѣлся Таганрогъ.

— Ну, что-то будетъ? подумалъ я.

— Ахъ, что насъ ждетъ? со вздохомъ проговорилъ Кравченко, точно отвѣчая на мою мысль.

— А ты, Ѳедька; главное дѣло — не робѣй! Чѣмъ больше робѣть — тѣмъ хуже!...

Таганрогъ.

(3 апрѣля 1847 года.)

Недоѣзжая станціи до города, передъ нами широко раскинулось море Азовское. У Таганрогской пристани и дальше, по возморью, виднѣлись мачты судовъ и кораблей. При въѣздѣ Таганрогъ показался намъ лучше иныхъ губернскихъ городовъ. Возницы наши остановились близъ базара, на постояломъ дворѣ, гдѣ и мы пріютились въ грязной, маленькой каморкѣ. Утромъ ранёнько отправились мы обозрѣвать городъ. Онъ еще больше понравился мнѣ, чѣмъ вчера. Побывали въ прелестномъ городскомъ саду, гдѣ находился памятникъ императору Александру Первому; потомъ пошли на пристань, — тутъ всюду суетился народъ, производя страшный шумъ и гамъ. Большіе корабли, по мелководью, стояли далеко отъ берега. Досадно, нельзя ихъ разсмотрѣть хорошенько, а они такъ красиво выглядятъ. Ну, Богъ дастъ, поживемъ — увидимъ.

Возвратясь домой, послали письмо къ режиссеру Ѳедору Сергѣевичу Кочевскому, спрашивая у него, къ кому намъ должно представиться.

— Ѳедька, какъ намъ быть? обратился я къ Кравченко. Одежонка-то на насъ куда какъ неказиста! Я еще туда и сюда какъ-нибудь обряжусь, а тебѣ такъ ужъ совсѣмъ не въ чемъ явиться. Въ нагольномъ полушубкѣ да въ валенкахъ къ начальству ввалиться не гоже.

— А я, знаешь какъ, Ваня, — отвѣтилъ Ѳедоръ: скажусь больнымъ; а ты пойдешь тамъ къ кому треба и устроишься, опосля и обо мнѣ похлопочешь. Такъ гарно будетъ?

— Ладно, хорошо!

Въ это время вошелъ служитель и объявилъ:

— Тамъ какіе-то господа васъ спрашиваютъ!

— Вотъ-те на!... Какъ снѣгъ на голову! Вѣрно, актеры здѣшніе. Ложись, Ѳедька, скорѣе да притворись хорошенько больнымъ. Поди, любезный, проси сюда этихъ господъ.

Черезъ минуту въ наше убогое жилище вошли, какъ оказалось, трое актеровъ изъ таганрогской труппы. Первый вошедшій, солидный и уже пожилыхъ лѣтъ, былъ режиссеръ Ѳ. Е. Кочевскій, другіе, которыхъ онъ отрекомендовалъ, были: Вячеславъ Андреевичъ Дорошенко и Александръ Ѳедоровичъ Деклеръ — эти оба были молодой народъ и состояли первыми персонажами по сценѣ. Всѣ они любезно и привѣтливо поздравили насъ съ пріѣздомъ. Но обстановка ли наша или моя молодость, можетъ быть, навели сомнѣніе о нашихъ актерскихъ дарованіяхъ, только я замѣтилъ, что оба они, т.-е. Дорошенко и Деклеръ, какъ-то насмѣшливо улыбались, ведя разговоръ. Особенно Дорошенко своей хитрой рѣчью и лукавыми глазами просто приводилъ меня въ смущеніе и досаду. Ѳедька роль больного игралъ очень хорошо. Они его пожалѣли и, уходя, на прощаньи, обѣщали прислать театральнаго доктора. Проводивъ будущихъ собратовъ, я обратился къ Кравченко:

— Ну, вставай! Будетъ тебѣ разыгрывать больного! Пожалуй еще переиграешь и въ самомъ дѣлѣ заболѣешь.

— Да мнѣ тутъ на лежанкѣ-то ужъ больно хорошо! Пригрѣлся такъ, что и разстаться не хочется. Ну, Ваня, какъ показались тебѣ здѣшнія птицы?

— А кто жъ ихъ знаетъ, каковы они на самомъ дѣлѣ. Кочевскаго ужъ по лицу, по манерѣ и разговору видно, что дѣльный актеръ и должно быть хорошій, добрый человѣкъ. А объ другихъ не знаю какъ сказать... Деклеръ очень вертлявъ и, кажется, все вретъ; себя черезчуръ выхваляетъ. Дорошенко, по моему взгляду, тоже, должно быть, актеръ хорошій; онъ красивъ собою, и манеры такія ловкія. Только, по всей вѣроятности, онъ плутъ и бестія такая, что держись-гляди!... Замѣтилъ ты, какъ онъ посматривалъ то на помѣщеніе, то на наши жалкіе пожитки?... Мнѣ все казалось — онъ такъ и хочетъ сказать: а гдѣ же ваши вещи, сундуки, чемоданы? или вы явились къ намъ такъ, какъ есть?... У! чортъ тебя побери, проклятый хохолъ!...

— Ну, полно, Ваня, не середись! Онъ мнѣ землякъ... И вы — русскіе часто ошибаетесь въ насъ. Можетъ быть, на самомъ дѣлѣ, онъ и не таковъ, какимъ ты его себѣ представляешь.

— Ну, да ладно! Толкуй тутъ! Поживемъ, такъ увидимъ!

На другой день, обрядившись, охолившись насколько возможно, явился я къ директорамъ: полковнику Акиму Адамовичу Цельнеру и прокурору Эпаминонду Осиповичу Флуки. Первый встрѣтилъ меня довольно сухонько и очень сильно напиралъ на дебюты, которые могутъ выяснить условія дирекціи. Э. О. Флуки, при первомъ же моемъ вступленіи въ его кабинетъ, отнесся ко мнѣ такъ дружелюбно, привѣтливо, что я невольно оживился и повелъ съ нимъ бесѣду безъ стѣсненія. Разсказалъ ему о своемъ житьѣ-бытьѣ въ театрахъ Астраханскомъ, Тамбовскомъ и Пензенскомъ. Но онъ больше всего обрадовался тому, что у меня есть голосъ. И самъ Флуки, оказывается, любилъ пѣть и музыку зналъ хорошо; онъ объяснилъ мнѣ, что у нихъ именно недоставало актера съ голосомъ. Э. О. съ этого же раза, какъ видится, расположился ко мнѣ. Оставивъ меня обѣдать, познакомилъ съ своею женою, гречанкой. Она тоже была музыкантша. Послѣ обѣда я пропѣлъ имъ, что зналъ. Они остались довольны моимъ голосомъ, — замѣтили однакожъ, что мнѣ надо поучиться пѣнію, тутъ же и рѣшили дебютировать мнѣ въ пьесахъ: „Аскольдова могила“ (опера), „Мнимый невидимка“ (оперетта) и въ водевилѣ „Женщина-лунатикъ“. При прощаньи Э. О. Флуки обѣщалъ познакомить меня съ учителемъ пѣнія Риссо, который будетъ давать мнѣ уроки безденежно.

Итакъ довольный и радостный воротился я домой.

— Ну, что? какъ дѣла? спросилъ Кравченко.

— Да ничего себѣ! Одинъ директоръ встрѣтилъ не очень-то дружелюбно; зато другой и принялъ и обласкалъ какъ нельзя лучше. Завтра надо итти на репетицію, чтобы познакомиться съ труппой.

— А насчетъ меня говорилъ что-нибудь?

— Какъ же; говорилъ съ однимъ Флуки. Тебѣ тоже дадутъ дебюты. Но надо прежде мнѣ освоиться и добыть денегъ, а то въ чемъ ты явишься? До поры до времени посиди да погуляй по городу.

— Нѣтъ, знаешь что, Ваня? Пойду-ка я, этакъ вечеркомъ, къ Дорошенко, объясню ему мое положеніе. Онъ землякъ; думаю, что онъ не откажетъ мнѣ въ помощи, — совѣтовался Ѳедоръ.

— Ну, что жъ, сходи. Можетъ и дѣло сдѣлаешь, — согласился я.

Театръ находился на большой улицѣ, въ каменномъ невзрачномъ зданіи, противъ клуба. Сзади театра тянулся заборъ, окружавшій пустынный, заросшій бурьяномъ дворъ. Съ боку театра, фасадомъ во дворъ, стоялъ одноэтажный флигель, въ которомъ помѣщался театральный людъ. Тутъ жили: костюмеръ, служащіе разные и нѣкоторые изъ актеровъ и актрисъ. Внутренность театра очень незавидна: стѣны закоптѣлыя, лѣстницы и коридоры узкіе; помѣщеніе въ зрительной залѣ не особенно велико, пожалуй не больше Тамбовскаго. Сцена и уборныя тоже съ плохими удобствами, но все-таки гораздо лучше, чѣмъ въ Астраханскомъ и Тамбовскомъ театрахъ. Какъ видится, по хозяйству и по службѣ вообще заведенъ порядокъ. Даже прислуга — капельдинеры одѣты въ форменный нарядъ съ лампасами и свѣтлыми пуговицами. Театръ состоялъ подъ покровительствомъ свѣтлѣйшаго князя Ливена. Имъ и выбраны были въ директора Цельнеръ и Флуки. Сказывали, что по завѣщанію покойнаго императора Александра I отпускается для театра пособіе деньгами.

На репетиціи Ѳ. С. Кочевскій представилъ меня таганрогской труппѣ *).

---

*) Петровскій, ветеранъ сцены, 80 лѣтъ.

Ѳ. С. Кочевскій, драматическій и комическій актеръ, лѣтъ 50-ти.

В. А. Дорошенко, на роляхъ фатовъ и любовниковъ.

Семенъ Родіоновичъ Леоновъ, изъ воспитанник. Петербургск. театр. школы, въ драмахъ.

Деклеръ, А. Ѳ., драм. актеръ, — злодѣевъ и также вертопраховъ въ водевиляхъ.

Семенъ Андреевичъ Горскій, на роляхъ комиковъ и стариковъ.

Вильковскій, преимущественно на малорос. роляхъ.

Бушено, второй комикъ и тоже на малорос. роляхъ.

Смирновъ, Конст. Петровъ, — молодыхъ комиковъ и вертопраховъ, братъ петерб. танцовщ.

Выходцевъ, на роляхъ простаковъ и стариковъ.

Анастасьевъ-Монетти, суфлеръ.

Ѳедоровъ, Декельштъ, Васильевъ, Масленниковъ — играющіе малыя роли; они же хористы и статисты.

При труппѣ находились два дирижера, декораторъ (Сорокинъ), секретарь, костюмеръ, бутафоръ, двое портныхъ, двѣ портнихи, два парикмахера, четыре капельдинера, кассиръ, и два сторожа. Оркестръ состоялъ изъ 15-ти музыкантовъ-нѣмцевъ, подъ управленіемъ капельмейстера Фрича. Жалованья первые персонажи получали отъ 1000 и до 1500 р. ассигнаціями. Нѣкоторые имѣли по условію по два и по одному бенефису въ годъ. Вторые сюжеты отъ 300 до 700 руб. ассигнаціями въ годъ и немногимъ давались бенефисы, и то по заслугамъ. Остальные служащіе получали 100, 150 и 200 руб. асс. въ годъ.

Вотъ въ такой-то составъ предстояло и намъ съ Кравченко вступить, если только удадутся дебюты.

Первый выходъ мой на сцену былъ въ воскресенье. Игралъ я Торопку въ „Аскольдовой могилѣ". Шелъ только одинъ третій актъ. И здѣсь въ этой роли я имѣлъ хорошій успѣхъ. Во второмъ дебютѣ исполнилъ роль Лидина въ опереткѣ-водевилѣ: „Женщина-лунатикъ" и потомъ въ фарсѣ: „Гамлетъ Сидорычъ". На этотъ разъ только въ фарсѣ принимали хорошо, а въ опереткѣ „Женщина-лунатикъ" пріемъ былъ посредственный. Роль Лидина была мнѣ не подъ силу, по неопытности, да къ тому же ее прежде исполнялъ любимецъ публики — Дорошенко. Только въ пѣніи имѣлъ передъ нимъ преимущество. Въ этой опереткѣ очень хороша была

Дубровинъ, Лебедевъ Ив., Монинъ — на разныя роли.

Кочевская, драматическая старуха.

Александра Ѳирсовна Розанова, первая актриса въ драмахъ, операхъ и водевиляхъ.

Елизавета Ѳирсовна Розанова 2-я, на роляхъ вторыхъ любовницъ.

Александра Антипьевна Дубровина, на роляхъ старухъ и свѣтскихъ дамъ.

Вильковская, — въ водевиляхъ, операхъ и въ малорос. пьесахъ.

Надежда Валент. Дорошенко, на роляхъ субретокъ и малорос. роляхъ.

Горская, на роляхъ молодыхъ дамъ.

Воробьева, на вторыхъ роляхъ старухъ.

Соколова, Надеждина, Златопольская, Петрова, Дубинина — актрисы-статистки и въ хору.

А. Ѳ. Розанова. Послѣ второго дебюта дирекція предложила мнѣ 700 руб. асс. и одинъ бенефисъ въ годъ. Условіе на три года. Конечно, я съ радостію на это согласился. Кравченко, по ходатайству Дорошенко, тоже игралъ, но не удачно: взялъ роли не по силамъ. Онъ не много послужилъ; вмѣстѣ съ Деклеромъ уѣхалъ въ Харьковъ къ Млатковскому, гдѣ сестра Кравченко была первой актрисой.

Репертуаръ Таганрогскаго театра былъ богатъ. Давали трагедіи, драмы,—даже Шекспира, кромѣ того: комедіи Мольера, Гоголя, Грибоѣдова и переводныя пьесы, а также оперы, оперетты, водевили, фарсы и интермедіи. Въ труппѣ были исполнители съ недюжиннымъ дарованіемъ, а главные персонажи такъ и съ очень большимъ талантомъ, какъ напримѣръ А. Ѳ. Розанова, Кочевская, Вильковская и Дубровина. Изъ мужчинъ особенно выдѣлялись: Кочевскій, Дорошенко, Вильковскій, Леоновъ и проч. Петровскій старикъ, несмотря на преклонные года, до сихъ поръ исполняетъ нѣкоторыя роли очень хорошо.

Вскорѣ, послѣ моего вступленія, часть труппы назначили въ отъѣздъ на ярмарку въ Ростовъ. Мнѣ очень хотѣлось попасть туда, но Флуки, для моего развитія, велѣлъ мнѣ посѣщать классы у учителя танцевъ Морица, и потомъ къ учителю музыки — Риссо. Конечно, это было хорошо, полезно для меня. Я, вѣдь, ни о танцахъ, ни о музыкальной премудрости никакого понятія не имѣлъ; всегда роли съ пѣніемъ разучивалъ подъ скрипку.

Досадно было смотрѣть мнѣ, когда отправляли нашихъ въ Ростовъ на пароходѣ. Ихъ сопровождала таганрогская молодежь. Какъ отчалилъ отъ пристани пароходъ, тотчасъ на палубѣ грянула музыка и начались танцы.

— Ну, что жъ! промолвилъ я, провожая ихъ глазами.— Веселитесь, други, а мы за васъ поскучаемъ.

Оставшаяся въ Таганрогѣ часть труппы почти бездѣйствовала. Изрѣдка, больше по праздникамъ, давали спектакли, да и то при малыхъ сборахъ. Уроки мои шли не очень-то успѣшно, особенно танцы, къ которымъ я совершенно не имѣлъ способности: точно медвѣдь ворочался со стуломъ. Морицъ бился, бился со мною и, потерявъ терпѣніе, отказался учить меня. Зато у Риссо дѣло шло лучше. Хотя и

тутъ эта мудреная наука давалась мнѣ туго. Въ это время Риссо сталъ писать оперу подъ названіемъ: „Альбомъ Обличитель“. Текстъ сочинили Э. О. Флуки и нашъ актеръ-поэтъ Константинъ Петровичъ Смирновъ. Въ этой оперѣ главными дѣйствующими лицами назначены: Розанова 1-я, Вильковская и я.

Въ свободное время любилъ я посѣщать пристань, любуясь, по цѣлымъ часамъ на корабли и на шумящее море Азовское. А частенько бывая съ товарищами въ гостиницѣ „Траторія“, подъ клубомъ, завелъ я знакомство съ моряками русскими и иноземными. Славный народъ моряки! честные, добрые, гостепріимные люди. Я очень полюбилъ ихъ. Днемъ, на пристани, всѣ они такъ бываютъ заняты, что перемолвить некогда; зато вечеромъ подъ клубомъ соберутся они въ дружескій кружокъ за большимъ столомъ и въ чаду табачнаго дыма ведутъ чудныя рѣчи о приключеніяхъ своихъ на моряхъ и въ далекихъ странахъ. Тутъ же довелось мнѣ услышать рѣдкій случай, который произошелъ въ самомъ Таганрогѣ. Давно жители города, особенно греки, хлопотали о построеніи хорошей гавани и мола и еще при этомъ просили о какихъ-то особенныхъ правахъ для ихъ торговли. Имъ все обѣщали и обѣщали... Когда по Россіи путешествовалъ Наслѣдникъ Цесаревичъ Александръ Николаевичъ, то, въ ожиданіи его пріѣзда въ Таганрогъ, греки изготовили ему просьбу. Надо же такому грѣху быть, что именно въ тотъ день, когда пріѣхалъ великій гость, напустилась отъ Донскихъ гирлъ такая буря, что всю воду Азовскаго залива угнала отъ Таганрога. Бѣдные изъ жителей барахтались по дну бывшаго моря, разыскивая добычу. Государь Наслѣдникъ, увидя такое явленіе, на поданную просьбу, смѣясь, отвѣтилъ:

— Да зачѣмъ вамъ пристань, когда воды нѣтъ!

Съ тѣхъ поръ, говорили, у грековъ таганрогскихъ стали носы еще длиннѣе... А одинъ матросъ, подъ клубомъ, громко произнесъ:

— По-дѣломъ грекосамъ Богъ послалъ такую бѣду; они поѣдомъ ѣдятъ русскихъ. И все нажитое ими богатство пріобрѣли отъ пота и крови нашихъ тружениковъ. Они вкупѣ

съ армяшками, не хуже жидовъ, оплетаютъ русскихъ! благо мы народъ-то податливый да довѣрчивый.

Послѣ отъѣзда труппы въ Ростовъ помѣстился я въ семействѣ Дорошенко. Жена его съ дѣтьми осталась въ Таганрогѣ. Дорошенко прислалъ намъ письмо, въ которомъ увѣдомлялъ, что дѣла по театру идутъ хорошо, и между другими свѣдѣніями и новостями извѣщалъ о предстоящей свадьбѣ Кости Смирнова съ А. А. Дубровиной. Посмѣялись мы этому извѣстію не мало. Дубровина и Костя! Да, вѣдь, онъ ей въ сыновья годится! Для такого случая я вдохновился и написалъ Смирнову посланіе въ стихахъ:

Здорово, мой любезный другъ,
Поэтъ, развалинъ обожатель!...
Счастливый будущій супругъ,
Сокровища преобладатель!
Такъ слышалъ я... Скажи, увѣрь —
Вѣрна ли та молва людская?
И если правда — то повѣрь,
Что мысль твоей мечты — гнилая!
Не сердись, — совѣтъ мой отъ души:
Подумай, разсуди и мнѣ все отпиши.
Я жду отвѣтъ
На мой привѣтъ.
Прощай голубчикъ, будь здоровъ.
Твой вѣрный другъ Иванъ Лавровъ.

Эти стишонки, по полученіи ихъ въ Ростовѣ, тотчасъ же пошли по рукамъ. Надъ влюбленной парочкой стали трунить и зубоскалить, пуще всѣхъ донималъ ихъ Дорошенко. Дѣло кончилось тѣмъ, что Смирновъ съ Дубровиной поссорились, и ужъ неизвѣстно, кто отъ кого отказался. А. А—на за стихи обозлилась на меня такъ, что даже принесла жалобу директору Цельнеру, отъ котораго я и получилъ хорошую головомойку.

Послѣ Ростовской ярмарки труппа воротилась въ Таганрогъ, а вскорѣ, при полномъ составѣ начались спектакли. Тутъ я воочію увидѣлъ, какъ хорошо шли большія пьесы. Кочевскій, какъ передавали мнѣ, бывши въ 40-хъ годахъ въ Одессѣ и Кіевѣ, съ успѣхомъ соперничалъ съ знаменитымъ актеромъ М. С. Щепкинымъ. И здѣсь роль Фамусова

(„Горе отъ ума“), городничаго („Ревизоръ“) и Кочкарева („Женитьба“) — онъ исполнилъ такъ, какъ я себѣ и представить не могъ. Кромѣ того, онъ и въ драмахъ и въ водевиляхъ былъ превосходенъ. Дорошенко тоже былъ превосходный актеръ на роляхъ повѣсъ, фатовъ и особенно въ малороссійскихъ пьесахъ, замѣчательно хорошо игралъ и во французскихъ мелодрамахъ („Записки демона“), а роль денщика Шельменко онъ исполнялъ неподражаемо. Изъ комиковъ выдавались Васильевъ Иванъ, Вильковскій и Горскій. Женскій персоналъ тоже былъ превосходенъ. Первенствующія изъ нихъ были: Розанова 1-я, Кочевская, Вильковская и Дубровина.

Въ началѣ зимняго сезона, наконецъ, была поставлена опера: „Альбомъ Обличитель“. Я игралъ роль влюбленнаго офицера. Музыка написана на италіанскій ладъ. Изучить ее намъ стоило не малаго труда. Однако мы ее все-таки осилили и пропѣли, какъ говорили, не дурно. Молодежь городская, при свиданіи нашемъ подъ клубомъ, высказала намъ лично, кто какъ исполнялъ. Вообще ихъ сужденія были вѣрны и полезны. О пьесѣ сказали, что она неудовлетворительна текстомъ, да и музыка выкрадена изъ оперъ Беллини, съ которымъ Риссо въ молодости учился въ одной музыкальной школѣ. Похвалили только исполненіе Розановой и Вильковской. И это справедливо. Но несмотря на сказанные недостатки, пьеса эта шла довольно часто и публикѣ нравилась.

(1848 годъ.)

Въ этомъ году присоединилась къ нашей труппѣ Елизавета Павловна Полтавцева. Въ первомъ своемъ дебютѣ она, между прочимъ, танцовала „качучу“ и очень понравилась, особенно грекамъ. Да и по правдѣ — она такъ граціозна, такъ хороша собою. Вслѣдъ за нею пріѣхали Иванъ Лебедевъ — на роли молодыхъ комиковъ, и драматическій актеръ Павелъ Щегловъ. Этотъ послѣдній изъявилъ было желаніе дебютировать ролью Альберика въ драмѣ „Чума въ Миланѣ“, но пьеса эта оказалась запрещенной княземъ Ливеномъ потому, что здѣсь, еще до меня, эту роль игралъ Василій Мелентьевичъ Лебедевъ и, какъ сказывали, такой навелъ страхъ и панику, что многіе изъ зрителей, особенно дамы, испуганныя дѣйствіемъ пьесы, не дожидаясь конца драмы, уѣхали изъ театра. Щег-

ловъ поэтому игралъ въ драмѣ „Отецъ и дочь" роль Доверстона. До второго дебюта онъ не добрался: его за буйство и пьянство выслали изъ города.

На это лѣто всю труппу отправили въ Ростовъ. На первыхъ представленіяхъ я по болѣзни не былъ. Послѣ мнѣ разсказывали, какой скандалъ случился тамъ при открытіи театра. Давали „Ревизора". Кажется, пьеса эта шла здѣсь еще въ первый разъ... Публики былъ полонъ театръ. Городничій Ростова, какъ на грѣхъ, имѣлъ тоже двойную фамилію, въ родѣ Сквозника-Дмухановскаго. При первыхъ сценахъ начало его коробить; сталъ онъ озираться на публику, которая грохотала, взглядывая на своего городничаго, ихъ утѣснителя. Едва кончился первый актъ, какъ онъ взбѣжалъ на сцену и началъ ругаться и кричать:

— Какъ смѣли вы написать и представлять публично такой пасквиль на начальство?!...

На сценѣ всѣ стояли въ недоумѣніи. Дорошенко вѣжливо, но съ лукавою улыбкой, объяснилъ ему, что пьеса эта написана извѣстнымъ писателемъ Гоголемъ и что ее представляютъ и въ столицахъ. Въ доказательство показалъ ему печатную книгу.

— Врете!... Не можетъ быть, чтобы дозволили такое неприличное глумленье!... Я запрещаю продолжать! Играйте, что-нибудь другое!... кричалъ во все горло озлобленный начальникъ города.

— Но это нельзя, полковникъ!... возразилъ Дорошенко.

— Не позволю, не позволю!... Въ тюрьму васъ всѣхъ упрячу!... оралъ городничій.

Смятеніе поднялось, какъ на сценѣ, такъ и въ зрительной залѣ. Въ это время вдругъ заслышался звонъ колокольчика, который все ближе и ближе приближался къ театру и у крыльца, ведущаго на сцену, смолкъ. Смотрятъ — входитъ директоръ Акимъ Адамычъ Цельнеръ. Онъ и такъ-то былъ человѣкъ горячій, а тутъ, какъ Дорошенко объяснилъ ему всю эту исторію, — не взвидѣлъ онъ свѣта... Кинулся на городничаго съ палкой и, выгнавъ его вонъ со сцены, крикнулъ вслѣдъ:

— Бурбонъ!... Безграмотная скотина!... Видно знаетъ кошка чье мясо съѣла...

Что было послѣ этого съ актерами и публикой, сказать невозможно!... Всѣ огульно какъ заорутъ: го! го! го!... Смѣхъ такой поднялся — насилу унялись. Вся полиція съ своимъ начальникомъ изчезла моментально. Остальныя дѣйствія прошли съ необычайнымъ успѣхомъ. По окончаніи спектакля отъ публики прислана была великая благодарность; при этомъ просили давать эту прекрасную пьесу почаще. Оскорбленный начальникъ города послалъ губернатору жалобу. Но и тутъ его постигла неудача: изъ Екатеринослава прислали ему выговоръ и затѣмъ удалили изъ Ростова.

Дѣла по театру шли превосходно. Въ то же время и въ Новочеркасскѣ находилась труппа подъ управленіемъ извѣстнаго суфлера Иконова и парикмахера Ѳедорова. Они пріѣзжали къ намъ въ Ростовъ, чтобы познакомиться и посмотрѣть, какъ идутъ спектакли. Иконовъ очень меня упрашивалъ поступить къ нимъ; я имъ былъ необходимъ по той причинѣ, что у нихъ имѣлись молоденькія актрисы съ голосами, стало-быть можно со мною ставить оперетки, а актера съ голосомъ у нихъ не было. Но я не могъ согласиться, имѣя условіе.

Послѣ ярмарки ростовской дирекціей данъ былъ приказъ отправить всю труппу въ Бахмутъ на Петропавловскую ярмарку. Около половины іюня выѣхали мы туда. Караванъ составился громадный. Тутъ везли, кромѣ театральнаго состава актеровъ и актрисъ и музыкантовъ, — рабочихъ, служащихъ, везли и разное театральное имущество, какъ-то: декораціи, костюмы и даже мебель. Надобно сказать — въ то время винные откупа имѣли водку плохую и драли за нее немилосердно дорого, а въ Бахмутскомъ уѣздѣ существовала вольная продажа знаменитой малороссійской горилки. Въ виду этого наши пропойцы сгорали отъ нетерпѣнія поскорѣе увидѣть блаженную сторонку. А. А. Цельнеръ, однакожъ, зная нашу слабость, предусмотрѣлъ эту штуку. Онъ распорядился такъ, чтобы стоянки наши были не въ хуторахъ и селахъ, а въ отдаленіи отъ нихъ. И раскинулся же нашъ обозъ, пожалуй, на полверсты будетъ! На становищахъ нашъ караванъ походилъ на таборъ цыганскій. Шумъ, гамъ, брань,

смѣхъ, пѣніе — все это стономъ стояло въ воздухѣ, въ особенности, когда сойдутся къ намъ хохлы и хохлушки для продажи провизіи и горилки. Тутъ пропойцамъ просто удержу не было! Горилка-то дешовая: кувшинъ изрядный, около штофа, продавали копеекъ по 40 и 50 асс. Изъ женскаго персонала только А. А. Дубровина намъ сочувствовала, а всѣ другія бранили не мало. Да и въ самомъ дѣлѣ — имъ съ нами куда какъ было безпокойно.

Бахмутъ.

Въ Бахмутъ пріѣхали мы однако благополучно. Но, Боже мой!... Въ какомъ ужасномъ помѣщеніи приходилось давать представленія! Это былъ сарай, обмазанный глиною, гдѣ прежде ставили скотъ для продажи, или клали шерсть во время ярмарки, а теперь обратили въ храмъ искусства!.. Но что жъ дѣлать! По нуждѣ чего не бываетъ, да намъ и не въ диковинку. Приступили мы къ дѣлу. Въ короткое время все было устроено, и спектакли начались. Публика была хотя и степнякъ, но однако раскусила, что труппа-то не дурна. Съ каждымъ днемъ сборы увеличивались все больше и больше. Директоръ нашъ А. А. Цельнеръ потиралъ руки отъ удовольствія. Репертуаръ шелъ разнообразный: давали драмы съ ужасами, комедіи, водевили, а больше малороссійскія пьесы и дивертисменты. Въ одномъ изъ спектаклей утѣшилъ и насмѣшилъ всю труппу актеръ Выходцевъ. Хотя талантъ имѣлъ онъ дюжинный, но о себѣ очень много думалъ. Пожаловался онъ директору, что ему не даютъ ни одной хорошей роли. А. А. приказалъ дать. Назначили пьесу: „Хороша и дурна", въ которой онъ игралъ кума-судью. Съ перваго выхода долженъ онъ пѣть довольно большой куплетъ:

«Здравствуй, кумъ ты мой любезный!
Здравствуй, кумушка моя!...» и проч.

И, Боже мой! чего только Выходцевъ не нагородилъ въ этомъ куплетѣ!... И дѣтей-то мѣряютъ аршинами, и на аршины-то ихъ продаютъ!... и такъ дальше несъ все гиль несообразную. Участвующіе на сценѣ такъ и фыркнули... За кулисами тоже поднялся неудержимый смѣхъ... А публика даже

и не смѣялась, а только смотрѣла и слушала его въ недоумѣніи. И такъ всю роль провелъ онъ безсмысленно, все переврал и, конечно, ушелъ со сцены съ шикомъ... Послѣ спектакля я Выходцеву и говорю:

— Вотъ видишь, Выходцевъ, другихъ за такое исполненіе штрафуютъ, а тебѣ за вранье твое неужели ничего не будетъ отъ дирекціи? Тогда, гдѣ же справедливость?... А Дорошенко прибавилъ: „По-моему, тебя бы, Выходцевъ, слѣдовало выдрать!“ Ужъ и донимали же Выходцева актерики, особенно зубоскалы: Дорошенко и Сеня Леоновъ.

Плохъ театръ, ну, а жилище наше еще хуже. Двухэтажный домишка такъ былъ ветхъ, что того и гляди рухнетъ. Наверху помѣщались семейные, а внизу: Монинъ, Сидоровъ, Декельшъ, Лавровъ, Леоновъ, Смирновъ и Монетти. Полъ въ комнатахъ такой, что надо было ходить умѣючи, осторожно. Вмѣсто кроватей устроили нары на обрубкахъ; для сидѣнья сдѣлали изъ досокъ нѣчто въ родѣ скамеекъ; вмѣсто гардероба и комода служила намъ протянутая веревка, на которую и развѣсили свое платье. Такимъ вотъ побытомъ и проживали мы въ Бахмутской ярмаркѣ. А все жилось хорошо, дружно, весело! Послѣ десяти или двѣнадцати спектаклей снова тою же дорогой воротились обратно въ Ростовъ.

Ростовъ на Дону.

(1848 годъ.)

Еще въ концѣ іюня ходили слухи, что по взморью и на Дону стали умирать люди отъ какой-то лихой немощи. Сначала мы не очень довѣряли этимъ росказнямъ, но скоро пришлось убѣдиться. Въ Ростовѣ много умирало народу на пристани. Скоро объяснилось, что это пожаловала ужасная гостья — холера! Отъ простонародья она метнулась и къ городскимъ жителямъ; заглянула и въ нашу труппу. Смятенье и ужасъ обуялъ всѣхъ. Изъ музыкантовъ нашихъ, кромѣ умершихъ, хворало еще двое. Одинъ изъ нихъ, водевильный дирижеръ-пропоица Максимовскій, досталъ у хозяйки льду, и ну его кусочками глотать. Ему ужъ очень нутро жгло. Другой больной товарищъ за это все бранилъ его.

— Что ты дѣлаешь, Максимовскій? Вѣдь застудишься — хуже будетъ.

А тотъ ему отвѣтилъ:

— Не будетъ хуже!... Я и тебѣ совѣтовалъ бы сдѣлать то же.

— Ну, смотри! умрешь!...

— Не бойся — не умру. А ты вотъ скорѣе окочуришься... Ишь босикомъ-то все выходишь на сырость! отвѣтилъ Максимовскій. Утромъ и впрямь: Максимовскій поправился, а тотъ подъ утро Богу душу отдалъ.

По окончаніи ярмарки труппа наша воротилась въ Таганрогъ. Тутъ тоже гостила холера, но не такая сильная, какъ въ Ростовѣ.

Новочеркасскъ.

(1848 годъ.)

Осенью изъ Новочеркасска пріѣхалъ Иконовъ, и именно за мною. Онъ сильно уговаривалъ меня поступить въ ихъ труппу на лучшихъ условіяхъ, чѣмъ здѣсь. Хотя мнѣ самому этого желалось, но я боялся гнѣва Цельнера, и притомъ не хотѣлось огорчить Флуки. Но въ это дѣло вмѣшался Дорошенко. Присовѣтовалъ онъ Иконову хорошенько угостить меня и увезти. Такіе случаи въ провинціи бывали нерѣдко. Иконовъ и употчевалъ меня, да такъ, что я очнулся только въ Ростовѣ. Придя въ себя, тотчасъ же сообразилъ, что дѣло скверное я сотворилъ. Сталъ я упрекать похитителя и высказалъ желаніе воротиться. Но Иконовъ улестилъ и снова подпоилъ такъ, что я опомнился уже въ Новочеркасскѣ.

„Ну, что будетъ, то и будетъ!...“ подумалъ я. „Такъ и быть! Погощу, посмотрю. А тамъ, если что не ладно — уѣду въ Таганрогъ. Силкомъ не станутъ же меня удерживать!“

Утромъ въ театрѣ познакомился я съ актерами и актрисами. Отсюда Ѳедоровъ пригласилъ меня и другихъ къ себѣ на обѣдъ и вечеринку. Въ квартирѣ его жила актриса Громова съ двумя дочерьми, молоденькими и хорошенькими собою. Одна изъ нихъ мнѣ очень понравилась. Вечеромъ составились игры, танцы и пѣніе. При прощаньи Иконовъ намекнулъ мнѣ:

— Ты, другъ, Ванюша, я вижу, дюже льнешь къ старшей дѣвицѣ Громовой... Ну, да и она-то, кажется, къ тебѣ не-

равнодушна... а?... Ужъ не сдѣлаться ли мнѣ вашимъ сватомъ?...

Я ничего ему не отвѣтилъ, а только сильно покраснѣлъ. И такъ-то послѣ этого пошло мнѣ житье самое развеселое! объ Таганрогѣ и позабылъ совсѣмъ. Вскорѣ начали репетировать пьесы съ пѣніемъ, какъ-то: „Анютины глазки", „Кетли" и „Любовное зелье"— и все это шло какъ по маслу. Но вотъ въ одно утро, во время репетиціи, является на сцену таганрогскій режиссеръ Горскій и съ нимъ жандармъ. Я такъ и обомлѣлъ при видѣ ихъ. Горскій подошелъ ко мнѣ съ бумагою въ рукѣ и сказалъ:

— Вотъ предписаніе свѣтлѣйшаго князя Ливена взять васъ Лавровъ и представить въ Таганрогскую дирекцію.

Иконовъ бросился къ атаману войска Донского съ просьбою о защитѣ и покровительствѣ въ этомъ дѣлѣ. Но атаманъ, когда узналъ, что я бѣглецъ, да еще и безъ вида — отказалъ въ своемъ содѣйствіи. Такъ меня, голубчика, раба Божія и забрали. Вся труппа и особенно дѣвица Громова проводили меня съ большимъ сожалѣніемъ.

Привезли меня обратно въ Таганрогъ. По улицѣ ѣду это я въ телѣгѣ, сидя между Горскимъ и жандармами, а знакомые изъ молодежи кланяются, приговаривая:

— Ага!.. Бѣглецъ, дезертиръ — здравствуй!

Совѣстно и стыдно мнѣ было,

И задалъ же мнѣ гонку А. А. Цельнеръ. Обидно мнѣ стало его грубое солдатское обращеніе,— я самъ возразилъ ему довольно рѣзко. За такую храбрость меня любезнаго, какъ супротивника власти, князь Ливенъ приказалъ засадить на гауптвахту.

— Хотите со мной итти, или сами явитесь подъ арестъ? — спросилъ меня жандармъ.

— Нѣтъ ужъ, позвольте, я лучше это предписаніе доставлю лично,— печально отвѣтилъ я.

Вся труппа и даже любители театра выразили мнѣ сожалѣніе; товарищи проводили на гауптвахту. Тамъ дежурный офицеръ встрѣтилъ меня довольно сурово. Тутъ же подъ арестомъ находились кавказскіе юнкера и офицеры; всѣ они обошлись со мною дружелюбно и ласково.

Въ первую же ночь мы, вкупѣ, кутнули-таки изрядно, да и день-то проводили въ пропойствѣ и картежной игрѣ.

На другой день наши актрисы прислали мнѣ пироговъ, вина и фруктовъ. Жить стало и тутъ не худо. Офицера-бурбона смѣнилъ баронъ Фитингофъ.

— За что это, Лавровъ, васъ сюда запрятали? спросилъ онъ.

— Ахъ, баронъ!... А. А. Цельнеръ на меня осерчалъ, ну, и засадилъ.

— Экой суровый человѣкъ!... Если хотите, ступайте погуляйте ночку; только, смотрите, утромъ къ сроку явитесь непремѣнно.

— Благодарю васъ, баронъ.

Конечно, я воспользовался позволеніемъ. На третій день, по ходатайству Флуки, меня выпустили изъ подъ ареста. Цельнеръ, чтобы загладить свою суровость, выдалъ мнѣ въ счетъ бенефиса деньги, которыя я прежде просилъ — и все-то отсчиталъ онъ мнѣ золотыми монетами. При этомъ, сдѣлавъ легкій выговоръ, предложилъ сыграть изъ репертуара Дорошенко желаемую мною роль Губкина изъ пьесы „Продолженіе студента-артиста-хориста и афериста". За все это я отъ души его поблагодарилъ. Роль Губкина я очень скоро приготовилъ и сыгралъ успѣшно. Дорошенко за это на меня сильно обозлился.

Во время этого сезона въ Таганрогъ понаѣхало много актеровъ. Только немногіе изъ нихъ остались въ дирекціи. Приглашенъ былъ Владиміръ Копыловъ на роли молодыхъ людей. За нимъ вслѣдъ прибылъ, наконецъ, ожидаемый мною изъ Тамбова, мой другъ и товарищъ, Дмитрій Пахомычъ Волковъ. Съ нимъ я поставилъ въ свой бенефисъ первое дѣйствіе изъ оперы „Цампа" Герольда*). Актеровъ для пѣнія было такъ мало, что я принужденъ былъ играть двѣ роли: Альфонса и Даніила. Хоръ составленъ былъ изъ пѣвчихъ съ соединеніемъ и своихъ. Пьеса эта, при содѣйствіи Э. О. Флуки, была обставлена хорошо и прошла съ большимъ успѣхомъ. Здѣшней публикѣ всегда нравились пьесы музыкальныя. Отъ этого спектакля я имѣлъ сбора болѣе тысячи руб. асс.

Осенью пріѣхалъ къ намъ изъ Одессы артистъ Импера-

---

*) Въ „Цампѣ" играли роли: Цампу — Волковъ, Альфонса — Лавровъ, Камилла — Розанова, Ритту — Вильковская, Даніила — Лавровъ, Дандоло — Вильковскій.

торскихъ Московскихъ театровъ Корнелій Николаевичъ Полтавцевъ. При его участіи стали давать большія драмы и трагедіи. Публикѣ и намъ всѣмъ онъ очень понравился. Онъ имѣлъ звучный голосъ, хорошую дикцію и много энергіи. Для К. Н. Полтавцева дирекція принуждена была измѣнить свои правила и согласиться на предложенныя Полтавцевымъ условія. Ему дали 2000 руб. ассигн. и два бенефиса въ годъ. Старые актеры и актрисы за это очень возроптали. Но какъ условія у нихъ были уже подѣланы въ началѣ сезона, то ихъ жалобы и оставили безъ вниманія. И въ жизни, среди товарищей, К. Н. оказался человѣкомъ добрымъ, честнымъ. Одного только Дорошенко онъ не долюбливалъ. Я съ нимъ скоро сошелся, и мы сдѣлались друзьями.

(1849 годъ.)

Передъ масленицей пріѣхалъ Николай Хрисанфовичъ Рыбаковъ, провинціальная знаменитость. Дирекція, конечно, была рада, да и мы съ большимъ любопытствомъ ожидали его дебютовъ. Только Леоновъ да Корнелій Полтавцевъ были недовольны, да оно и не мудрено: Н. Х. былъ имъ опасный соперникъ. И въ самомъ дѣлѣ Рыбаковъ оправдалъ всѣ ожиданія. Превосходное исполненіе ролей — Ляпунова („Скопинъ-Шуйскій“), Гамлета, Жоржа („Жизнь игрока“) и др. — поразило какъ публику, такъ и насъ всѣхъ. Дирекція условилась съ нимъ до поста по 100 руб. ассигн. за спектакль; а послѣ уже пригласила на годъ. Н. Х. Рыбаковъ согласился остаться, но только съ тѣмъ, чтобы и жену его приняли на службу. Дирекція исполнила всѣ его требованія. Хотя А. А. Цельнеръ и скрылъ отъ всѣхъ, за сколько приглашенъ Н. Х., но актерики все-таки узнали. Это сильно возмутило играющихъ первыя роли. Вслѣдствіе такого переворота въ условіяхъ, пошли раздоры и несогласія. Полтавцевъ отказался служить и одинъ, безъ жены, уѣхалъ въ Воронежъ. И дирекція, видя, что такой большой составъ ей держать не подъ силу, разсудила нѣкоторыхъ лицъ уволить. По этому случаю Горскій снялъ театръ въ Бердянскѣ, куда и увезъ съ собою свою жену, Волкова, И. Лебедева, Бушено, Воробьеву и другихъ.

Еще до пріѣзда Н. Х. Рыбакова, знающіе его, актеры говорили, что онъ большой кутила и даже иногда пивалъ за-

поемъ, но съ первыхъ дней его пріѣзда въ Таганрогъ и до послѣдняго спектакля мы этого не замѣчали. Но вотъ, въ прощальный день, по окончаніи послѣдняго представленія, собралось насъ нѣсколько товарищей, чтобы вечеръ провести въ дружеской бесѣдѣ. Н. Х. тоже присоединился къ намъ. Пришли мы въ знакомый погребокъ и спросили: кто чихиря, кто бакшатскаго или сантуринскаго, а кто вечеринскаго (греческія вина). Рыбаковъ сначала все отказывался, а потомъ какъ крикнетъ:

— А ну, чортовы дѣти, соблазнили вы меня!... Ну-ка, дайте-ка сантуринскаго! Давно я его не пивалъ!

И пошелъ, и пошелъ испивать, да такъ накатился, что я принужденъ былъ снести его къ себѣ на ночлегъ. Еще, спасибо, близко жилъ, а то бы этакую махину подальше-то и не дотащилъ. Съ этого вечера и пошелъ нашъ Н. Х. пить да такъ, что и удержу не было! Спасибо, жена его скоро пріѣхала — ну, и уняла.

Вотъ еще разсказывали о немъ: когда-то Н. Х. игралъ въ Тамбовѣ. Исполняя роль Гамлета, онъ, съ почитателями его таланта, къ концу спектакля такъ хлебнулъ, что не раздѣваясь такъ и ушелъ. Вотъ только идетъ онъ обратно съ пирушки къ театру, да какъ-то оступился и упалъ въ канаву. На крикъ его подходитъ будочникъ и спрашиваетъ:

— Кто тутъ буянитъ?

— Дуракъ!... зычнымъ голосомъ отвѣтилъ Рыбаковъ: Развѣ не видишь — принцъ Гамлетъ передъ тобой!...

Спасибо, тутъ случился квартальный, который его узналъ. Ну, конечно, распорядился онъ вытащить принца изъ грязной канавы и доставить въ театръ.

А то еще вотъ что разсказывалъ намъ самъ Н. Х.:

— Служилъ я тогда въ труппѣ Зелинскаго и Млатковскаго. Составъ у нихъ былъ такъ великъ, что постоянно дѣлился на двѣ и на три части, которыя и посылались по разнымъ городамъ и ярмаркамъ. Вотъ, однажды, Млатковскій, отдѣливъ составъ побольше, назначилъ его въ отъѣздъ въ Николаевъ или Одессу, не помню хорошенько. Вотъ хорошо! Ѣдемъ это мы большимъ караваномъ, и коли гдѣ дорогой попадется вольный шинокъ — ну, тутъ и стой! Никакая сила насъ не сдвинетъ съ мѣста. А впереди, сказываютъ, пойдутъ

заставы, и такого приволья, насчетъ горилки, не будетъ; тамъ вишь сторожатъ откупные кордоны, мимо которыхъ уже нельзя провезти съ собой.

— „Врутъ канальи!“ говорю: „Провезу!... Никто Н. Х. Рыбакову супротивничать не смѣетъ!... Меня самъ Государь Николай Павловичъ лично знаетъ!...“

— Гдѣ же это вы съ нимъ познакомились? смиренно, но лукаво вопрошаетъ Дорошенко.

— Дураки!... Гдѣ познакомился?... Да развѣ онъ мало видѣлъ меня на сценѣ?... А потомъ, въ бытность мою въ Севастополѣ, одинъ разъ пошелъ я купаться. Тамъ была особая купальня для высокихъ лицъ. Ну, конечно, какъ меня всѣ знали и любили, то безъ всякаго затрудненія и дозволяли ходить въ эту купальню. Въ это же время въ Севастополѣ изволилъ пребывать Государь Николай Павловичъ. Вотъ хорошо! Купаюсь я себѣ; вдругъ входитъ, какъ мнѣ показалось сначала, генералъ величественнаго вида... Я было изъ вѣжливости хотѣлъ выйти изъ воды, какъ слышу:

— „А!... Николай Хрисанфычъ!... Здорово, братецъ!... какъ поживаешь?“

Какъ глянулъ я, такъ и вздрогнулъ, — это былъ самъ Государь! — „Извините“ говорю, „ваше величество... не зналъ, что вы изволите пожаловать сюда...“

— „Ничего, братецъ, ничего! Не пужайся!“ отвѣтилъ Государь. — Ну, тутъ мы съ нимъ кое-что о политикѣ потолковали. Такъ вотъ какъ я съ нимъ познакомился.

При этомъ разсказѣ Дорошенко такую состроилъ рожу, что мы всѣ такъ и разразились смѣхомъ.

— Ну, вотъ, черти! дурачье! Вы думаете — я вру?

— Нѣтъ, нѣтъ, Николай Хрисанфовичъ, мы вѣримъ! Это такъ разсмѣялись надъ дурачествомъ Вячеслава... Пожалуйста, продолжайте!

— Да на чемъ я остановился передъ этимъ?... не помню.

— А какъ вы въ шинокъ-то зашли, когда ѣхали съ труппой Млатковскаго.

— Ну, да, да — такъ!... Зашли въ шинокъ, выпили знатной горилки и захватили съ собою малую толику. Только ѣду, это, я впереди всѣхъ, смотрю — застава, возлѣ которой стоитъ хохолъ у опущеннаго шлагбаума. Я кричу ему: „Хохолъ, подвысь!“

— „Ни! Не можно!“ отвѣтилъ онъ. „Кажите видъ, щобъ можно робіть — кто ѣде?“

— „А!... Тебѣ видъ? Хорошо!... Поди получай и смиряйся!“ При этомъ вынимаю афишу „Скопина-Шуйскаго“ и отдаю ему. Долго хохолъ разбиралъ и все глаза таращилъ. Вдругъ онъ съ испугомъ снялъ шапку, торопливо выпустилъ цѣпь и, кланяясь униженно, проговорилъ:

— „Проізжайте, ваше сіятельство, будьте ласковы, ізжайте собі съ Богомъ“.

— „А!... то-то, хохолъ!... Видишь, какіе мы ѣдемъ! Вотъ тебѣ на горилку!...“ Дуракъ! Онъ думалъ, что ѣдутъ князья да бояре, что значились въ афишѣ.

Вообще Н. Х. при розсказняхъ своихъ имѣлъ привычку прикрасить ихъ небылицами. Бывало Дорошенко, при такихъ бесѣдахъ, тотчасъ же побѣжитъ за кулисы и начнетъ звонить въ колоколъ. Это ужъ и всѣ знали, что Н. Х. сильно завирается. Чудакъ, право! а добрякъ человѣкъ, хорошій товарищъ, — бѣднымъ актерамъ при нуждѣ не отказывалъ въ помощи. Кромѣ игранныхъ имъ превосходно драматическихъ ролей, онъ очень оригинально и хорошо исполнялъ и комическія роли, какъ напримѣръ: Яичницу („Женитьба“) и Землянику („Ревизоръ“). Артистъ съ огромнымъ талантомъ!

Еще прибылъ въ Таганрогъ, тоже извѣстный въ провинціи, драматическій актеръ Димитрій Андреевичъ Горевъ. Дебюты его не состоялись потому, что его вскорѣ по пріѣздѣ, ночью, схватила полиція и упрятала въ холодную кутузку, гдѣ безъ пищи и питья продержали его двое сутокъ. Бѣднягу, по ошибкѣ сыщиковъ, приняли за какого-то заговорщика-француза или поляка. Съ большимъ трудомъ и сомнѣніемъ отпустили его, да и то болѣе потому, что онъ сильно заболѣлъ, да и труппа вся засвидѣтельствовала лично, что это не кто иной, какъ актеръ Горевъ. Изъ кутузки отвезли его прямо въ больницу, гдѣ онъ едва не умеръ отъ горячки. По выздоровленіи, дирекція однакожъ его не приняла для дебютовъ, какъ человѣка заподозрѣннаго. Сдѣлали мы складчину и отправили Горева въ Керчъ съ знакомымъ шкиперомъ. А жаль! Говорили, что онъ актеръ умный и съ большимъ дарованіемъ, но только пропойца большой и всегда вездѣ проживаетъ безъ паспорта.

1850 годъ.

Въ февралѣ этого года женился я на младшей Розановой, Елизаветѣ Фирсовнѣ. Къ несчастью, дирекція внезапно, не предувѣдомивъ насъ, рѣшила прекратить свое существованіе и распустить всю труппу. Такая неожиданная бѣда пала на насъ, какъ снѣгъ на голову. Поползли всѣ мы изъ Таганрога, какъ раки, въ разныя стороны. А. Ѳ. Розанова и Иванъ Васильевъ съ женою по приглашенію поѣхали въ Воронежъ. Пустился за ними и я съ молодой женой. Денегъ у меня было мало, едва хватало на дорогу, а я еще не зналъ, какая участь ждетъ меня въ Воронежѣ. Впрочемъ, тамъ Полтавцевъ; авось, по дружбѣ, поддержитъ и выручитъ.

Воронежъ.

К. Н. Полтавцевъ принялъ меня съ женою ласково, сердечно, съ согласія своей жены помѣстилъ насъ въ своей квартирѣ. Труппа здѣсь составилась настолько большая, что насъ, пріѣзжихъ, нѣсколько человѣкъ остались за штатомъ. Театру здѣшнему покровительствовалъ губернаторъ Ланге, директоромъ состоялъ полицеймейстеръ Ѳедоръ Леонтьевичъ Колиньи. На всѣ ходатайства и просьбы Полтавцева обо мнѣ, Колиньи отвѣтилъ отказомъ, на томъ основаніи, что труппа черезчуръ переполнена, но обѣщалъ впослѣдствіи, послѣ Острогожской ярмарки, помѣстить меня. Но до этого что дѣлать и чѣмъ проживаться? Нѣтъ, надо куда-нибудь ѣхать! Заложивъ, что можно, и призанявъ у сестры, отправился я въ Харьковъ. Это было въ началѣ мая. Погода стояла хорошая. Ѣхавши на перекладныхъ, дорогой я все утѣшалъ себя надеждою, что вотъ буду тамъ играть, сдѣлаю успѣхъ и возьму хорошее жалованье да, пожалуй, два бенефиса.

Харьковъ.

Увы! надежды мои разбились въ прахъ. Пріѣхавши въ Харьковъ и остановясь въ гостиницѣ, я прочелъ афишу: „По окончаніи спектаклей италіанской оперы начнутся драматическія представленія съ участіемъ Василія Васильевича и Надежды Васильевны Самойловыхъ“.

— Вотъ-те и разъ!... съ присвистомъ сказалъ я. Куда ужъ мнѣ соваться съ своими дебютами! Въ этотъ же день свидѣлся я съ актеромъ Барсовымъ, къ которому я имѣлъ письмо отъ Полтавцева. У него я встрѣтилъ Н. Х. Рыбакова и здѣшняго знаменитаго комика Соленика. Соленикъ былъ и прежде мнѣ извѣстенъ, какъ первоклассный актеръ на комическія и особенно малороссійскія роли. Оба они объяснили мнѣ, что до отъѣзда Самойловыхъ изъ Харькова директоръ Піотровскій (инженеръ) всѣмъ новичкамъ и пріѣзжимъ отказалъ въ дебютахъ. Ужъ если такой актеръ, какъ Рыбаковъ, принужденъ ждать, такъ мнѣ и думать нечего! Тутъ же сговорились мы съ Н. Х. поѣхать въ Полтаву на нѣсколько спектаклей. Тамъ былъ хотя не надежный на расплату антрепренеръ Ив. Ив. Пилони, но все-таки, если удадутся сборы, можно что-нибудь заработать.

Полтава.

Пріѣхавъ въ Полтаву, мы и тутъ встрѣтили такую же помѣху. На дверяхъ театра афиша гласила: „Проѣздомъ въ Одессу, артисты Императорскихъ Московскихъ театровъ Михаилъ Семеновичъ Щепкинъ и Василій Игнатьевичъ Живокини будутъ играть нѣсколько спектаклей“.

— Тьфу! Чортъ васъ побери!... загремѣлъ Рыбаковъ. Куда ни сунься, вездѣ наткнешься на эту столичную саранчу!... Экое, братъ Иванъ, какое намъ съ тобою каторжное счастье!...

— Что жъ дѣлать, Н. Х.! надо вооружиться терпѣніемъ,— печально отвѣтилъ я.

А между тѣмъ, несмотря на такую неудачу, я въ душѣ былъ очень доволенъ тѣмъ, что увижу такихъ знаменитыхъ артистовъ. И вправду, я ими былъ утѣшенъ, восхищенъ! По исполненію ими ролей: М. С. Щепкинымъ — городничаго въ „Ревизорѣ“ и Кочкарева въ „Женитьбѣ“, потомъ — В. И. Живокини въ пьесахъ: „Левъ Гурычъ Синичкинъ“ и „Стряпчій подъ столомъ“, я могъ убѣдиться и оцѣнить всю силу ихъ несравненныхъ талантовъ. Игра ихъ вознаградила меня за всѣ перенесенныя мною невзгоды. Н. Х. Рыбаковъ меня имъ представилъ, но они едва ли обратили хоть какое-нибудь вниманіе на малоизвѣстнаго провинціала.

Послѣ отъѣзда московскихъ гостей, Пилони пригласилъ

насъ на три спектакля, съ платою: Рыбакову 50 руб., а мнѣ 20 руб. асс. за спектакль. Театръ самаго непригляднаго вида и устройства находился въ городскомъ саду. Декораціи, костюмы и вся вообще обстановка успѣшно могли бы поспорить съ Астраханскимъ театромъ. Къ этому удовольствію еще и братія-актерики были сильно порваны и обезсапожены. Только Зубовичъ да Дрейсихъ были люди денежные. Насчетъ жалованья — такъ нѣкоторые и позабыли какъ его получаютъ. Даже теперь, послѣ отъѣзда московскихъ гостей, отъ порядочныхъ сборовъ, и то они едва могли вымолить у Пилони по нѣскольку рублей. „Это скверно!“ подумалъ я, идучи съ первой своей репетиціи. И что за народъ чудно́й въ труппѣ! все больше малороссы, такъ и жарятъ своимъ говоромъ. Особенно смѣшно ихъ было слышать въ переводныхъ французскихъ пьесахъ, какъ напр. „Записки демона“. Вмѣсто словъ: „Ага! вотъ какъ!...“ они выговариваютъ: „Эге!... ось какъ!...“ И это такъ объясняется какой-нибудь баронъ или маркизъ. Потѣшили они насъ съ Николаемъ Хрисанфовичемъ. Послѣ трехъ спектаклей, Пилони объявилъ, что онъ съ своей труппой скоро отправится въ Кременчугъ; приглашалъ и насъ туда же, но мы отказались. Рыбакову, кстати, пришло письмо съ извѣстіемъ объ отъѣздѣ Самойловыхъ изъ Харькова, и требовали поскорѣе ѣхать туда. Онъ тотчасъ же, сыскавъ попутчика, уѣхалъ. Послѣ него я съ большимъ трудомъ и непріятностями могъ получить съ Пилони вмѣсто трехъ только за два спектакля. Да и Рыбаковъ за это же разбранился съ кулакомъ-антрепренеромъ. Вскорѣ съ труппой уѣхалъ изъ Полтавы и Пилони, остался лишь я одинъ, какъ сирота. Что дѣлать? какъ теперь быть? куда пуститься? вотъ вопросы, которые я задавалъ себѣ. Тутъ вспомнилъ я, что, по пріѣздѣ въ Полтаву, на всякій случай, послалъ письмо въ Кіевъ къ Рыкановскому съ предложеніемъ своихъ услугъ. Денька черезъ два или три, послѣ отъѣзда труппы, я получилъ изъ Кіева отвѣтъ. Антрепренеръ Рыкановскій писалъ, чтобы я на свой счетъ пріѣзжалъ къ нему, а потомъ, послѣ дебютовъ, онъ условится и уплатитъ за проѣздъ. Экой старый полякъ! Да знаетъ ли онъ, что здѣшніе извозчики, пожалуй, безъ вида да безъ денегъ не повезутъ. Нѣтъ, ужъ лучше поѣду въ Харьковъ. Но, видно, судьба рѣшила гнать и мучить меня нещадно!

Въ Харьковѣ.

По прiѣздѣ въ Харьковъ, я у Барсова получилъ письмо изъ Воронежа отъ Елизаветы Павловны Полтавцевой. Она увѣдомляла, что жена моя очень больна, и совѣтовала мнѣ прiѣхать къ нимъ поскорѣе. Нечего дѣлать! Приходилось отправляться обратно въ Воронежъ.

Барсовъ разсказалъ мнѣ про Самойловыхъ. Прiемъ и проводы имъ сдѣланы были блестящiе. Надежда Васильевна въ свой бенефисъ, играя „Дочь полка", имѣла сбору до 5000 руб. асс., кромѣ того ее забросали цвѣтами и поднесли золотой браслетъ довольно цѣнный.

— Да! прибавилъ онъ: пожираютъ наши труды эти хищныя птицы! Они, вотъ, разгуливаютъ вездѣ по городамъ, собирая лавры и цѣлковые, а мы тутъ сиди безъ дѣла или работай за гроши!

— Что дѣлать, братъ! Большимъ кораблямъ большое и плаванье. Они великiе артисты, да еще и столичные! Тутъ ничего не подѣлаешь!

Воронежъ.

Возвратясь въ Воронежъ, я труппы не засталъ. Всѣхъ отправили въ Острогожскъ на ярмарку. Жена моя оправилась отъ болѣзни, чѣмъ много успокоила меня. Сестра ея, А. Ѳ. Розанова, вслѣдствiе интригъ Ленскихъ и Швана, должна была оставить службу въ воронежской дирекцiи и уѣхать въ Тамбовъ къ Аносову. Спустя недѣлю или двѣ, за ней отъ вновь устроенной дирекцiи въ Таганрогѣ былъ присланъ режиссеръ Вильковскiй, Ѳедоръ Кузьмичъ. Убѣдилъ онъ меня поѣхать съ нимъ въ Тамбовъ. Какъ человѣкъ свободный, я согласился.

Тамбовъ.

Въ Тамбовѣ, однако, А. Ѳ. мы уже не застали. Она здѣсь сыграла нѣсколько спектаклей и, по приглашенiю, уѣхала на почтовыхъ въ Тулу. И уѣхала-то она передъ нами всего часа за три или четыре. Взвылъ тутъ мой бѣдный Вильковскiй, не зналъ, что̀ ему и подѣлать. Ѣхалъ, ѣхалъ и все попустому.

Да, спасибо, подвернулся мнѣ знакомый ямщикъ: онъ за двойные прогоны взялся догнать ее. Немедля пустились мы въ погоню за бѣглянкой; насилу могли настигнуть близъ Козлова. Смотрителя и ямщики думали, что мы гонимся за убѣжавшей барышней. Послѣ короткихъ объясненій, она съ Вильковскимъ поѣхала прямо въ Таганрогъ, а я, по приглашенію Аносова, сыгралъ въ Тамбовѣ два спектакля и этимъ немного поправилъ свои финансы. Возвратившись въ Воронежъ, я былъ озадаченъ извѣстіемъ, что Колиньи сильно разгнѣвался на меня за самовольную отлучку. Дѣйствительно, на другой день является ко мнѣ квартальный съ приказомъ тотчасъ же вмѣстѣ съ нимъ отправиться къ г. полицеймейстеру. Колиньи, при встрѣчѣ со мною, осыпалъ меня бранью и угрозами точно арестанта какого.

— Да за что же, Ѳедоръ Леонтьичъ? Вѣдь я еще не служу у васъ, какое же право...

— Молчать!... Все равно!... ревѣлъ полицейскій начальникъ. Я сказалъ тогда, что ты, можетъ быть, понадобишься; такъ тутъ нечего разсуждать!... Подъ арестъ не угодно ли!... Эй! крикнулъ онъ квартальному: взять его подъ арестъ!

— Вотъ такъ оказія!... разсуждалъ я, идучи за блюстителемъ порядка и благочинія.

Но мнѣ не долго пришлось сидѣть въ заключеніи: по приказанію губернатора я былъ освобожденъ.

Послѣ этого случая, хотя мнѣ и предлагали дебюты, но я, оскорбленный грубымъ поступкомъ директора, отказался. Надумалъ я — лучше отправиться въ Тулу, тамъ, сказали, устроилась дирекція подъ вѣдѣніемъ г. Мясникова.

Тула.

Въ Тулѣ, послѣ дебютовъ, я былъ приглашенъ на службу по 25 руб. сер. въ мѣсяцъ и одинъ бенефисъ до поста. Теперь я надѣялся здѣсь устроиться по хозяйственному и выписать жену свою и съ новорожденной дочкой Варенькой.

Театромъ управлялъ на правахъ антрепренера актеръ Смирновъ, а ему оказывалъ покровительство и пособіе предсѣдатель губернскаго правленія Мясниковъ. Бѣднота однакожъ въ труппѣ была не малая.

До Смирнова театръ содержали чиновники Екатерининскихъ временъ — Турчаниновъ и Азбукинъ. Послѣдній сдѣлался антре-

пренеромъ потому, что дочь его восчувствовала призваніе быть актрисой. Денежки, нажитыя имъ на службѣ далеко были не достаточны, чтобы вести театральное дѣло. Стало-быть и велъ его неумѣло, неряшливо и грязно. Конечно и труппа подобралась аховая!... Мнѣ разсказали, какой случай былъ въ то время съ двумя лицами, служившими у Азбукина. Одинъ изъ нихъ — дирижеръ Рѣпинъ, а другой — комикъ Налетовъ. Жили они вмѣстѣ, и дружбу ихъ скрѣпляло зелено вино, крѣпка водочка. Часто съ квартиръ ихъ сгоняли за непотребную жизнь, а больше за неплатежъ денегъ. Вотъ, однажды, выгнанные съ послѣдней квартиры, они, забравъ свое имущество, т.-е. ноты, роли и скрипку, пошли искать пріюта. Хотѣли было помѣститься въ театрѣ, но имъ не дозволили. Съ горя, взявъ въ буфетѣ водки, хлѣба и огурцовъ, пошли куда глаза глядятъ. Разсуждая и браня людей, вышли они за заставу, тамъ, завидя кладбище, рѣшили на немъ выпить и побесѣдовать, а то такъ и заночевать.

— „Здѣсь, Рѣпушка“, сказалъ Налетовъ, „и платить не надо, да и спокойно! Вотъ тутъ у канавы, на окраинѣ-то получше будетъ! Садись-ка, другъ, Рѣпушка“, добавилъ онъ, показывая на камень провалившейся могилы.

Занявшись полуштофчикомъ, вздумали они также заняться дѣлами: пройти нѣкоторые куплеты для будущаго представленія, а какъ наступилъ ужъ вечеръ — зажгли сальный огарокъ, захваченный въ театрѣ, и репетиція началась. Въ это время кладбищенскій сторожъ, поколотивъ въ доску, пошелъ обойти кладбище, — вдругъ слышитъ: отъ канавы раздаются какіе-то неясные звуки, то какъ будто завоетъ кто-то, а то заслышиться плачъ ребенка... Глядитъ — и свѣтъ исходитъ изъ могилы... А вой и стонъ еще сильнѣе раздавались оттуда. Дрожь пробрала сторожа... Съ великимъ страхомъ, спотыкаясь, пустился онъ безъ оглядки къ строеніямъ у заставы, гдѣ стоялъ будочникъ. Добѣжавъ туда, онъ едва могъ проговорить будочнику:

— „Доложь начальству... у насъ на кладбищѣ не ладно!... Должно колдунъ, альбо *самъ* разыгрался... По могиламъ ходитъ да воетъ такъ страшно!... И свѣтъ отъ него идетъ...“

— „Съ нами крестная сила!“ крестясь пробормоталъ будочникъ. „Ты постой пока тутъ, а я пойду къ его благородію!“

Озираясь по сторонамъ, торопливо пошелъ онъ по улицѣ.

— „Что такое? Что случилось?“ спросилъ будочника квартальный, зѣвая и потягиваясь.

— „Ваше благородіе, имѣю честь лепортовать: на кладбищѣ не ладно!... Сторожъ прибылъ ко мнѣ и доноситъ, что по могиламъ ходитъ мертвецъ съ фонаремъ и все-то воетъ да плачетъ...“

— „Дуракъ!... Чай сторожъ-то пьянъ?“

— „Никакъ нѣтъ, ваше благородіе!... Въ своемъ видѣ, т.-е. ни въ одномъ глазѣ“.

Выслушавъ подробно разсказъ, квартальный, хотя и посомнился, однакоже одинъ съ будочникомъ пойти освидѣтельствовать не рѣшался.

„Чортъ его знаетъ!...“ подумалъ онъ. „Можетъ, и въ самомъ дѣлѣ колдунъ какой похороненъ... Слыхалъ я про это...“

— „Ступай, вели снарядить еще трехъ-четырехъ человѣкъ, да скажи, чтобы ружья были заряжены!“ приказалъ квартальный. „А можетъ это и мошенники, бродяги какіе...“ разсуждалъ онъ, одѣваясь.

Съ немалымъ страхомъ полицейскій отрядъ подходилъ къ тому мѣсту, гдѣ раздавались звуки. Поднявшійся вѣтеръ то приближалъ, то удалялъ ихъ. Вотъ показался и свѣтъ... Вой и плачъ еще сильнѣе, еще сильнѣе... Всѣ въ отрядѣ перекрестились и отъ испуга стали, какъ вкопанные. Квартальный тоже смутился. Забившись въ середину солдатъ, онъ нерѣшительно скомандовалъ: „Ружья на руку... готовься на прицѣлъ!... впередъ!...“ Съ отчаянной рѣшимостью всѣ бросились къ свѣту. Тутъ, при свѣтѣ догоравшаго огарка, увидѣли сидящихъ на камнѣ Налетова и Рѣпина. Первый по тетрадкѣ пѣлъ куплеты, а другой игралъ по нотамъ на скрипкѣ голосовую партію. На камнѣ, передъ ними, стоялъ опорожненный полуштофъ и валялись объѣдки огурцовъ. Квартальный, нерѣдко бывая въ театрѣ, призналъ ихъ и, плюнувъ, крикнулъ:

— „Тьфу! Черти проклятые! Только напугали!... За коимъ дьяволомъ васъ занесло сюда?“

— „А!... Пріятель дорогой!...“ отвѣтилъ Налетовъ: „милости просимъ къ намъ на новоселье!...“

— „Зачѣмъ и какъ вы тутъ очутились?“ спрашивалъ квартальный.

— „А что же намъ дѣлать, если никуда насъ не пускаютъ жить?“ пояснилъ Налетовъ. „Всѣ эти живые люди — подлецы! мерзавцы! истинныхъ талантовъ не понимаютъ... А здѣсь, вотъ, лежитъ все народъ добрый... Не гонятъ... молчатъ!... А вѣдь молчаніе есть знакъ согласія. Ну, мы и помѣстились“.

— „Ну, довольно разсуждать! Вставайте... Идите со мною въ частный домъ“.

— „А!... Рѣпушка, каково?... И среди мертвыхъ намъ не даютъ покоя!“ предекламировалъ Налетовъ.

Полицеймейстеръ Добровольскій, выслушавъ донесеніе квартальнаго, много посмѣялся такой продѣлкѣ актеровъ и для временного прожитія велѣлъ дать имъ помѣщеніе въ частномъ домѣ.

Въ Тулѣ мнѣ не пришлось долго служить. Здѣсь находился актеръ Артуръ, очень талантливый и ловкій исполнитель ролей молодыхъ повѣсъ и вообще молодыхъ людей въ комедіяхъ и водевиляхъ. Къ несчастію, онъ былъ пьяница непробудный да еще и скандалистъ и интриганъ. Не было ни одного спектакля, чтобы онъ игралъ трезвый. Вотъ съ этимъ-то Артуромъ я и не поладилъ. Много непріятностей наносилъ онъ мнѣ и Павлу Васильеву, бывшему воспитаннику Московской театральной школы. Павелъ Васильевъ имѣлъ много хорошихъ задатковъ для сцены, и его успѣхи, а также и мои, сильно обозлили Артура. Вмѣстѣ съ Пашей рѣшили мы или уѣхать изъ Тулы, или сжить нашего недруга. Какъ-то назначена была пьеса, оперетка-водевиль: „Дочь второго полка“, въ которой мнѣ назначили играть роль Антуана. Артуръ, по зависти ко мнѣ, объявилъ Смирнову и Мясникову, что онъ желаетъ играть Антуана, и если ему не передадутъ роль, то онъ отказывается отъ службы. Не желая заводить раздоръ, Смирновъ и я рѣшили отдать ему роль. Кромѣ того, какъ онъ былъ любимцемъ публики и въ особенности Мясникова, то и это было причиною нашей рѣшимости. И что же изъ этого вышло? Во время спектакля Артуръ такъ нахлестался, что во второмъ дѣйствіи упалъ на сценѣ. Занавѣсъ по этому случаю тотчасъ же закрыли. А я, обиженный, отказался служить и уѣхалъ въ Калугу съ актеромъ Катковскимъ. Это было осенью 1850 года.

Калуга.

Театръ въ Калугѣ содержалъ Николай Карловичъ Милославскій. Въ его труппѣ составъ былъ и оперный и драматическій: Шмитгофъ 1-й, Шмитгофъ 2-й Максъ, Лиханскій, Леоновъ, Эвелина Шмитгофъ, ея сестра Лючія, двѣ сестры Стрѣлковы, Стрѣлковъ, Илья Васильевичъ Орловъ, Стадковскій, Николаевъ и друг., вообще составъ не малый. Какъ пѣвуну, мнѣ была на руку оперная труппа. Конечно, Милославскій первенствовалъ надъ всѣми. Меня онъ принялъ радушно. Въ это время у нихъ ставился третій актъ „Аскольдовой", и у Леонова съ Лиханскимъ шло препирательство изъ-за роли Торопки. Какъ только я изъявилъ желаніе дебютировать въ этой роли, Милославскій былъ радъ этому случаю, которымъ прекращалась распря между Леоновымъ и Лиханскимъ. И здѣсь въ „Аскольдовой" я имѣлъ хорошій успѣхъ. Послѣ перваго же дебюта Н. К. оставилъ меня на условіи: 40 руб. сер. въ мѣсяцъ и одинъ бенефисъ до поста.

1851 годъ.

Дѣла по театру шли хорошо, но Милославскій любилъ жить широко, по-барски, поэтому сборы большею частію шли на его потребности. Спасибо, еще губернаторъ Николай Михайловичъ Смирновъ благоволилъ къ нему, такъ и поддерживалъ, — онъ собралъ ему абонементъ. Подъ Новый годъ губернаторомъ и дворянствомъ данъ былъ балъ-маскарадъ, въ которомъ участвовала и наша труппа. Я фигурировалъ въ кадрили, составленной Милославскимъ, въ видѣ Весны, Лѣта, Осени и Зимы. Послѣ кадрили, Лючію Шмитгофъ, изображавшую Новый Годъ, сонмъ разныхъ народовъ Россіи пронесъ по всей залѣ. За это губернаторъ и все общество изъявили намъ благодарность и щедро насъ угостили.

Но всѣ эти радости-веселости рухнули разомъ!... Наканунѣ Крещенья, вечеромъ, была назначена репетиція пьесы „Серафима Лафайль". Милославскій прислалъ сказать, чтобы его не ждали, а прошли лишь свои сцены. Леоновъ долженъ былъ играть Марсіала. Ждать-пождать — нѣтъ Леонова! Хотѣли ужъ расходиться, какъ вдругъ ведутъ его совершенно пьянаго Николаевъ и Стрѣлковъ. Ну, какая тутъ

репетиція!... Незадолго передъ этимъ мы жили на хлѣбахъ и въ квартирѣ Милославскаго, но на дняхъ онъ переѣхалъ на другую квартиру, а насъ къ себѣ не помѣстилъ. До пріисканія себѣ жилья, мы еще тутъ проживали. Хозяинъ дома нарочно комнату нашу не топилъ, чтобы насъ сжить поскорѣе. Въ этотъ несчастный день Леоновъ еще съ утра ушелъ посмотрѣть рекомендованную ему квартиру. И вотъ теперь какимъ явился!... Что съ нимъ дѣлать? куда дѣвать?... Тащить его по городу — не хорошо! Общимъ совѣтомъ рѣшили оставить въ театрѣ. Уложивъ его въ дамскомъ фойе и наказавъ сторожу присматривать за нимъ, мы всѣ: Стадковскій, Катковскій, Боборыкинъ, Шмитгофъ Максъ, Николаевъ, Стрѣлковъ и я — отправились побесѣдовать за чайкомъ въ общественный трактиръ. Бесѣда наша на этотъ разъ какъ-то не клеилась, — такая всѣхъ обуяла тоска и скука... Посидѣвъ мало, мы разошлись по домамъ. Я, Максъ и Боборыкинъ поплелись въ свою холодную конуру.

— А жаль, братцы, — дорогою проговорилъ Максъ, — у меня въ театрѣ не готова комната. Она хотя глухая, безъ оконъ, но все же въ ней намъ было бы уютно и тепло. Завтра, впрочемъ, отецъ обѣщалъ мнѣ дать кой-какую мебель. Какъ получу, все обставлю хорошенько, ну, тогда милости просимъ ко мнѣ на житье.

— Ахъ, Максъ, хорошо! отвѣтили мы. Устраивай поскорѣе!

Придя въ свою квартиру, мы отъ холода не могли уснуть, только къ утру стали забываться.

Вдругъ будитъ насъ стукъ и крикъ дворника:

— Эй! господа ахтеры! Чего вы спите? вашъ театръ горитъ!

Вмигъ повскакали мы и какъ угорѣлые заметались въ темнотѣ. Насилу могли отыскать обувь и платье. Дрожа, какъ въ лихоманкѣ, что есть духу летимъ прямо на зарево. Прибѣжавъ къ театру, видимъ — ужъ онъ весь въ огнѣ. Стоимъ тутъ, а объ Леоновѣ и позабыли. Слышимъ кто-то благимъ матомъ вопитъ:

— Господа! господа! Леоновъ-то вѣдь тамъ!... Бросились мы къ окнамъ фойе, находящемуся во второмъ этажѣ. Но какъ туда влѣзть? Ни лѣстницъ, ни пожарной команды нѣту. Что

дѣлать? Давай другъ другу подставлять спины. Верхній, доставъ окно, сталъ бить стекла и звать Леонова... Но воздухомъ, вѣроятно, потянуло въ окно, потому что, вслѣдъ за густымъ дымомъ, большимъ потокомъ хлынулъ огонь. Отъ сильной жары мы должны были поскорѣй убраться подальше. Начальство и пожарные только теперь пожаловали и, конечно, сдѣлать ничего не могли. Милославскій сильно смутился, когда ему сказали, что Леоновъ остался въ театрѣ и тамъ сгорѣлъ.

Многіе изъ труппы, особенно Илья Васильевичъ Орловъ, громко обвиняли Милославскаго въ поджогѣ, да и городскіе жители думали такъ же. Предлогомъ такому обвиненію служило то, что онъ, за нѣсколько дней до пожара, вывезъ изъ театра свою мебель и костюмы. Когда было назначено слѣдствіе и когда всѣхъ насъ допрашивали, то почти всѣ единогласно отказались отъ обвиненія Милославскаго. На допросахъ сказывали, что въ часъ ночи кто-то подъѣзжалъ къ театру и даже входилъ въ него, но по разъясненіи оказалось, что это былъ буфетчикъ, который для спектакля и маскарада привозилъ вино, посуду и провизію. Конечно, въ пользу обличенія имѣлись обстоятельства, именно: Милославскій давно забралъ и растратилъ абонементныя деньги, сборы недостаточно велики, чтобы удовлетворять труппу и покрывать текущіе расходы. Но я, въ числѣ немногихъ, по совѣсти, не могу имѣть подозрѣнія на Милославскаго: онъ достаточно уменъ, чтобы пускаться на такое грубое и рискованное дѣло. Нѣтъ! я съ своей стороны увѣренъ, что это несчастіе случилось отъ отдушника, находившагося въ реквизиторской и костюмерной комнатѣ; вѣроятно, затопивъ печки, сторожъ забылъ его закрыть. Я помню, однажды, во время репетиціи, изъ этого отдушника во время топки сыпались искры, и, можетъ быть, бѣда бы случилась и тогда, если бы не было тутъ людей. Да и сторожъ съ актеромъ Пуговкинымъ, ночевавшимъ въ эту ночь въ сторожкѣ, оба дали показаніе, что пожаръ начался именно съ той стороны. Но какъ бы тамъ ни было, а бѣда надъ нами стряслась не малая! Всѣ мы сильно призадумались о своей судьбѣ. Милославскій объявилъ всей труппѣ, что онъ никакой уплаты произвести теперь не можетъ и чтобы мы уѣзжали — куда знаемъ.

Однакоже съ этимъ рѣшеніемъ его мы не могли согласиться. Стали требовать настойчиво, чтобы онъ что-нибудь для насъ сдѣлалъ: чѣмъ же жить и на что уѣхать? Губернаторъ, узнавъ о нашемъ бѣдственномъ положеніи, приказалъ всѣмъ выдать на руки деньги для дороги, кто куда желаетъ. Я съ Катковскимъ изъявили желаніе ѣхать въ Тулу. Мы получили 20 руб. сер. Поплелся изъ Калуги театральный людъ въ разныя стороны. Остались схороненные въ могилахъ кости Леонова и умершаго отъ чахотки пѣвца Лиханскаго.

Тула.

Вскорѣ, по прибытіи нашемъ въ Тулу, пріѣхалъ туда и Милославскій, а за нимъ и нѣкоторые изъ калужскихъ актеровъ. Театромъ завѣдывалъ тотъ же Смирновъ. Труппа у него была плохая. Съ появленіемъ Милославскаго скоро все измѣнилось; онъ сумѣлъ пріобрѣсти расположеніе губернатора Дарагана и найти директора въ лицѣ помѣщика Волховскаго. Съ учрежденіемъ новой дирекціи, театръ, какъ снаружи, такъ и внутри, обновился. Вообще, если были средства, то Милославскій умѣлъ показать товаръ лицомъ. На сценѣ появились блестящіе костюмы, декораціи и дорогая, изящная мебель, зеркала, ковры, цвѣты... Однимъ словомъ — одной обстановкой публика была озадачена. Къ тому же Волховской пригласилъ хорошую актрису, свою любимицу Марью Андреевну Микульскую. Репертуаръ преимущественно состоялъ изъ французскихъ драмъ, мелодрамъ, комедій и водевилей Д. Т. Ленскаго. Съ особеннымъ успѣхомъ шли: „Клара Д'Обервиль", „Записки демона", „Полковникъ старыхъ временъ", „Сиротка Сусанна", и друг. Изъ сборовъ, по обыкновенію, Н. К. бралъ себѣ львиную долю. Послѣ зимняго сезона онъ ухитрился насъ такъ запутать, что мы должны были остаться у него на половинномъ жалованьи. Этой же зимой жена моя съ новорожденной дочерью Варей пріѣзжала изъ Воронежа ко мнѣ въ Тулу.

Въ числѣ любителей, занимавшихъ безъ жалованья малыя роли, находился Александръ Николаевичъ Александровскій (Усовъ). Милославскому онъ такъ понравился, что тотъ назначилъ ему жалованье 10 или 15 руб. въ мѣсяцъ. Надобно было

видѣть, какъ радъ былъ Александровскій, сдѣлавшись настоящимъ актеромъ!

Послѣ перваго же полученнаго имъ жалованья, мы понудили его принять отъ насъ посвященіе въ столь важный санъ... Посвященіе это состояло въ томъ, что мы, раздѣвъ его до нага, облили виномъ и водкой, и прочли надъ нимъ тирады изъ драмъ и куплеты изъ водевилей.

Въ августѣ этого года явился въ Тулу Гумилевскій. Онъ просилъ себѣ дебюта, дирекція изъявила согласіе, но у Гумилевскаго „умыселъ другой тутъ былъ“: нѣкоторыхъ изъ насъ тайкомъ зазвалъ онъ къ себѣ и объяснилъ, что онъ — антрепренеръ Рязанскаго театра. Приглашеніе его приняли: я, Егоръ Браво, Александровскій и Павловъ-Веревкинъ. Я заключилъ условіе, съ женой, на годъ, по 75 руб. сер. въ мѣсяцъ и три бенефиса до поста. Съ большимъ затрудненіемъ могъ я высвободиться изъ лапъ Милославскаго. Самъ онъ, лично, со мною подѣлать ничего не могъ, но нажаловался губернатору, который, за наше желаніе выбыть изъ труппы, былъ очень разгнѣванъ. Едва, едва могъ вымолить дозволеніе о выѣздѣ изъ города.

1852.

Рязань.

Въ Рязани театръ находился на перекресткѣ Соборной улицы, близъ семинаріи. Какъ снаружи, такъ и внутри, онъ не отличался отъ другихъ театровъ. У Гумилевскаго не оказалось ни хорошихъ декорацій, ни костюмовъ, ни библіотеки. При всѣхъ представленіяхъ ставили только тѣ пьесы, гдѣ у Гумилевскихъ имѣлись хорошія роли. Изъ всей труппы выдѣлился и сдѣлался особеннымъ любимцемъ публики — Браво. Сборы во всю зиму были не велики, а также и наши бенефисы. Гумилевскій и мы всѣ едва могли свести концы съ концами.

Въ это время въ труппѣ нашей служили старинные актеры-комики Вертовскій и Шилкинъ. Этотъ послѣдній снабжалъ Гумилевскаго библіотекой и костюмами. Въ прежніе годы, давно, всѣ старые актеры имѣли у себя довольно много вещей для театра. Еще въ Таганрогѣ, помню, я засталъ у Мачихина и Кочевскаго большой складъ париковъ, пьесъ,

нотъ, костюмовъ и даже декорацій. Такихъ актеровъ въ провинціи тогда встрѣтить было не рѣдкость. Шилкинъ тѣмъ еще замѣчателенъ, что, когда онъ былъ антрепренеромъ, то у него въ первый разъ на сцену выступилъ Провъ Михайловичъ Садовскій.

По окончаніи зимняго сезона 1851—1852 годовъ Гумилевскій на первый же день Великаго поста объявилъ намъ о своей несостоятельности, что далѣе онъ труппы содержать не можетъ. Побранившись съ нимъ малую толику, мы все-таки пришли къ тому заключенію, что ничего не подѣлаешь! Приходилось снова пуститься въ путь, куда-нибудь въ другой городъ. Но бѣда моя — изъ моего города не высылаютъ мнѣ паспорта: общество требуетъ меня къ себѣ на лицо. Какъ бы не такъ! Знаемъ мы эти личныя свиданья съ міроѣдами. Схватятъ тебя, милаго дружка, да и сдадутъ въ солдаты за сынка какого-нибудь богатенькаго кулака. Народъ этотъ смотритъ на актера, какъ на человѣка никуда негоднаго, пропащаго! Нѣтъ, голубчики! Мнѣ не учиться стать проживать безъ паспорта! Еще, слава Богу, доброе начальство намъ въ этомъ мирволитъ. Съ случайнымъ знакомымъ попутчикомъ поѣхалъ я въ Тамбовъ.

Тамбовъ.

Аносовъ и вся его труппа встрѣтили меня радостно, привѣтливо. Театръ, актеры попрежнему находились въ бѣднотѣ. Боброва уже не было въ живыхъ. Его, несчастнаго, какъ-то ночью, пьяненькаго, задавили каретой. А тутъ, сказывали, на нихъ еще стряслась великая бѣда. Давали оперу „Волшебный стрѣлокъ",—ужъ какъ это они ухитрились ее пропѣть, вѣдаетъ Аллахъ! Въ первомъ дѣйствіи, когда надо было стрѣлять въ орла, ружье у Макса оказалось незаряженнымъ. Что дѣлать? Актеръ Хрисанфовъ, схвативъ вновь принесенное реквизиторомъ ружье, выстрѣлилъ въ орла. Тотчасъ же послѣ выстрѣла, вмѣстѣ съ орломъ, съ поддугъ на сцену упалъ и солдатъ, державшій чучело. Такъ-таки наповалъ и сразилъ его. Конечно, послѣ такого несчастія публика съ ужасомъ вышла изъ театра, а труппу и антрепренера притянули къ суду и слѣдствію.

Справясь въ Тамбовѣ о своихъ дѣлахъ, я воротился въ Рязань. Секретарь посовѣтовалъ мнѣ уклониться отъ явки въ свой городъ, да и оставаться долѣе жить здѣсь было небезопасно. Чтобы отвести обществу темниковскому глаза, я написалъ роднымъ, что уѣзжаю на Кавказъ. Пусть тамъ ищутъ!...

Послѣ Пасхи надумали мы съ актеромъ Браво отправиться въ Тулу, а пока, до времени, жену мою съ семействомъ оставить въ Рязани. 10-го апрѣля, въ самую-то распутицу, поѣхали мы на почтовыхъ, думая поскорѣе добраться. Но, несмотря на подорожную, данную на имя гражданина Сѣверо-Американскихъ Штатовъ, учителя Егора Браво, насъ все-таки вездѣ задерживали и притѣсняли. Взыскивать было нельзя: путь-дорога непроѣздная; везли — гдѣ на саняхъ, а гдѣ въ телѣгѣ; однѣхъ переправъ черезъ ручьи, рѣчки было болѣе двадцати; въ иныхъ мѣстахъ переѣзжали съ опасностію для жизни. Подъѣхавъ къ рѣчкѣ у Венева, мы узнали, что позавчера провалился тарантасъ съ почтой, — едва могли спасти почталіона и ямщика. По этой причинѣ переправа остановилась, и всѣ проѣзжіе засѣли на постояломъ дворѣ. Но намъ хотѣлось непремѣнно быть на той сторонѣ, чтобы поскорѣе добраться до Тулы. И вотъ, подъѣхавъ къ рѣчкѣ, мы стали упрашивать — какъ-нибудь переправить насъ.

— Какъ же теперь намъ быть-то, ребята? обратился я къ перевозчикамъ.

— Ничего, вѣдь, господинъ, не подѣлаешь! отвѣтилъ одинъ изъ нихъ. Самъ видишь, какая рѣка-то! Супротивъ Бога не пойдешь! Тожъ всякому жизнь дорога! Слышалъ, небось, позавчера какая оказія сотворилась? Пошту и то утопили! Людей-то изловили, а лошадей съ поклажей и доселѣ все ищутъ по рѣкѣ-то!

— Да, вѣдь, рѣка-то тутъ не широка и ледъ еще держится! настаивалъ я.

— Хошь не широка, да дюже глубока! проговорилъ старичокъ, вздернувъ плечами.

— Оно вотъ што... перебилъ его другой: можно, пожалуй, и перетащить васъ... да только опасно!

— О! О!... Какъ это ты перетащишь-то? насмѣшливо спросили его товарищи. Больно, братъ, ты мудрёнъ!...

— О!... Мудрёнъ, мудрёнъ!... обидчиво отнесся къ нимъ тотъ. Я живалъ на переправахъ-то и не этой чета! Видалъ, какъ люди дѣла дѣлаютъ!... Вотъ што, господинъ честной, коли дашь три рублика, перетащу васъ.

— Ахъ, сдѣлай одолженіе, голубчикъ! Съ удовольствіемъ тебѣ заплатимъ! Только какъ же ты это устроишь?

— Пождите малость... я вотъ сейчасъ!...

Предпріимчивый перевозчикъ пошелъ къ постоялому двору и вскорѣ принесъ большой лубъ съ привязанной къ нему бечевкой. Подойдя къ берегу, попробовалъ онъ крѣпость льда и затѣмъ крикнулъ стоявшимъ на той сторонѣ тоже перевозчикамъ.

— Эй!... Робята!... Держи веревку!

Привязанная къ концу веревки гирька быстро прокатилась къ тому краю. Тамъ ее тотчасъ подхватили.

— Ну, господа, ложись на лубъ кто-нибудь изъ васъ!... предложилъ нашъ изобрѣтатель невиданнаго перевоза.

Егоръ Браво сильно трусилъ и не рѣшился первый сдѣлать опытъ переправы.

— Благослови, Господи! перекрестясь, проговорилъ я и затѣмъ, не безъ боязни однакожъ, легъ на лубокъ, держась за веревку.

— Съ Богомъ!... Тащи робята! да ровнѣе, не дергай, мотри!... кричалъ на ту сторону, нашъ перевозчикъ.

Тотчасъ же задвигался и зашургалъ по льду мой лубъ. Во многихъ мѣстахъ вода просочилась и грозно шумѣла въ продушинахъ и полыньяхъ, а у береговъ даже ледъ трещалъ. Отъ страха у меня даже голова закружилась и духъ захватило. Можетъ, только одна минута прошла, какъ меня благополучно доставили на другой берегъ, но въ эту минуту я много перечувствовалъ. Вставъ на ноги, первымъ долгомъ перекрестился, принеся Богу благодарность, а затѣмъ крикнулъ товарищу:

— Ничего, Егоръ!... не трусь!... Отличное катанье! Переправляйся скорѣе, не бойся!...

Лубъ перетянули обратно, и Браво нерѣшительно, робко растянулся на немъ.

— Эй, эй!... господинъ!... Держись за веревку, а то тебя стряхнетъ на ледъ!... кричали ему съ той стороны перевозчики.

Браво торопливо схватилъ бечеву и, какъ только его потащили, заоралъ во всю глотку. Вѣроятно трескъ льда и клокочущая вода въ полыньяхъ сильно его испугали. Переправа и эта совершилась такъ же быстро и безъ приключеній. Послѣ такимъ же способомъ доставили и поклажу нашу.

— Ну, что, Егоръ, каково прокатился, а?... Вѣдь важно придумано!... шутилъ я, помогая ему подняться.

— Чортъ бы побралъ тебя и выдумку эту!... Въ другой разъ я ни за что на свѣтѣ не рѣшусь на такую глупость!... Ледъ трещитъ... вода шумитъ... ну, вотъ, того и гляди, что пойдешь подъ ледъ уху хлебать!

— Ничего, баринъ!... Чего гнѣваешься?... Вѣдь доставили благополучно! Оно, конечно, жутко, что и говорить!... Да ничего!...

— Эй, Гарасимъ! получи съ пассажировъ-то нашихъ три рублика да попроси у ихъ милости на чаёкъ!... крикнулъ нашъ перевозчикъ-изобрѣтатель.

— Вотъ отдаю по уговору, да еще двугривенный на чай!... отвѣтилъ я, отдавая деньги. Спасибо вамъ всѣмъ за услугу, да, ужъ, кстати, братцы, донесите кто-нибудь наши вещи на почтовую станцію.

— Изволь, съ нашимъ удовольствіемъ! весело отозвался одинъ изъ перевозчиковъ.

Итакъ, совершивъ необыкновенную переправу, мы вошли въ городъ Веневъ, гдѣ на почтовой станціи и остановились. Прежде всего спросили чаю. Отъ Венева едва могли упросить дать намъ лошадей; по безпутью ни смотритель, ни ямщики не хотѣли везти, но магическія слова: „на чай и водку" — произвели свое дѣйствіе: тотчасъ же, безъ задержки, насъ отправили въ путь.

Тула.

(1852 г.)

Въ Тулѣ попрежнему властвовалъ Милославскій. Онъ такъ дѣла повелъ, что вмѣсто одного директора, завелъ ихъ нѣсколько (а именно: губернаторъ Дараганъ, Волховской, Завальевскій и Федуркинъ). За эту честь они изрядно-таки поплатились своимъ карманомъ. По пріѣздѣ нашемъ, Браво

допустили къ дебютамъ, а обо мнѣ губернаторъ не хотѣлъ и слышать, за то, что я тогда уѣхалъ къ Гумилевскому противъ его воли. И пришлось мнѣ сидѣть у моря и ждать погоды. На мое счастье Эвелина Шмитгофъ пріѣхала сюда на нѣсколько спектаклей, а какъ въ ея репертуарѣ шли такія пьесы, въ которыхъ я былъ необходимъ, то волей-неволей пришлось дирекціи пригласить и меня къ участію. Мнѣ дали хорошую поспектаклъную плату, и этимъ я вознагражденъ былъ много больше того, что получалъ жалованьемъ. Тутъ я поправился такъ, что могъ выписать сюда изъ Рязани свое семейство.

Не долго просуществовала Тульская дирекція театра. Директоры перессорились между собою и отказались помогать театру. Милославскій, видя, что ему уже не съ кого собирать дань, и будучи кругомъ въ долгахъ, наскоро распродавъ свое имущество, укатилъ на другіе пріиски. Губернаторъ, однако, не хотѣлъ оставить городъ безъ театра,—всю труппу, въ томъ числѣ и меня съ женою, пригласилъ остаться и продолжать спектакли, подъ вѣдѣніемъ князя Петра Александровича Щербатова. Не всѣ однакожъ согласились; нѣкоторые изъ труппы уѣхали въ другіе города. Остались: Днѣпровскій съ женою (Гедцъ) и съ ея сестрою, Егоръ Браво, два брата Александровскіе, Варганикъ, Зеленовскій, два брата Максимовы, Линовская и я съ женою. Сборы, при наступленіи лѣта, были плохіе. Князь по совѣщаніи съ нами рѣшилъ отправить труппу въ городъ Мещовскъ, на ярмарку.

Мещовскъ.

По прибытіи въ Мещовскъ, спектаклей не могли открыть по причинѣ исправленія ветхаго зданія для театра. Тѣмъ временемъ мы каждый день бродили по окрестностямъ.

Въ одну изъ такихъ прогулокъ зашли мы въ монастырскій лѣсъ за ягодами. Днѣпровскій при этомъ случаѣ захватилъ съ собою небольшое ружьецо. Разгуливая себѣ такъ свободно въ красивой тѣнистой рощѣ, мы отъ удовольствія затянули пѣсенку. Какъ вдругъ изъ просѣки подбѣгаетъ къ намъ монастырскій служка съ такой корявой, противной рожей.

— Эй, вы! Прохвосты!... крикнулъ онъ: Чего орете тутъ въ святомъ мѣстѣ?... Вонъ ступайте!... Здѣсь ходить не велѣно!

— Ахъ, ты проклятый, гунявый чернецъ! отвѣтилъ ему Днѣпровскій. Какъ же ты въ такомъ святомъ мѣстѣ такъ ведешь себя неприлично? За это, братъ, тебѣ слѣдуетъ пропѣть съ приволокою: „Ахъ, вы сѣни мои, сѣни!...“ при этомъ онъ рукою пояснилъ ему припѣвъ.

— А смѣй-ка, смѣй-ка, длинноногій чортъ!... Мы-те поломаемъ бока!... У насъ тутъ народу-то не мало!

Не успѣлъ служка договорить, какъ ему влетѣла зуботычина, вслѣдъ за которой, вѣрный своему слову, Днѣпровскій задалъ служкѣ потасовку. Заоралъ нашъ монашекъ на весь лѣсъ. Смотримъ — со стороны монастыря бѣгутъ къ намъ монахи и рабочіе съ дубинами. Дѣло плохо! Бросились мы черезъ валъ къ городу, мимо хлѣбовъ. Но намъ наперерѣзъ стремится еще толпа монаховъ и рабочихъ. Что дѣлать? Браво какъ-то ухитрился спрятаться во ржи, у большой дороги, а насъ всѣхъ остальныхъ окружили. Днѣпровскій не дается въ руки, кого прикладомъ, кого кулакомъ такъ и лупитъ, наконецъ вошелъ онъ въ такой азартъ, что приложился изъ ружья и хотѣлъ въ толпу выстрѣлить. Увидѣвъ это, я рванулся отъ державшихъ меня людей и, мигомъ выхвативъ у него ружье, съ крикомъ бросился на окружающихъ. Толпа шарахнулась въ стороны, и я, выскочивъ наружу, какъ стрѣла пустился къ городу. Цѣлая орава погналась за мною, но я ихъ все больше и больше оставлялъ за собою; ужъ и городъ близко... На окраинѣ его тоже виднѣлся народъ. Еще бы пробѣжать шаговъ двѣсти-триста — и я былъ бы спасенъ... Но на мою бѣду тутъ случился кабакъ, изъ котораго выбѣжалъ какой-то рабочій и моментально бросился мнѣ подъ ноги. Отъ этого я съ ружьемъ такъ и трахнулся на землю. Подбѣжали монастырскіе, и меня, раба Божьяго, повлекли въ монастырь, тамъ во дворъ приведены были и всѣ мои товарищи. Браво тоже запримѣтили сидящаго на березѣ, и ужъ какъ онъ тамъ ни отнѣкивался, его все-таки стащили съ дерева и при содѣйствіи пинковъ приволокли въ монастырь. Отецъ-игуменъ вышелъ такъ важно на крыльцо и сталъ чинить судъ и расправу. Разспросивъ своихъ людей, онъ гнѣвно приказалъ связать всѣмъ намъ руки и засадить въ темную башню. Изъ свидѣтелей особенно надрывался служка, получившій таску; ужъ онъ и шипѣлъ и плевалъ отъ злости, такъ кулаки и

насучиваетъ, суля намъ и гнѣвъ Божій и наказанье-то отъ начальства. Днѣпровскій не утерпѣлъ и отгрызнулся:

— Эхъ, кабы у меня руки были свободны, я на твоей бы скверной рожѣ оттиснулъ гнѣвъ Божій!...

— Ну, ну! Ведите ихъ! Да замкните хорошенько, чтобы не убѣжали!... отдалъ приказаніе отецъ-игуменъ.

Такъ и засадили насъ, голубчиковъ, въ темную башню. Межъ тѣмъ у монастыря собралось народу изъ города множество; до насъ доносились шумъ, говоръ и угрозы монахамъ. Городскіе-то жители ужъ давно имѣли непріязнь на нихъ за разныя утѣсненія и непотребности. Скоро понаѣхало начальство въ лицѣ жандармскаго полковника и городничаго. Снова вывели насъ на судбище. Отецъ-игуменъ съ братіей доносили, что мы разбойники, хотѣли ограбить монастырь, съ служителями учинили драку и грозились даже застрѣлить изъ ружья.

На это обвиненіе Днѣпровскій, какъ юристъ, отвѣтилъ блестящей и ѣдкой рѣчью. Онъ ясно и подробно изъяснилъ все дѣло, указавъ на самоуправное, грубое и неприличное обхожденіе съ нами отца-настоятеля. „Я прошу, полковникъ", добавилъ онъ, „дозвольте мнѣ подать вамъ прошеніе, въ которомъ я изложу какъ это дѣло, такъ и другія жалобы отъ жителей городскихъ".

Смутился настоятель, а съ нимъ и городничій, его пріятель. Полковникъ, видимо, принимая нашу сторону, обѣщалъ намъ доставить всякое законное содѣйствіе. Смотримъ: подъѣхалъ и нашъ директоръ, князь П. А. Щербатовъ. Узнавъ въ чемъ дѣло, онъ потребовалъ, чтобы насъ тотчасъ же освободили, и что онъ пошлетъ отъ себя донесеніе губернатору и архіерею. При этомъ онъ что-то проговорилъ отцу-игумену на ухо, отъ чего тотъ еще сильнѣе смутился.

Когда мы вышли за ограду, народъ шумно и радостно привѣтствовалъ насъ. Послышались голоса:

— Эко, братцы, не поспѣли мы даве къ вамъ на подмогу... Ужъ и задали бъ имъ жару!... Давно на нихъ зубы точимъ!... Опять же, не боясь грѣха скоромятину жрутъ!... Ужъ попадись они намъ только!...

Итакъ съ тріумфомъ возвратились мы къ себѣ домой. Дѣло это, однако, замяли, ходу не дали.

— А ты, Егоръ, трусишка!... обратились мы къ Браво. — Ловко шмыгнулъ въ хлѣба, а потомъ на дерево...

— А что жъ подѣлаешь? отвѣтилъ Браво: Думалъ избѣжать трепки, да не удалось! Ишь у нихъ сколько народу-то!... обратился Егоръ ко мнѣ: Смотрю — ты выскочилъ изъ круга... Что за картина была!... Я залюбовался! Какъ вихрь несешься, а за тобой вразсыпную растянулись линіей рабочіе и монахи. Смѣшно было смотрѣть на нихъ: подрясники-то раздуваются, клобуки свалились, волосы растрепаны... Я такъ и думалъ, что ты удралъ. Дальше не видалъ ничего!... Меня запримѣтили и стащили съ дерева.

— И пинковъ надавали изрядныхъ!... вставилъ Днѣпровскій. — И по-дѣломъ! Не отставай отъ товарищей.

Не много спектаклей пришлось намъ тутъ играть. Ярмарка какъ-то не задалась. Не больше двухъ недѣль прожили въ Мещовскѣ и затѣмъ обратились въ Тулу.

Тула. По дорогѣ въ Харьковъ.

Въ Тулѣ, послѣ управленія Милославскаго, съ его большой труппой и блестящей обстановкой, намъ было не подъ силу тянуться за нимъ. Сборы пошли плохіе, бенефисы тоже. Видя, что и впереди не предстоитъ лучшаго, стали мы подумывать о выѣздѣ въ другія мѣста. Марья Андреевна Микульская собралась ѣхать въ Харьковъ. Она пригласила и меня. Конечно, я съ радостью согласился. Снова пришлось разстаться съ женой и дочуркой Варенькой.

Въ дорогу Микульская взяла съ собою горничную, и мнѣ, по тѣснотѣ, пришлось сидѣть на облучкѣ. Какъ на грѣхъ, гдѣ-то подъ Орломъ, или за нимъ, насъ захватила такая непогодь-мѣтель, что сбились даже съ большой дороги. Бѣдный ямщикъ, въ своемъ плохомъ зипунишкѣ, промерзъ до костей, а тутъ, какъ заплутались-то, ему пришлось бродить по сугробамъ, отыскивая дорогу. Я пожелалъ было ему пособить и тоже пуститься на поиски, но Микульская ни за что не хотѣла оставаться безъ меня.

— Насъ тутъ и обидѣть могутъ, или волки нападутъ!... убѣждала она.

Смѣшно мнѣ стало.

— Да, Марья Андреевна! насчетъ волковъ это вы правду говорите!... Вы съ Анютой такіе жирные и лакомые кусочки, что звѣрь-то почуетъ васъ издалека!...

— Смѣйтесь, шутите тутъ... А все-таки, я не хочу, чтобы вы отходили отъ повозки.

Дѣлать нечего! Пришлось стоять у лошадей и перекликаться съ возницей.

Порывистый вѣтеръ съ обледенѣлымъ снѣгомъ хлесталъ немилосердо.

„О-го-го-го!... Сюда веди!“ раздался неподалеку голосъ. Сильный вихрь, какъ шквалъ на морѣ, налетѣлъ на насъ и со стономъ, завываньемъ пронесся къ сторонѣ ямщика, и я не могъ разслышать, что̀ онъ тамъ кричалъ. Однако, взявъ за узду коренную и утопая въ сугробахъ, повелъ лошадей на призывъ.

— Эй, эй!... Гдѣ ты? Ямщикъ!...

— Здѣся, здѣся!... Вотъ дорога! Слава те, Господи! Ну, баринъ, чуть-чуть не стеряли дорогу. Бѣды!... Пропали бы совсѣмъ!

— А ты молчи! шепчу ему: бабы и такъ напуганы... Плачъ подняли!... Садись-ка да давай выпьемъ коньячку, а то мы съ тобою сильно зазябли.

Ямщикъ мой съ удовольствіемъ аппетитно глотнулъ стаканчикъ коньяку, крякнулъ и, подобравъ возжи, ухарски крикнулъ:

— Эй вы! мороженыя!...

Продрогшія лошадки быстро помчались по обледенѣвшей дорогѣ, мѣстами усыпанной косыми, наносными буграми. Колокольчикъ весело зазвенѣлъ, а я уткнувши носъ въ воротникъ, еще плотнѣе запахнувшись въ шубу, скоро впалъ въ дремотное состояніе. Вьюга-метель еще больше усилилась. Невольно, сами собой, мысли-думы, словно птицы перелетныя, вереницей потянулись въ далекое прошедшее. Какъ наяву представилось мнѣ счастливое, беззаботное дѣтство, когда я безъ устали бѣгалъ съ товарищами по завѣтному бору и цвѣтущимъ лугамъ родимой Мокши.

Сонъ.

Вотъ близъ рѣки садъ и огородъ. Дѣдушка Ѳаддей ихъ стережетъ. Вонъ онъ сидитъ на вышкѣ, подпертой четырьмя столбами, на одномъ изъ нихъ нарублены ступеньки... Я, съ мальчишками, крадусь около плетня; намъ хочется полакомиться вишней и малинкой.

— Глянь, робята, дѣдушка-то спитъ! Вишь, онъ качедыкъ-то держитъ, а лапоть-то упалъ... Лазь межъ тычинъ!...

Пробрались и разсыпались по завѣтнымъ мѣстамъ.

— Мишка!... Чего лѣзешь на яблоню!... Увидитъ, чортъ!...

Мишка, съ сломаннымъ сучкомъ, грохнулся наземь. Мимо летя, некстати каркнула ворона. Дѣдушка Ѳаддей проснулся, сталъ оглядываться во всѣ стороны; ребятишки присѣли, а сердчишки-то у всѣхъ: тукъ, тукъ!... Поднесъ дѣдушка руку къ глазамъ, присматривается... Завидѣлъ шалуновъ-воришекъ, поднялся...

— Робята, бѣги! звонко вскрикнулъ Васька-Заправило.

Всѣ, словно мыши отъ кота, такъ и брызнули: кто изъ сада, кто изъ огорода.

— Я васъ, пострѣлята! прошамкалъ дѣдъ.

Мишка, Васька и я, очутились за плетнемъ и, жуя ягоды, показали ему языки. Дѣдушка Ѳаддей съ палкою лѣзетъ внизъ. Мы бѣжать лугомъ до самой Мокши, тамъ сѣли на песчаномъ бугоркѣ и начали болтать босыми ногами въ плёсѣ.

— Ванька-Бита! обратился ко мнѣ Васька: ты, сказываютъ, съ матерью идешь въ Нижній на ярмарку?... Мотри, безъ гостинца не ворочайся! Тамъ, слышь, продаютъ кораблики; ты скажи матери, чтобъ купила.

— Ладно!... коли буду тамъ, — добуду.

— Глянь, глянь, робята!... вскрикнулъ Сеня: чайка рыбку схватила!... Вотъ бы стрѣльнуть-то въ нее!... Дядя Гарасимъ куда какъ лихо пуляетъ птицъ-то!

— Ну, ужъ твой дядя Гарасимъ! передразнилъ Васька: Гдѣ ему!... Онъ только сидячихъ гусей да утокъ бьетъ, а что летаетъ-то, того ему не зашибить!... Нѣтъ, вотъ Ванькинъ дядя — Яменычъ такъ охотникъ! Зимой-то онъ съ мордвиномъ какого медвѣдя завалилъ — страсть! Я глядѣлъ тогда!

Сказавъ это, Васька взялъ камушекъ, пустилъ его по водѣ такъ, что онъ прыжками понесся къ той сторонѣ и, затонувъ, оставилъ за собою рядъ круговъ. Всѣ мы послѣдовали его примѣру и также начали кидать камушки по водѣ.

— А что, братцы, — сказалъ Сеня: правда ли, есть гдѣ-то, тамъ далеко, за тридесять земель, такое царство, гдѣ райскія птицы живутъ?... Сказываютъ, если на нихъ глянуть — ослѣпнуть можно!

— Ну, это, Сенька, въ сказкахъ говорится. Поди, чай, такъ, зря болтаютъ!

— Нѣтъ, Вася!... Ты этого не говори! возразилъ я.—Вотъ мамонька-то моя, какъ была на ярмонкѣ, такъ видѣла сама и птицъ и звѣрья диковинныхъ. Тамъ, вишь, балаганъ построенъ, а въ ёмъ-то и посажены они!... И все-то, говорятъ, изъ-за моря!

— Ты, какъ будешь тамъ, Ванька, погляди и намъ опосля все разскажешь. Ишь тебѣ какое счастье!... чего-чего тамъ не насмотришься! Опять же и лѣсами темными пойдешь. Сказываютъ, далеко идутъ лѣса-то, почесть до самой Москвы. Я, намедни, въ рядахъ какъ былъ, такъ слышалъ разговоръ одного офени. Москва, говоритъ, городъ великій-превеликій! Церквей однѣхъ — сорокъ-сороковъ; а въ середкѣ-то стоитъ соборъ Иванъ Великій... на ёмъ-то виситъ царь-колоколъ, тожъ большущій, пребольшущій!... А около Ивана-то Великаго поставлена царь-пушка, тожъ здоровенная такая!... Вотъ какъ царь-то пойдетъ Богу молиться, тутъ сейчасъ въ тотъ колоколъ зазвонятъ, а изъ царь-пушки учнутъ палить, да такъ, что инда народъ весь попадаетъ!...

— Въ кого жъ, Вася, пушкой-то палятъ? спросили мы.

— Въ кого!... такъ, ни въ кого!... Она, сказываютъ, поставлена на устрашеніе нехристей.

— Чать, далеко слышно?

— Какъ, поди, не далеко — далеко!

За рѣкой, у болота въ лѣсу, что-то страшное такое загугукало. Мы всѣ вскочили на ноги и въ испугѣ стали прислушиваться.

— Это, братцы, водяной скучитъ!... съ хрипомъ въ горлѣ прошепталъ Мишанька. — Уйдемте, а то утопитъ!

Бѣгомъ всѣ пустились къ городу...

— Баринъ, слѣзай!... на станцію пріѣхали! будилъ меня ямщикъ. Досадно и жалко было разстаться съ милымъ сновидѣньемъ.

Харьковъ.

Пріѣхавъ въ Харьковъ, Микульская, вмѣстѣ со мною, представилась уже знакомому мнѣ директору Піотровскому. Микульской вскорѣ назначили дебюты. Она играла въ пьесѣ „Полковникъ старыхъ временъ" — полковника, и потомъ въ пьесѣ „Сиротка Сусанна" — Сусанну. Въ обѣихъ роляхъ она имѣла хорошій успѣхъ. А мнѣ оказалось препятствіе по той же причинѣ, какъ и въ Воронежѣ: и здѣсь также мужской персоналъ былъ переполненъ. Какъ кладъ, не дается мнѣ харьковская сцена, — что станешь дѣлать!... Къ счастію, въ это время пріѣхалъ изъ Курска антрепренеръ Клементій Ивановичъ Васильковъ. Онъ предложилъ мнѣ съ женою хорошее условіе, на которое я тотчасъ же согласился и немедленно уѣхалъ съ Васильковымъ въ Курскъ.

Курскъ.

(1853 годъ.)

Въ Курскѣ составилась небольшая труппа: Васильковъ, Гусева съ дочерью, я съ женою, Александръ Максимовъ (Кочетковъ), старикъ Поляковъ съ женой и дочерью, да пять-шесть сюжетовъ на небольшія роли. Какъ разъ къ моему дебюту пріѣхала изъ Тулы въ Курскъ и моя жена съ Варенькой.

Театръ находился при зданіи Благороднаго Собранія, недалеко отъ собора. Театръ, собственно, былъ бы недуренъ, если бъ содержался опрятно. Да при этомъ и обстановка бѣдна.

Понятно, съ такой малой труппой и средствами антрепренера, пьесы шли только сподручныя, по возможности. У насъ не было драматическаго актера, съ которымъ было бы можно ставить спектакли посильнѣе. Такъ почти до масленицы и протянули, кое-какъ сведя концы съ концами. Недѣли за три до поста получаю я письмо отъ тюремнаго смотрителя Шагарова, большого любителя театра. Онъ пишетъ, чтобы я пріѣхалъ къ нему по очень важному дѣлу. Думаю: что такое? Для чего я ему понадобился? Отправился. И кого же

у него встрѣчаю! — актера Дмитрія Андреевича Горева. Бѣдный! въ арестантскомъ платьѣ и съ обритой головою... Изумился я, спрашиваю:

— Что это съ тобой приключилось, Дмитрій Андреевичъ?

— Здравствуй, Ваня! здравствуй, другъ! Какъ я радъ тебя увидѣть! проговорилъ онъ, заплакавъ.

— Да объясни, пожалуйста, отчего ты въ такомъ нарядѣ?

— Ахъ, Ваня!... Видно судьба моя такая... Вездѣ-то все меня преслѣдуютъ и арестуютъ!... Ты помнишь случай въ Таганрогѣ?... Ну, за что я пострадалъ?... А теперь, вотъ тоже, гонятъ по этапу, словно преступника какого!

— Что жъ ты сдѣлалъ?

— Да отвѣтъ далъ одному городничему не по вкусу... Ну, меня, какъ безпаспортнаго, обрили да въ кандалы и нарядили. Вотъ слушай, какъ дѣло было. Въ одномъ изъ уѣздныхъ городовъ Екатеринославской губерніи игралъ я съ труппой Жураховскаго. Начальникъ города, бурбонъ, солдатъ стараго закала, за что-то разсвирѣпѣлъ на насъ... кажется, ложу, что ли, забыли ему прислать; а тутъ, на тотъ грѣхъ, актеры наши пошумѣли въ трактирѣ, ну, онъ и отдалъ приказъ явиться намъ всѣмъ къ нему на лицо. Первое дѣло потребовалъ паспорты. Конечно, у многихъ ихъ-то и не оказалось. Напустился городничій на Жураховскаго и на всю труппу; бранными словами такъ и засыпалъ:

— Всѣхъ бы васъ комедіанщиковъ, сколько ни есть, слѣдовало услать туда, гдѣ рябчиковъ стрѣляютъ!...

Чортъ дернулъ меня на это отвѣтить:

— Полковникъ! вѣдь это дичь!

— Какъ? вскричалъ онъ, соскочивъ со стула: А?... Я говорю дичь?...

— Нѣтъ, полковникъ, это я про рябчиковъ говорю — дичь!

— Врешь, каналья!... Меня не надуешь!... Смѣяться вздумалъ надо мною?... Я жъ тебѣ покажу смѣхъ!... Эй! задыхаясь ревѣлъ городничій: — взять его!... Обрить голову и заковать въ кандалы!... Ты у меня будешь знать, какъ съ начальствомъ шутить!...

Такъ вотъ и погнали меня съ партіей воровъ и убійцъ по этапу въ Москву. Что я вытерпѣлъ на пути — сказать

невозможно!... Дойдя сюда, до Курска, я совсѣмъ изнемогъ. Спасибо г. смотрителю: онъ пріютилъ меня къ себѣ и присовѣтовалъ обратиться къ кому-нибудь изъ знакомыхъ актеровъ. Отъ него же я узналъ, что и ты, мой товарищъ-другъ, находишься здѣсь въ труппѣ, такъ и попросилъ написать тебѣ, чтобы повидаться.

— Радъ я, Дмитрій Андреевичъ, встрѣтить тебя! Но что могу сдѣлать? чѣмъ помочь?

— А вотъ чѣмъ, — обратился ко мнѣ Шагаровъ: сходите вы съ Васильковымъ къ г. вице-губернатору Селецкому и попросите отпустить г. Горева вамъ на поруки, — дѣло его не важное, — вѣроятно, вамъ не откажутъ.

Побесѣдовавъ съ ними, я простился, обѣщавъ исполнить совѣтъ Шагарова.

На другой же день мы съ Васильковымъ отправились къ вице-губернатору. Исправлявшій должность градоначальника г. Селецкій, по просьбѣ нашей, сдѣлалъ справку, по полученіи которой приказалъ освободить Горева и сдать намъ на поруки. Снарядили мы его, какъ прилично быть артисту, и немедля приступили къ составленію репертуара. Дебютировалъ Горевъ въ драмѣ „Отецъ и дочь“ ролью Доверстона. Жена моя играла Агнессу. Оба они были публикой приняты хорошо. Прежде женѣ Лизѣ я все отказывалъ въ ея просьбахъ играть въ драмахъ, и только теперь убѣдился, что она можетъ исполнять эти роли. А намъ именно такой актрисы и недоставало. Оживилась наша сцена! Задоръ обуялъ насъ такой, что мы рѣшились поставить съ Горевымъ: „Купца Иголкина“, „Парашу-сибирячку“, а напослѣдокъ удивить публику „Гамлетомъ“ Шекспира! Ну, и удивили!!... Я думаю, долго не забудутъ! Не говоря ужъ о жалкой обстановкѣ этой грандіозной драмы, роли-то изучить и исполнить было намъ не подъ силу. Вотъ какъ гласила афиша: Король — Лавровъ; Королева — Лаврова, Гамлетъ — Горевъ, Офелія — Гусева 2-я, Полоній — Васильковъ, Горацій — Максимовъ, и проч. О другихъ же, особливо о придворныхъ — лучше умолчать! Только Горевъ да мѣстами Лаврова и Гусева 2-я и были хороши, а всѣ мы, остальные, походили на шутовъ гороховыхъ... Право, даже вспомнить совѣстно!...

До третьяго акта, при помощи изрядныхъ пропусковъ, еще

кое-какъ плелись... Но вотъ наступила сцена представленія актеровъ. Роль злодѣя, который отравляетъ короля, исполнялъ почти глухой Поляковъ-старикъ. Жена его, боясь, что онъ суфлера не дослышитъ и навретъ, стала у кулисы подсказывать. До публики явственно доносились слова суфлера, а изъ-за кулисъ еще сильнѣе повторялъ ихъ какой-то злобный и хриплый голосъ. Несмотря на это, Поляковъ все-таки несъ чепуху.

— Яснѣе говори, старая дура! гнѣвно прошипѣлъ онъ женѣ. Та высунула изъ-за кулисъ злобное лицо и, тыча ему въ шею тетрадкой, въ отчаяніи крикнула:

— У!... глухая, плѣшивая крыса!... Чортъ тебя побери!... Не брался бы за роль, коли никуда не годишься!

Поляковъ, какъ видно, сильно оскорбился за эту брань, да еще высказанную при всѣхъ. Обернувшись, онъ схватилъ жену за косу — и давай ее трепать! Та, вѣроятно, не желая оставаться въ долгу, тоже, рванула съ него парикъ — и ну имъ размазывать по его лицу. На тотъ грѣхъ подмостки были построены на ко́злахъ; онѣ и такъ-то еле держались, а тутъ, какъ пошла эта баталія, конечно, не смогли выдержать. Сначала раздался скрипъ, какъ бы жалоба на такую выходку, а потомъ зашатались, зашатались, да съ трескомъ и шумомъ и рухнули! Въ публикѣ и на сценѣ поднялся общій хохотъ. Я, видя такую бѣду, вскочилъ и, убѣгая, закричалъ: „Занавѣсъ! Занавѣсъ!...“ Спасибо, машинистъ догадался скоро его спустить и тѣмъ прекратить безобразіе и суматоху. Съ Васильковымъ чуть ударъ не сдѣлался. Сперва-то посмѣялись мы надъ Поляковыми, а послѣ стало ихъ жалко. Бѣдные! они были безутѣшны и горько оплакивали свою виновность.

Въ четвертомъ дѣйствіи дѣло шло получше. Сцена съ королевой прошла не дурно. Гусева роль Офеліи тоже провела успѣшно, особенно въ пѣніи. Потомъ опять провалились, опять скандалъ!... Когда Гамлетъ съ Гораціо ведутъ сцену на кладбищѣ, въ это время надо было могильщику выкинуть черепа. Они и были, кое-какъ, слѣплены, да рабочій, которому поручили, должно быть, или забылъ, или затерялъ ихъ. Что дѣлать? Горевъ шепчетъ: „Могильщикъ, кидай черепъ!...“ Горацій тоже повторяетъ приказаніе,

а Васильковъ все копается подъ сценой и, не найдя, отвѣчаетъ:

— А гдѣ я возьму?... Нѣтъ ихъ!... Черти этакіе!...

— Ну, что-нибудь выкинь! настаивалъ Максимовъ.

Изъ-за кулисъ швырнули двѣ плошки. Одна изъ нихъ, налитая не то саломъ, не то масломъ какимъ, дѣлая дорожку, прямо подкатилась къ ногамъ Гамлета. Горевъ хотѣлъ поднять ее, но видя такую мерзость, плюнулъ, спросивъ Горацiо:

— Горацiо, что это такое?

Максимовъ, едва удерживаясь отъ смѣха, отвѣтилъ:

— Должно быть это осколокъ черепа Iорика, принцъ!

Нечего дѣлать! Пришлось Гамлету, стоя надъ плошкой, разсуждать о черепѣ Iорика.

А въ послѣднемъ дѣйствiи, когда начался поединокъ принца съ Лаэртомъ, мнѣ слѣдовало провозгласить тостъ въ честь Гамлета; глядь — кубковъ-то и нѣтъ! Какъ быть? Кричу за кулисы: „Подайте кубки!“ Мнѣ отвѣчаютъ: „Нѣтъ ихъ!... Пропали!... Нигдѣ не найдутъ и реквизотора съ ними!...“ Смотрю: придворный несетъ и ставитъ на столъ буфетный подносъ съ тремя стаканами и пустой бутылкой...

Въ такомъ-то вотъ видѣ и разыграли мы Гамлета принца Датскаго! Отличились, нечего сказать!

Мнѣ передавали, что Государь Николай Павловичъ, будучи въ Кiевѣ, пожелалъ видѣть пьесу: „Горе отъ ума“. Актеры кiевскiе такъ ее разыграли, что Государь плюнулъ и тутъ же отдалъ приказанiе, чтобы въ провинцiяхъ не смѣли играть эту пьесу. Хорошо, что онъ не видѣлъ нашего Гамлета!...

Постомъ антрепренеръ Васильевъ объявилъ намъ, что театръ содержать не будетъ, а если угодно составить общество на паяхъ, и будутъ барыши или убытки — все дѣлить безобидно. Пообсудивъ и подумавъ, мы согласились. Мы имѣли такую надежду: если не повезетъ весною, такъ Коренною ярмаркой выручимъ себя. Жаль, Горева у насъ отняли; изъ Москвы былъ присланъ приказъ — гнать его по этапу до мѣста. Снабдили мы его теплымъ платьемъ, а деньги, имъ заработанныя, вручили конвойному офицеру. Такъ и проводили бѣднягу.

Послѣ Пасхи, къ открытію спектаклей, понаѣхали актеры: Петръ Васильевичъ Самойловъ, Артуръ, Хрисанфовъ и др. Хотя при ихъ участіи репертуаръ и улучшился, но сборы все-таки были плохіе. Время межъ тѣмъ близилось къ Коренной. Для ярмарки стали готовить репертуаръ спектаклей на двѣнадцать. Въ это время неожиданно являются Теофиль Матвѣевичъ Домбровскій, а за нимъ Никулина-Косицкая съ мужемъ. Они предложили намъ свои услуги на ярмарку, но условія поставили такія, что согласиться на нихъ не было возможности; запросили они не много — не мало: половину сбора и два бенефиса въ лучшіе дни. Спасибо!... Конечно, мы имъ отказали. Никулина-Косицкая съ мужемъ тотчасъ же уѣхали въ Харьковъ. Домбровскій не сдавался. Задумалъ онъ отбить у насъ театръ и самому сдѣлаться антрепренеромъ, и нѣкоторыхъ изъ нашей труппы ужъ успѣлъ къ себѣ переманить. Артуръ и тутъ выказалъ себя подленькимъ человѣкомъ, — онъ первый къ нему передался. За Артуромъ потянулись: Самойловъ, Поляковы, Лебедева и другіе, только я, Максимовъ и Гусевы, съ прочими, уперлись и наотрѣзъ отказались войти въ ихъ составъ. Пока у нихъ шли совѣщанія, я тѣмъ временемъ посовѣтовалъ Василькову уѣхать поскорѣе въ Коренную и тамъ снять театръ. По пріѣздѣ его туда, думскіе члены, не видя конкурентовъ, отдали Василькову театръ за дешевую цѣну. Домбровскій отъ кого-то узналъ объ отъѣздѣ Василькова и тоже бросился въ Коренную, но опоздалъ: дѣло было сдѣлано. Послѣ этого ему пришлось намъ поклониться, чтобы его приняли. Актеръ онъ, особенно на малороссійскія роли, полезный, кромѣ того, великій мастеръ составлять спектакли. Мы ему дали 200 руб. сер. и ½ бенефиса за всю ярмарку. Вотъ какъ Домбровскій умѣлъ завлекать публику въ свои бенефисы, — я разскажу только одинъ случай изъ многихъ: служа въ Харьковѣ, онъ получилъ бенефисъ какъ разъ послѣ отъѣзда Самойловыхъ. Публика, насытившись игрою петербургскихъ знаменитостей, перестала посѣщать театръ. Друзья-актеры зло подтрунивали надъ Домбровскимъ, но онъ не унывалъ. Откопалъ онъ въ архивѣ театральной библіотеки пьесу, сочиненную на событіе Отечественной войны 1812 года; афишу напечаталъ громадную, какъ простыня, и вся-то она была по полямъ разрисована

военными баталіонами и дѣйствующими лицами, сверху изображена касса, у которой происходитъ давка публики изъ-за билетовъ. Программа изобиловала безчисленнымъ множествомъ отдѣленій и необычайно куріознымъ названіемъ*). Этого мало. Ухитрился Домбровскій выпросить у начальника артиллеріи позволеніе: въ день спектакля, утромъ, послѣ ученія, поставить мимоѣздомъ у театра нѣсколько пушекъ. Какъ ужъ онъ умаслилъ генерала, — Богъ его знаетъ! но только согласіе получилъ. Когда пушки подвезли къ театру, народу, поглазѣть на такую штуку, собралось множество.

— Что такое?... Зачѣмъ пушки?... спрашивали зѣваки.

А Домбровскій уже заранѣе подучилъ отвѣчать:

— Да, вотъ, ужо въ представленіи будемъ палить!

— Неужто?!..

— Вѣрно. Тутъ и заряды съ нами. Только до вечера не приказано стрѣлять: народъ испужаешь!...

Какъ и ожидать слѣдовало, неразумная, довѣрчивая публика и впрямь кассу осадила, да такъ, что сбора оказалось болѣе 2000 руб. асс. Конечно, пушекъ настоящихъ зрителямъ увидѣть не пришлось, зато угостили пустѣйшей, дрянной пьесой, съ копотью отъ ракетъ и бенгальскаго огня, — все жалкимъ манеромъ кидали изъ бумажныхъ и деревянныхъ орудій. Послѣ спектакля публика страшно ругала Домбровскаго и даже бить его хотѣла. Но панъ бенефиціантъ, забравъ кассу, поспѣшилъ убраться изъ театра.

1853.

Коренная пустынь.

12-го іюня отправились мы всей труппой въ Коренную ярмарку. Театръ тамъ былъ деревянный, безобразной постройки, но могъ вмѣщать публики на 1000 руб. сер. При зданіи для труппы имѣлись и квартиры. На сценѣ всѣ вмѣстѣ обѣдали и пили чай. Спасибо, случайно попался намъ хорошій оркестръ Быковскихъ музыкантовъ.

14-го іюня, въ воскресенье, открыли спектакли пьесой

*) У меня была эта афиша, — не знаю гдѣ затерялась.

„Параша-сибирячка“ и водевилями: „Цыганка“ и „Москаль чарівнікъ“ *).

Первое представленіе прошло хорошо. Публика осталась довольна.

Все намъ ладилось. Сборы были отличные; лучше чѣмъ мы ожидали.

Въ пятницу 19 іюня, по обычаю, приносятъ въ Коренную пустынь образъ Курской Божіей Матери. Шествіе чрезвычайно торжественное. За иконой шли архіерей, губернаторъ и вообще городскія власти, за ними купечество, горожане и громадная толпа народа. Богомольцевъ сошлось такъ много, что, несмотря на 28-верстное разстояніе, голова шествія была у Коренной, а хвостъ протянулся чуть ли не до Курска. Крестьяне-односельцы шли партіями. Каждая изъ нихъ имѣла свой значокъ или замѣтку. Надъ одними виднѣлся на длинномъ шестѣ лапоть, надъ другими развѣвался пукъ ковыля-травы, надъ третьими сапогъ или шляпа, да всего и не перечесть! Впереди, у образовъ, раздавалось стройное пѣніе пѣвческаго хора, сзади же, далеко, наши православные плелись веселыми ногами... И вообще надъ всей этой живой стѣной, утопающей въ непроглядномъ пыльномъ воздухѣ, стономъ стоялъ говоръ и возгласы народа, а тамъ, вдали, съ разныхъ сторонъ, во всю мощь неслась русская пѣсня, то заунывная, то развеселая...

Вечеромъ въ театрѣ въ этотъ день шелъ бенефисъ Домбровскаго. Но здѣсь ему не пришлось куралесить вычурной афишей: репертуаръ уже заранѣе былъ утвержденъ съ общаго согласія; никакихъ балаганныхъ причудъ не допускалось. Сбора спектакль этотъ далъ 700 руб. сер. Въ суб-

*) Затѣмъ были поставлены въ разное время: *„Отецъ и дочь“*, *„Козьма Рощинъ“*, *„Скопинъ Шуйскій“*, *„Купецъ Иголкинъ“*, и пр. и пр. При нихъ шли водевили и оперетты: *„Мнимый невидимка“*, 3-й актъ *„Аскольдовой могилы“*, *„Невѣста рѣки“*, *„Суженаго конемъ не объѣдешь“*, *„Анютины глазки“*, *„Отелло на Пескахъ“*, *„Дебютантка“*, *„Взаимное обученіе“*, *„Бѣда отъ нѣжнаго сердца“*, *„Бѣдовая дѣвушка“*, *„Жидъ въ бочкѣ“*, *„Ямщики“* и нѣкоторыя малороссійскія пьесы и сцены.

боту и въ воскресенье также получили мы около 2000 р. с. Въ понедѣльникъ, хотя уже и нельзя было ожидать столько же прибыли, но, все-таки, надѣялись получить не мало. Вдругъ неожиданно губернаторъ потребовалъ, чтобы мы помѣстили въ антрактахъ извѣстнаго скрипача Аполинарія Контскаго. За это добрый начальникъ обязалъ насъ уплатить Контскому двѣ трети сбора. Досадно и обидно намъ было такое безцеремонное и нахальное вмѣшательство этой извѣстности!... Вѣдь тутъ бьются-колотятся изъ-за куска хлѣба десятка три бѣдныхъ тружениковъ... Но дѣлать нечего! противъ сильной власти намъ противиться было нельзя... согласились...

Вечеромъ спектакль посѣтила вся бывшая здѣсь знать. Конечно, Контскій имѣлъ большой успѣхъ; его встрѣчали и провожали шумными оваціями. Сбору было болѣе 1000 руб. сер. Учтя ему всевозможные расходы, мы, все-таки, получили болѣе половины. Послѣ этого спектакля, хотя мы играли до 26-го числа, сборы пошли все слабѣе и слабѣе. Покончивъ дѣло, всѣхъ служащихъ на жалованьи разочли съ наградами. Пайщикамъ досталось столько, что и не ожидали! Я, напримѣръ, съ женою, за двѣ большія доли, имѣлъ, за расходами, 840 руб. сер. — это, значитъ, пришлось намъ съ женою за каждый спектакль по $53^1/_3$ руб., — хорошо!

Въ субботу 27-го іюня, угостившись послѣднимъ общимъ обѣдомъ, мы, не безъ сожалѣнія, простились другъ съ другомъ и на другой же день разъѣхались кто куда пожелалъ. Я съ своимъ семействомъ уѣхалъ въ Тулу.

Тула и Калуга.

Въ Тулѣ я увидѣлъ, что театральныя дѣла шли очень плохо; актеры собрались все ненадежные, и притомъ жили не въ ладу. „Нѣтъ!“ подумалъ я: „нечего тутъ дѣлать, поѣду въ Калугу“. Такъ и сдѣлалъ.

Въ Калугѣ оказался содержателемъ театра Смирновъ, который былъ антрепренеромъ въ Тулѣ. На расплату съ актерами человѣкъ онъ былъ неаккуратный, а по жизни — скупой и грязный. Но какъ время для насъ наступило самое

глухое, то и рѣшился я до осени пожить здѣсь, а чтобы не связывать себя, уговорился играть у него по 10 руб. сер. за спектакль.

Послѣ пожара въ 1851 году для представленій отвели старый, полуразрушенный не то павильонъ, не то сарай въ городскомъ саду, на краю города. Около этой мѣстности нашелъ я себѣ хорошенькую квартирку и зажилъ отлично, словно на дачѣ.

Тутъ, на свободѣ, сталъ я разбирать и приводить въ порядокъ свои записки. Для этого собралъ афиши и письма, которыхъ было не одна сотня. Къ сожалѣнію, многихъ интересныхъ афишъ не оказалось. Думаю — кто-нибудь изъ товарищей-актеровъ завладѣлъ ими. Это я замѣтилъ потому, что въ бумагахъ, вмѣстѣ съ афишами, находилось мое письмо къ К. Н. Полтавцеву, писанное ему въ Воронежъ изъ Таганрога въ 1849 году. Его не разъ у меня выпрашивали и даже покупали. Письмо это замѣчательно тѣмъ, что на одномъ почтовомъ листѣ большого формата, сложенномъ въ два полулиста отдѣльно, стало-быть на восьми страницахъ, я ухитрился написать двухъ-актную пьесу *„Джарвисъ, страдалецъ чести“*; при этомъ еще помѣстилъ и свое посланіе къ Полтавцеву. Писано оно такъ по необходимости: въ то время посылки съ пьесами на Таганрогской почтѣ иначе не принимали, какъ только съ дозволенія градоначальника или дирекціи. Чтобы избѣжать этихъ формальностей, я и написалъ въ письмѣ. Когда въ Воронежѣ получили мое посланіе, то не многіе могли прочитать, такъ мелко было написано. Помнится, въ немъ помѣстилось болѣе 1300 строкъ.

Изъ замѣтокъ и афишъ я выписалъ себѣ на память репертуаръ игранныхъ мною ролей, начиная съ октября 1844 года и доведя до 10 іюля 1853 года. Вотъ онъ:

„Боцманъ“, др. въ 1 д., съ франц., Тарн. и Руднева . .	*Пьеръ Вале.* *Фишу.*
„Влюбленный жидъ“, шутка въ 1 д., Шаховского	*Ант. Байбакъ.*
„Аскольдова могила“, опера. Муз. Верстовскаго	*Торопка.*
„Сиротка Сусанна“, вод. въ 2 д., Григорьева	*Интропидъ.*
„Москаль чарівнікъ“	*Солдатъ.* *Финтикъ.*
„Гамлетъ Сидорычъ“, фарсъ въ 1 д., Д. Ленскаго . . .	*Сидорычъ.*
„Мотя“, вод. съ фр., Тарновскаго	*Окуньковъ.*

„Водевиль съ переодѣваньемъ“, вод. въ 1 д., Крестовскаго — *Шестаковскій.*
„Барская спесь“, вод. въ 1 д., съ фр., Ленскаго . . . . *Иванъ.*
„Любовное зелье“, опер. въ 1 д., съ фр., Ленскаго . . *Жанъ-Бижу.*
„Бѣда отъ сердца и горе отъ ума“, ком.-вод., Кони . . *Муромскій.*
„Путаница“, вод. въ 1 д., Ѳедорова . . . . *Огрызковъ.*
„Что имѣемъ — не хранимъ“, ком.-вод. въ 3 д., Куликова *Пѣтуховъ.*
„Заколдованный принцъ“, ком.-вод. въ 3 д., Куликова . . *Гансъ.*
„Дочь русскаго актера“, вод. въ 1 д. . . . . *Ушица.*
„Скопинъ-Шуйскій“, др. въ 5 д., Кукольника . . . . . . *Де-Лагарди. Яша.*
„Булочная“, вод. въ 1 д., П. Каратыгина . . . . *Карлуша.*
„При счастьѣ бранятъ“, съ фр., Ѳедорова . . . . *А. Кокро.*
„Цырюльникъ на Пескахъ“, вод. въ 1 д., Каратыгина . . *Густавъ. Солдатъ.*
„Хочу быть актрисой“, вод. въ 1 д. . . . . *Оховъ.*
„Ямщики“, вод.-интерм. въ 1 д., Григорьева . . . . . . *Староста. Горюнъ.*
„Кетли“, оперетка, съ фр., Ленскаго . . . . *Сенвиль. Рутли.*
„Цыганка“, вод. въ 1 д., Крестовскаго . . . . *Горскій. Мякишевъ.*
„Ревизоръ“, ком. въ 5 д., Гоголя . . . . *Хлоповъ. Судья. Земляника.*
„Довольно!...“ вод., Ѳедорова . . . . *Веснушкинъ.*
„Скупой“, ком. Мольера, пер. Аксакова . . . . *Жакъ.*
„Полюбовный дѣлецъ“, шутка въ 1 д. . . . . *Пишо.*
„Тереза, женевская сирота“, др., съ фр., Кокошкина . . *Матуринъ.*
„Записки демона“, Араго и Вермона, съ фр. . . . . . . *Ла-Рапиньеръ. Матуринъ.*
„Герой изъ 1001-ой ночи“, вод. въ 1 д. . . . . *Перушкинъ. Прутиковъ.*
„Другихъ спасай, самъ въ петлю полѣзай“, ком.-вод. . . *Лопуховъ.*
„Чиновникъ особыхъ порученій“, вод., Каратыгина . . . *Задоринъ. Балясинъ.*
„Разбитая чашка“, вод. въ 1 д., съ фр., Каратыгина . . *Перро.*
„Дочь шута“, др. съ англ., В. Каратыгина . . . . *Коссе.*
„Солдатъ-балагуръ“, вод. въ 1 д., Григорьева . . . . . *Василій.*
„Заколдованный домъ“, др. въ 5 д., съ фр., В. Каратыгина *Лермитъ.*
„Каспаръ Гаузеръ“, др. съ фр., Вольберга . . . . *Фрицъ.*
„Жена и карты“, вод. въ 1 д., Григорьева . . . . *Закромовъ.*
„Отецъ и дочь“, др. въ 5 д., съ итал., Ободовскаго . . *С. Мельвиль.*
„Двумужница“, др. въ 5 д., кн. Шаховского . . . . . . *Башлыкъ. Иванушка.*
„Макаръ Алексѣевичъ Губкинъ“, оп.-вод., Григорьева . . *Губкинъ.*
„Ужасная пустыня“, мелодр. съ фр., Авренкура . . . . *Жакъ.*
„Много шуму изъ пустяковъ“, вод., съ фр., Яблочкина . *Польтронъ.*

„Полковникъ старыхъ временъ", вод. въ 1 д., съ фр. . . *Генрихъ. Октавъ.*
„Домовой или тайна дѣвушки", съ фр. . . . . *Баронъ.*
„Морской праздникъ въ Севастополѣ", 4 карт. . . . . . *Сеня.*
„Ворова въ павлиньихъ перьяхъ", вод. въ 3 д. . . . . . . *Шаровъ.*
„Дѣвушка-гусаръ", вод. . . . . *Лерманъ.*
„Утка и стаканъ воды", вод. въ 2 д. . . . . *Рыжовъ. Глыбинъ.*
„Женихъ въ мѣшкѣ, невѣста въ корзинкѣ", вод., съ фр. . *Паскаль.*
„Что и деньги безъ ума", вод. въ 1 д., съ фр. . . . . *Жеромъ.*
„Филатка и Мирошка", шутка-вод. въ 1 д. . . . . *Филатка. Мирошка.*
„Мнимый невидимка", оперетта въ 2 д. . . . . *Любосмѣховъ.*
„Отцовское проклятье", др. въ 2 д., съ фр. . . . . . *Клектонъ.*
„Ослиное молоко", вод. въ 1 д., съ фр. . . . . *Буврель.*
„Вдова и тюрьма", вод. . . . . *Куроѣдовъ.*
„Чортова волынка", оперетка въ 2 д. . . . . *Неизвѣстный.*
„Горе отъ тещи", вод. въ 1 д. . . . . *Курскій.*
„Небывалый бракъ", вод. въ 1 д., съ фр. . . . . *Мюзаръ.*
„Моя жена выходитъ замужъ", въ 1 д. . . . . *Любимъ.*
„Гамлетъ", траг. въ 5 д, Шекспира, пер. Полевого. . . *Король. Іорикъ. Горацiо. Могильщикъ.*
„Новый Самiэль", вод. . . . . *Чертовичъ.*
„Швейцарская хижина", опера Адама . . . . *Францъ.*
„Цампа", опера въ 3 д., Герольда . . . . *Альфонсъ. Данiель. Дондоло.*
„Суженаго конемъ не объѣдешь", оп.-вод., съ фр. . . . . *Эрнестъ.*
„Бабушкины попугаи", оперетта въ 1 д., съ фр. . . . . *Флорвиль.*
„Женщина-лунатикъ", оп.-вод. въ 3 д. . . . . *Лидинъ.*
„Дочь 2-го полка", оп.-вод въ 2 д., съ фр. . . . . . . *Антуанъ.*
„Невѣста рѣки", оперетта въ 2 д. . . . . *Артуръ.*
„Ночь послѣ бала", вод. въ 1 д., съ фр. . . . . *Тимолеонъ.*
„Ямъ", опера . . . . *Андрей.*
„Чортова мельница", опера въ 4 д. . . . . *Гансъ.*
„Живая покойница", драма . . . . *Цыганъ.*
„Два Эдмонда", вод. въ 1 д., съ фр. . . . . *Эдмондъ.*
„Параша-сибирячка", др. въ 3 д., Полевого . . . . . . *Добровъ.*
„Мнимая Фанни", вод. въ 1 д. . . . . *Городничій.*
„Женщина-разбойникъ", ком.-вод. . . . . *Креписсаръ.*
„Козьма Рощинъ", др. . . . . *Ильменевъ.*
„Альбомъ Обличитель", опера въ 2 д., М. Риссо . . . . *Зорскій.*
„Хороша и дурна", вод. въ 1 д. . . . . *Емельянъ.*
„Материнское благословенiе", др. въ 5 д., съ фр. . . . *Пьеро.*

„Поддѣльная Швейцарія“, оперетка-вод. . . . . *Рутли.*

„Отелло на Пескахъ“, шутка въ 1 д., Каратыгина . . . { *Поджогинъ.* / *Отъѣловъ.* }

и пр. и пр.

Конечно, изъ всего этого списка, за девять лѣтъ, многія роли мнѣ не удались, но и гораздо талантливѣе и опытнѣе меня актеры, случалось, играли не лучше. Причиною тому было то, что мы не успѣвали ни выучить, ни срепетировать хорошенько: бывало нынче дадутъ роль, а завтра играй!... Я уже не говорю о ярмарочномъ времени. Да притомъ антрепренеры и дирекціи, зачастую, совершенно противъ воли, принуждали играть роли и не по характеру, и не по силамъ. Разсуждать не смѣли, особенно, если находились въ долгу и безъ паспорта. Исключенію подлежали немногіе, преимущественно только тѣ, которые составили себѣ большую извѣстность, или имѣли денежныя средства.

Въ 20-хъ числахъ іюля въ Калугѣ появилась холера, переполохъ она надѣлала ужасный! Должно быть городокъ-то былъ удобенъ и пріятенъ для этой гостьи, что при ея появленіи больныхъ и умирающихъ оказалось множество. Губернаторъ, архіерей и другія власти, какъ сказывали, повыѣхали изъ города. Жители, видя такую напасть и не имѣя ни отъ кого помощи, ободренія, задумали прибѣгнуть къ религіозному утѣшенію. Обратились они къ духовенству, чтобы вкупѣ съ архипастыремъ отслужить молебенъ Господу Богу и Божіей Матери. Тѣ, конечно, готовы были исполнить ихъ желаніе, но безъ разрѣшенія властей на это не рѣшались. Выборные съ просьбою отправились къ начальству, но въ городѣ его не оказалось. Какъ быть? Шумъ и смятеніе сдѣлались всеобщіе. Спасибо, полицеймейстеръ гдѣ-то въ монастырѣ отыскалъ владыку и упросилъ пріѣхать въ городъ, чтобы исполнить желаніе горожанъ. Торжественно, со всѣмъ духовенствомъ, отслужили молебенъ на городской площади, но, видно, Господь Богъ прогнѣвался на калужанъ: холера послѣ этого пошла косить еще сильнѣе, захватила, злодѣйка, изъ нашей труппы человѣкъ двухъ; заболѣла и моя маленькая дочка Варенька. Бросился я къ докторамъ, но ни одного не могъ найти; оказалось, они собрались у кого-то изъ своихъ собратовъ да тамъ

и пирують себѣ на славу. Какъ ни просилъ, какъ ни умолялъ я оказать помощь, — нѣтъ!... никто изъ нихъ не поѣхалъ. Со злостью плюнулъ я и, обругавъ ихъ всѣхъ людоморами, сотрудниками холеры, побѣжалъ вонъ изъ этого вертепа безжалостныхъ людей. Спасибо, дорогой попался мнѣ знакомый, который указалъ старичка-доктора. Придя къ нему, я и тутъ увидѣлъ несчастіе: сидитъ онъ, бѣдный, у гроба своей дочери, поникнувъ головою; но все же, выслушавъ мою просьбу, далъ мнѣ совѣтъ, слѣдуя которому, я дѣйствительно исцѣлилъ свою дѣвочку, — дай Богъ ему здоровья!

Однако жутко да и скучно стало жить въ Калугѣ; театръ прекратилъ дѣйствія. Порѣшилъ я въ августѣ отправиться съ семействомъ въ Москву.

Москва.

Бѣлая зала.

Наконецъ я въ знаменитой бѣло-мраморной залѣ Барсова трактира! Она весною и осенью, а особенно Великимъ постомъ всегда бываетъ биткомъ набита провинціальными актерами. Тутъ, какъ на биржѣ, происходила оживленная торговля театральнаго люда со всегдашними ихъ утѣснителями — антрепренерами театровъ. Изъ всѣхъ четырехъ странъ Россіи, словно птицы перелетныя, слетались сюда актерики. Вначалѣ поста являлись сперва изъ ближнихъ городовъ, а потомъ прибывали и изъ дальнихъ мѣстъ. Вотъ уже можно сказать:

„Какая смѣсь одеждъ и лицъ,
Племенъ, нарѣчій, состояній!...“

Опытный глазъ, по наружному виду, могъ отгадать — къ какому амплуа принадлежалъ одинъ или другой актеръ. Любовники всегда щеголеватѣе и цвѣтистѣе другихъ; почти всѣ пальцы ихъ рукъ бываютъ унизаны кольцами съ разноцвѣтными каменьями; всѣ любовники очень заняты собою и часто заглядываютъ въ зеркала. Трагики и комики, смотря по достатку, выглядываютъ: кто побогаче, кто побѣднѣе; извѣстности или счастливые отличаются, какъ и любаши, массивными золотыми цѣпочками у часовъ и такими же перстнями. Въ бесѣдѣ трагическій актеръ разговоръ ведетъ зычнымъ голосомъ и при этомъ смотритъ серіозно, внушительно. Комики

не то, — они всегда веселы, шуточки, остроты такъ и летятъ отъ нихъ во всѣ стороны. Но бываютъ и такіе, что едва удостоиваютъ бѣдныхъ собратовъ своимъ разговоромъ, а то все время сидитъ себѣ за водкой, да сопитъ, — это комики Островскаго репертуара, подражатели Садовскаго. На иныхъ, какъ, напримѣръ, у Алексѣя Алексѣевича Ленскаго, для шику, перстень надѣтъ на большой палецъ лѣвой руки, — шутники увѣряютъ, что это дѣлается для какого-то удобства во время картежной игры... Затѣмъ остальная братія составляютъ большею частію голытьбу; эти и одѣты плохо, и живутъ почти всегда въ бѣднотѣ. Къ такому разряду принадлежатъ: вторые любовники, простаки, резонеры, благородные отцы, декораторы, суфлеры и проч.

Съ пріѣзда, первые дни, актерики ведутъ себя бойко, тратятъ безъ расчета, къ предложеніямъ небогатыхъ содержателей относятся съ пренебреженіемъ и гордостію, цѣну наносятъ себѣ несоразмѣрную. Самые хвастливые при сдѣлкахъ громко восклицаютъ:

— Нѣтъ, батенька! На такихъ условіяхъ хорошаго актера, какъ я, взять нельзя!... Мы, вѣдь, какія пьесы карёжимъ — страхъ! Да-съ!... А съ успѣхомъ какимъ!... Вызовамъ-то и конца не бываетъ!... Такъ-то!... Вонъ тамъ, за столомъ сидятъ такіе, на вашу цѣну подходящіе... ихъ и приглашайте, а мы подождемъ!...

Антрепренеры или довѣренные отъ дирекцій такими возраженіями обыкновенно нисколько не смущаются; они знаютъ эту тактику до тонкости. Посидятъ, побалагурятъ, даже угостятъ, а потомъ уйдутъ себѣ преспокойно; имъ хорошо извѣстно, что актерская твердость и спесь держатся, пока есть деньжата въ карманѣ, но какъ только порастратятся хорошенько — тотъ же крикунъ поетъ уже другую пѣсенку, совсѣмъ ручной дѣлается. Ну, конечно, этимъ обстоятельствомъ набирающіе труппу и пользуются. Вторые персонажи и другой людъ дѣло ведутъ прямѣе: имъ бы поскорѣе уговориться да взять деньжонокъ въ счетъ будущихъ благъ. Нѣкоторые бѣдняки, по протекціи первачей, попадаютъ на мѣста большею частію безъ всякаго условія. Впрочемъ, и антрепренеры тоже держатъ ухо остро... всякому вѣдь хочется взять кого получше, полезнѣе; пропойцевъ, хотя и

талантливыхъ, по возможности, обходятъ. Но иногда, если спросъ великъ, антрепренеры, не теряя времени, быстро рѣшаютъ дѣло и съ хорошими и съ посредственными актерами, — тутъ перевѣсъ остается на сторонѣ актеровъ.

Въ этотъ пріѣздъ мой актерики сильно пріуныли: спросу не было. Скромно сидѣли себѣ по нѣскольку человѣкъ за тремя парами чая да съ грустью посматривали на входную дверь, но хорошіе антрепренеры или довѣренные все не являлись. Недавно повертѣлись между нами Ивановъ изъ Костромы да Смирновъ изъ Ярославля, но эти содержатели были такого рода, что къ нимъ ѣхали только тѣ, которымъ уже некуда дѣться. Смотримъ — и эти, позахвативъ кого возможно, уѣхали по своимъ мѣстамъ. Сентябрь шелъ на исходъ. Многіе изъ товарищей отправились, кто по заочному приглашенію, а кто — такъ себѣ, на авось; а я, съ оставшимися горемыками, каждый день все ходилъ въ опустѣлую залу и все ждалъ — не придетъ ли хоть какой-нибудь плюгавенькій содержатель. Пожалѣлъ я тутъ, зачѣмъ отказалъ Иванову и Смирнову. Правда, у нихъ ужъ очень мизерное жалованье, да и бенефисы грошовые, — тоже и ѣхать-то къ нимъ не сладость! Въ одинъ изъ печальныхъ дней ожиданья сидѣлъ я за чайкомъ съ Егоромъ Браво, Владиміромъ Линдротомъ, Павловымъ (Веревкинъ) и Рѣшимовымъ. Стали мы строить планы, какъ бы намъ составить товарищество и снять гдѣ-нибудь театръ, какъ вдругъ, къ нашему столу подходитъ артистъ Императорскихъ Московскихъ театровъ Ѳедоръ Кондратьевичъ Сахаровъ. Побалакавъ о томъ, о семъ, онъ предложилъ всѣмъ намъ поѣхать въ Рязань: тамъ учредилась дирекція подъ вѣдѣніемъ откупщика Дениса Осиповича Нѣмцова и правителя дѣлъ губернатора, Евгенія Михайловича Бернардъ. Конечно, такому неожиданному случаю мы очень были рады; тутъ же сейчасъ и условія подписали.

Рязань.

Театръ, въ которомъ я прежде игралъ, теперь былъ перестроенъ заново какъ внутри, такъ и снаружи. Для устройства машинъ и декорацій выписанъ изъ Москвы машинистъ-декораторъ Императорскихъ театровъ Іосифъ Карловичъ Браунъ.

Труппа составилась такая: Ѳ. К. Сахаровъ, Гумилевскій съ женою, я съ женою, Линдротъ съ женою, двѣ сестры Соколовы (тамбовскія), Браво, Павловъ, Рѣшимовъ, Барсовъ, Большаковскій и двѣ молоденькія актрисы — танцовщицы изъ экстернъ Московской дирекціи. Впослѣдствіи присоединились къ намъ Днѣпровскій и Выходцевъ съ женою (Корина). Репертуаръ шелъ все больше изъ легкихъ драмъ, оперетокъ, комедій и водевилей. Пьесы Островскаго, какъ новость, давали чаще другихъ. Въ этотъ сезонъ пріѣзжалъ въ Рязань на нѣсколько спектаклей Василій Игнатьевичъ Живокини. При немъ я игралъ Торопку въ 3-мъ актѣ „Аскольдовой", В. И. остался очень доволенъ моимъ исполненіемъ; онъ, даже совѣтовалъ мнѣ ѣхать въ Москву на дебюты. Браунъ, тоже, съ своей стороны, одобривъ, сказалъ, что въ Москвѣ на эту роль у меня нѣтъ соперниковъ; А. О. Бантышевъ оставилъ сцену. Какъ ни соблазнителенъ и заманчивъ былъ ихъ совѣтъ, но пуститься играть въ Императорскомъ театрѣ — подумать страшно! Тамъ все такіе великіе и знаменитые артисты! Куда намъ, провинціальнымъ, соваться играть съ ними! ну, какъ осмѣютъ да ошикаютъ!... Вѣдь послѣ этого въ провинцію и носа не показывай! Нѣтъ, Богъ съ ними и съ театромъ-то Московскимъ! Да притомъ, какъ я, безпаспортный, явлюсь въ столицу? Въ провинціи-то вотъ сколько времени проживаю безъ всякаго вида — и ничего! начальство мирволитъ, не трогаетъ, а тамъ, какъ разъ сцапаютъ, да и перешлютъ на родину! Такъ и отказался.

При вліяніи на общество Нѣмцова, какъ откупщика, да еще и при содѣйствіи губернатора Петра Петровича Новосильцева, а больше того его жены Миропы Александровны, дѣла по театру шли отличныя. Въ довольствѣ, весело прожили мы этотъ зимній сезонъ въ Рязани.

1854 годъ.

Весною изъ Таганрога пріѣхала моя свояченица, актриса А. Ѳ. Розанова, и съ ней извѣстный въ провинціи актеръ Егоръ Осиповичъ Петровъ (Дебуаръ). Оба они съ большимъ успѣхомъ сыграли нѣсколько спектаклей. 6-го іюня была ихъ свадьба, послѣ которой они, по приглашенію, уѣхали въ Казань.

Въ этотъ и слѣдующіе годы стряслась надъ нами бѣда: наступила восточная война, для нея пошли грозные солдатскіе наборы. Хотя наши патріотическія представленія и приводили публику въ воинственный задоръ, но тѣмъ не менѣе горе и унынie виднѣлись повсюду. Призадумался и я, получивъ письмо отъ родныхъ изъ Темникова. Они увѣдомляли, что общество наше намѣрено всѣхъ бѣгуновъ и неплательщиковъ сдать въ солдаты, и есть слухи, что сдѣлано распоряженіе къ розыску такихъ людей. Метнулся я просить помощи у губернатора и у директоровъ. Начальникъ города обнадежилъ тѣмъ, что безъ особой крайности не выдастъ меня, а Нѣмцовъ посовѣтовалъ ѣхать на родину и тамъ нанять охотника, деньги на наемъ обѣщалъ выслать по первому требованію, и на всякій случай далъ мнѣ рекомендательное письмо съ просьбою о содѣйствіи къ Алянчиковымъ въ Касимовъ и Темниковъ, гдѣ они содержали винный откупъ.

„Ну!“ подумалъ я, идучи дорогой отъ нихъ: „теперь, при такомъ покровительствѣ, Богъ дастъ, не пропаду“.

Оказалось, что защита и такихъ сильныхъ лицъ не помогла бы мнѣ, если бъ не спасъ письмоводитель жандармскаго полковника. Онъ, по дружбѣ и расположенію къ актерамъ, прибѣжалъ ночью ко мнѣ съ увѣдомленіемъ, что пришла бумага съ приказомъ схватить меня и отправить въ городъ Темниковъ. При этомъ онъ далъ мнѣ совѣтъ: не теряя времени, куда-нибудь скрыться; нельзя оставаться даже до утра. Сразила меня эта неожиданная вѣсть, не зналъ — за что и какъ приняться. Спасибо, товарищи поддержали и все къ отъѣзду устроили. Тяжко было разставаться съ семействомъ при такихъ обстоятельствахъ. Милыя дѣти! они спали себѣ спокойно... Цѣлуя и крестя, я облилъ ихъ горькими слезами. Прощайте!... Храни васъ Богъ!... Съ рыданьемъ упалъ я въ телѣгу; ямщикъ свистнулъ на лошадей; колокольчикъ зазвенѣлъ какъ-то печально... Вмѣстѣ съ товарищами скоро очутились за городомъ. Здѣсь, простясь съ ними, я быстро помчался по дорогѣ къ Касимову. Это было въ концѣ іюня мѣсяца 1854 года.

Касимовъ.

Пріѣхавъ въ Касимовъ, я обратился къ Алянчиковымъ съ письмомъ отъ Д. О. Нѣмцова. Эти добрые люди сдѣлали мнѣ ласковый пріемъ; отъ нихъ я получилъ письмо къ ихъ родственнику, управляющему откупомъ въ Темниковѣ; съ своей стороны они обѣщали мнѣ всякое содѣйствіе. Погостивъ у нихъ дня три, отправился я дальше.

По дорогѣ въ Темниковъ.

Передаточный возница мой послѣдней станціей все ѣхалъ лугами, которымъ, кажется, и конца не было. Повсюду виднѣлись озера и болота. Утокъ, гусей и всякой дичи виднѣлось множество. Вотъ бы гдѣ поохотиться!... По дорогѣ, мѣстами, встрѣчались такія топи, что лошади еле могли ноги вытаскивать.

— Да ты, ямщикъ, зачѣмъ такой дорогой поѣхалъ? спросилъ я.

— А здѣся, хозяинъ, много ближе буде!... Вотъ, толичко, заберемъ на бугорокъ, гдѣ боръ-то пойдетъ, — за лѣсомъ-то до города рукой подать!

— Ну, ну, ладно!... Ѣзжай скорѣе.

Вскорѣ изъ низины поднялись мы на песчаный бугоръ, окруженный вѣковымъ лѣсомъ. Полусонный ямщикъ мой, нагнувшись, раскачивался то въ ту, то въ другую сторону; по временамъ онъ, вздрагивая, поднималъ голову и оглядѣвшись дремотными глазами, торопливо подхватывалъ возжи и при этомъ, взмахнувъ кнутомъ, безсвязно, хриплымъ голосомъ произносилъ:

— Эй, вы, други!... Заснули... Ну-у!...

Но лошадки только метнутъ хвостами и идутъ себѣ, еле передвигая ноги, а возница мой снова начинаетъ клевать носомъ.

Въ кибиткѣ, обитой рогожами и внутри украшенной причудливыми узорами фольгой, сидѣлъ я, задыхаясь отъ жары. Задумчиво смотрѣлъ я на лѣсъ, тянувшійся безпрерывно, и на сыпучій раскаленный песокъ, по которому такъ трудно было ѣхать, и па небо, чудное, безпредѣльное голубое небо!

По лазури, догоняя другъ друга, неслись „вѣчные странники“!... Какъ хорошо! Такъ же, какъ и на морѣ: тамъ вода и небо, и тутъ лѣса и небо!... Только море всегда будетъ красоваться и существовать, а лѣса — увы! — скоро исчезнутъ; корысть и жадность, какъ и въ другихъ мѣстахъ, наложатъ на нихъ свои алчныя, неправедныя руки... Впереди на дорогѣ завидѣлъ я покачнувшійся на бокъ полосатый столбъ — версту. „Нѣмецъ стоитъ!...“ подумалъ я.

— Ну, ну, родимые!... Соколики... Ну, дружнѣе!... Недалеко!... Вытягивай!... наставительно прикрикнулъ проснувшійся ямщикъ, слѣзая съ передка.

— А что, ямщикъ, тутъ поселокъ какой будетъ намъ впереди? спросилъ я.

— Какъ же, хозяинъ! Есть недалечко! верстовъ пятокъ до выселокъ-то. Тамъ я маленько дамъ лошадкамъ вздохнуть. Вонъ на бугрѣ-то значокъ... это пчельникъ Селифановъ. Отъ него — возлѣ... Вотъ тебѣ, хозяинъ, гдѣ поохотиться, — за евтой пасѣкой!... Какія озера!... Птицы всякой видимоневидимо!... Какъ буду кормить, — сходи.

— А что ты думаешь?... И вправду! Спасибо, что надоумилъ, а то у меня ружье-то давно ужъ заряжено, надо выстрѣлить. Фу!... какъ жарко!... Постой-ка, братъ, я слѣзу да промнусь.

Ямщикъ съ лошадьми, утопая въ пескѣ, скрылись за поворотомъ лѣса, а я направился къ значку, гдѣ была пасѣка.

На пчельникѣ.

— Здорово дѣдушка! Богъ тебѣ на помощь!

— Спасибо, кормилецъ! спасибо!

— Что, пчелки твои хорошо разводятся?

— Благодареніе Господу Богу — роятся! А твоя милость откеля?

— Ѣду я по обѣщанію въ Саровскую пустынь. Здѣсь вотъ, въ вашей деревнѣ, мой извозчикъ лошадей кормитъ, а я отъ скуки пошелъ сюда поохотиться.

— Что жъ, хорошо! У насъ на лугахъ, къ Мокшѣ-то, всякой птицы довольно, поохотиться можно... особливо вотъ тутъ, на озерахъ, чтò утокъ, гусей — просто сила! Это, какъ

зорькой пойдешь по воду — такой крикъ, такое полосканье подымутъ...

— Да теперь очень жарко! и опять же въ моихъ сапогахъ нельзя по мокротѣ ходить. Позволь-ка присѣсть, старинушка!

— Садись, кормилецъ, садись!

— Что это, сколько у тебя тутъ пустыхъ колодокъ стоитъ? про запасъ что ли?

— Да... про запасъ... а кои, вонъ, и съ пчелками были, да извели у меня ихъ... добавилъ старикъ, вздохнувъ.

— Какъ же это?

Пчелинецъ мелькомъ, но пытливо взглянулъ на меня и продолжалъ:

— Человѣкъ ты проѣзжій... сказать тебѣ можно... Въ третій вотъ разъ завожу пчелокъ-то... Допрежъ у меня ульевъ-то было десятковъ пять... Да наѣхалъ отъ барина управляющій изъ Питера, нѣмецъ ли, то ли жидъ, прахъ его знаетъ! Ну и пошелъ всѣмъ вертѣть! Смотóрилъ всѣхъ крестьянъ... Что у народа было хлѣбца про запасъ въ одоньяхъ — все продалъ! Скотинку, птицу какую — тоже... У меня и другихъ — пчелокъ поотнималъ... Деньги, говоритъ, барину нужны! Да это что! Взялъ нашъ лѣсъ порубилъ... а лѣсъ-то былъ намъ отведенъ господами для своихъ надобностей. Ну, просто, разорилъ! Что будешь дѣлать? Кому жалиться? На тотъ грѣхъ лукавый попуталъ насъ собраться всѣмъ міромъ на сходку. Тамъ присудили: какъ бы, дескать, описать все евто барину, альбо пожалиться начальству какому, за что жъ, молъ, такая напасть? прежде такъ-то не было николи! Побалакали, погуторили, да и разошлись. Только, на другой день, всѣхъ говоруновъ, кои были побойчей, управляющій потребовалъ къ себѣ... Ему, вишь, кто-то изъ дворовыхъ передалъ наши слова. Пришли это мы къ нему, а онъ, нехристь экой, и пошелъ насъ: кого палкой, кого кулакомъ, — наругался всячески! Да этого еще мало: всѣхъ говоруновъ согналъ на конюшню да тамъ такую задалъ припарку, что еле-еле мы очнулись! Ну, говоритъ, будете теперь жалиться на меня? а? Понурили всѣ мы головы, трясемся и вымолвить слово-то боимся. Что жъ вы, говоритъ, молчите? али вамъ мало? такъ я, говоритъ, языки-то вамъ развяжу! — Не будемъ,

молъ! — То-то! Я васъ, лѣнтяевъ, проучу! Вы, говоритъ, мужичьё — невѣжи! грязные скоты! Я, говоритъ, выучу васъ на свой ладъ! Пошли вонъ!...

— Экой негодяй! Да что же вы, такъ барину и не писали?

— Куда ему писать-то? Богъ его знаетъ, гдѣ онъ! Въ чужихъ земляхъ вишь проживаетъ... Да и управляющій, пожалуй, узнаетъ — со свѣту сживетъ!

— Такъ вамъ бы губернатору или начальству пожаловаться.

— И, батюшка! Куда намъ просить! Мученье на себя принять! А особливо на нашего Каина — какъ жалиться? Онъ, баютъ, тожъ изъ благородныхъ... съ начальствомъ-то за панибрата... пиры другъ дружкѣ задаютъ да въ карты займаются. Куда тутъ жалиться!

— Это ужасъ, что такое! По закону — его въ Сибирь бы за такія дѣла!

— И, родимый! Законъ-то святъ, да въ рукахъ-то онъ грѣховодныхъ! Такъ гдѣ ужъ правдѣ быть! Они сами себѣ самосуды, на ихъ уёму нѣтъ!

— Ну, нѣтъ, старинушка! теперь стали взыскивать за неправедныя дѣла, да и люди появились на службѣ честные, правдивые, — взяточниковъ, озорниковъ преслѣдуютъ.

— Дай-то Богъ! Нашему брату, крестьянину, было бы вольготнѣе. Да кабы вотъ и управляющихъ-то сослѣдили, — хорошо бъ было! Да нѣтъ! гдѣ евтому быть! Може, въ вашей сторонѣ такая благодать, а у насъ не слышно.

— Ну, конечно, у васъ тутъ глухая сторона, — имъ приволье! Да придетъ время!... Семейство у тебя есть, дѣдушка?

— Былъ сынокъ... недавно въ некрута отдали! Теперь въ дому: невѣстка, внучка да еще парнишка-сирота, пріёмышъ.

— Я думаю, управляющій васъ работами заморилъ?

— И, не приведи Господи, какъ! Всю-то недѣльку гонитъ на барщину... и всѣхъ-то поголовно! На себя только и работаешь по ночамъ! Кабы не пріёмышъ Ванюша, пришлись бы совсѣмъ разстаться съ моими пчелками.

— Видно, ты ихъ очень любишь, дѣдъ?

— Эхъ, ваша милость! да какъ же не любить-то! Вѣдь отъ пчелокъ-то не токма что польза, а и болѣе того — утѣшеніе мнѣ на старости! Что̀ бъ я сталъ дома дѣлать? Тяжкую

работу взять мнѣ невмоготу, ну, а съ пчелками труда большого нѣтути... а радости сколько! Словно съ дѣтками махонькими нянчишься!...

— На зиму куда жъ ты ихъ дѣваешь? Въ деревню свозишь?

— Нѣтъ! Здѣсь оставляю. Тутъ у меня омшанникъ,— туда ихъ и ставлю. Зимой, какъ соскучусь по нимъ, приду сюда, да и гощу недѣльку, аль поболѣ.

— А не скучно тогда тебѣ одному-то? Я думаю, снѣгомъ заноситъ тебя?

— Ништо, бываетъ! да ничего — Господь хранитъ! А насчетъ скуки, такъ этого нѣтъ! Ино время дѣтки придутъ,— погуторимъ, а то ульишки долбишь, тамъ снадобья какія справляешь — ну, время-то и идетъ себѣ! Вотъ коли вьюга, метель подымутся, особливо ночью: жутко бываетъ! Вѣтеръ-то загудитъ, загудитъ, словно застонетъ кто! а тутъ еще завоютъ волки... а все ничего! перекрестишься, сотворишь молитву да и заснешь себѣ.

— Зато весной тебѣ веселье?

— Охъ, родимый, и сказать-то не можно! Словно помолодѣешь, какъ водица-то кругомъ зашумитъ по овражкамъ, да какъ вешней погодушкой Божья гроза прогремитъ! Въ ту пору все-то одѣнется зеленымъ листочкомъ да травкой, а тамъ запоютъ тебѣ веселую пѣсенку жаворонки, что вьются надъ полями... Взыграется у тебя сердце, какъ въ Великъ день, и прошибетъ тебя радостная слеза! Да! велика благодать и милость Господа Бога!

Старикъ набожно перекрестился и понурилъ голову.

— Да, старинушка, хорошо! А мы вотъ, городскіе жители, совсѣмъ отдалились отъ природы... Наши рощи, сады, Богъ знаетъ, на что похожи! Завиты, причесаны, подбриты... при этомъ пыль, экипажи щегольскіе, разносчики, шарманщики, самовары съ угаромъ, кофейныя, трактиры съ пьянымъ людомъ, а тутъ же ко всему — казакъ съ нагайкой, хожалый съ палкой да квартальный съ кулакомъ... Ну, гдѣ тутъ природѣ быть?

— Ну, что говорить! не приведи Богъ! Въ нашемъ городѣ доводилось мнѣ видать ихъ дѣла... Охъ! Господь съ тобой! Что тамъ такое? Видно, чужаки... пробормоталъ старикъ, какъ бы про-себя, отстраняя пчелу.

— Что такое, дѣдушка? спросилъ я, вставая.

— Да вотъ пчелка вьется... Это она все такъ-то, какъ чужая нападетъ... А може и рой... надоть посмотрѣть...

— И мнѣ пора! Прощай, старинушка! Будь здоровъ! Дай Богъ тебѣ пчелокъ побольше.

— Спасибо, кормилецъ! спасибо, родной! Счастливый те путь!

Пчеленецъ поспѣшно вошелъ въ пасѣку, а я, вскинувъ ружье на плечо, направилъ шаги къ небольшой полянѣ, откуда виднѣлись выселки. Надъ окраиной лѣса тянулись струйки дыма, а тамъ, вдали, за деревенькой, крутясь въ воздухѣ, съ шумнымъ крикомъ, взвивалось стадо грачей и галокъ.

(Писано въ іюлѣ 1854 г. въ Темниковѣ.)

Темниковъ.

По выѣздѣ изъ выселокъ, поднявшись на возвышеніе, я увидѣлъ освѣщенный заходящимъ солнцемъ мой родимый городъ. Сердце забилось не то радостью, не то тревогой о томъ, что̀ меня ожидаетъ... Улажу ли я свое дѣло? А ну, какъ меня эти думскіе горлопаны сцапаютъ да сдадутъ въ солдаты? пропалъ я тогда! Совсѣмъ стемнѣло, когда я подъѣхалъ къ воротамъ дома дяди, Ивана Евменыча. Здѣсь, къ несказанной радости, я встрѣтилъ свою мать.

Ужъ нѣсколько лѣтъ какъ я не видался съ нею. Изъ объясненій съ родными я узналъ, что мой пріѣздъ сюда былъ неразуменъ, опасенъ. Въ городѣ и въ округахъ по селамъ и деревнямъ хватаютъ людей безъ счета и безъ разбора. Много парней отъ рекрутчины разбѣжалось по лѣсамъ. Три набора ужъ было, а теперь вотъ поговариваютъ о четвертомъ. А гдѣ взять народу? Въ избахъ-то остались только старые да малые. Но начальство на то не взираетъ... Разослано было грозное посланіе всѣмъ городскимъ и сельскимъ властямъ — немедля дополнить наборы рекрутъ. Родителей или родственниковъ побоями иногда вынуждали указать, гдѣ ихъ бѣгуны. А если сыскной стражѣ случайно попадался мало-мальски годный на службу, то его, безъ всякаго разговора, хватали и сдавали военному начальству. Тетушка, Наталья Ѳедоровна, разсказала намъ про такой недавній случай.

— „Одинъ нашего города мѣщанинъ проживалъ на сибирскихъ промыслахъ. Вздумалось ему побывать на родинѣ да своихъ повидать. Живя на хорошемъ мѣстѣ, онъ, какъ видится, порядочно разбогатѣлъ; платье на немъ господское, такое нарядное! окромя того, еще при немъ часы съ золотою цѣпочкой... Однимъ словомъ — купецъ, да и только! Вышелъ, это онъ разгуляться по городу, важно таково поглядываетъ да знакомымъ поклоны отдаетъ, какъ вдругъ, откуда ни возьмись, офицеръ съ квартальнымъ, съ полицейскими солдатами да съ понятыми. Его благородіе на видъ собой былъ такой дородный, усищи страшные, а глаза, что у волка, такъ и хотятъ слопать! Вотъ, только подходитъ онъ, этотъ офицеръ-то, къ щегольку да какъ гаркнетъ: „Ты кто такой?" Молодчикъ нашъ, хоша и оторопѣлъ, но, живя по волѣ да при его дѣлѣ, тожъ привыкъ съ господами обращаться, ну и отвѣтилъ ему:

— „Мы-съ будемъ здѣшніе... въ мѣщанахъ состоимъ... объ насъ всѣ извѣстны-съ.

— „А, тебя-то намъ и надо! Бери, вяжи его! командовалъ военный этотъ.

— „Позвольте съ, ваше благородіе!... завопилъ щеголекъ: мы-съ на очереди не состоимъ! А коли чего прочаго... такъ у насъ капиталовъ есть довольно; откупиться можемъ!

— „Молчать! заревѣлъ свирѣпый офицеръ да потомъ такъ зыкнулъ да ругнулъ, что инда, отъ страха да отъ позора, окна позакрыли..." Тетушка даже сплюнула, слыша эти слова.

— „Ундеръ! командовалъ офицеръ: — чего ротъ разинулъ! Рас-туды... сюды, каналья!... Вяжи скорѣе! Тащи его за шиворотъ! Ну! маршъ!

„Такъ бѣднягу и поволокли! Завылъ нашъ несчастный, на всю-то улицу.

„Опосля сказывали, что богатенькаго-то этого сибиряка сдали въ солдаты и ужъ прогнали до Тамбова, да, спасибо, тамъ какой-то набольшій внялъ его просьбѣ и дозволилъ за себя поставить охотника. А молодчикъ-то, слышь, оказалось имѣлъ при себѣ денегъ до 20 тысячъ ассигнаціями. Начальникъ-то большой все это ему устроилъ, да и отпустилъ. Сказывали, какъ только нашъ щеголекъ вырвался изъ военныхъ лапъ —

прямо махнулъ опять въ Сибирь, и въ городъ свой не заѣхалъ! — Такъ вотъ какія дѣла у насъ творятся!“ добавила тетушка Наталья Ѳедоровна.

Не радостно было слышать мнѣ такія вѣсти, а онѣ неслись отовсюду. Въ виду этихъ событій, родные совѣтовали не показываться людямъ на глаза, особливо днемъ.

„Сперва разузнаемъ хорошенько, какъ надо поступить“, говорили они на совѣщаніи. Тамъ какъ ни разсуждай, а дѣло выходитъ — дрянь! Что-то недоброе чуяло мое сердце! И вправду, предчуствіе оправдалось... Какъ разъ на третью или на четвертую ночь прибѣгаетъ мой двоюродный братъ Петръ. Спасибо, еще засталъ неспящихъ.

— Братъ! испуганно и задыхаясь проговорилъ онъ: бѣги скорѣе! Сейчасъ я отъ кума-писаря... Онъ сообщилъ мнѣ, что тебя хотятъ забрать! Тамъ у полицейской собрались понятые и солдаты съ кандалами... Кумъ слышалъ разговоръ про тебя да про Евменыча. Бѣги скорѣе, а то какъ разъ нагрянутъ!

Вскочилъ я изъ-за стола какъ сумасшедшій, руки, ноги трясутся... Не зналъ — за что и взяться и что подѣлать!... Всѣ домашніе тоже отъ испуга заметались... Однако коекакъ обулся, захвативъ деньги и ружьишко съ сумкой, ринулся я съ братомъ черезъ садъ въ глухой переулокъ. Оттуда, выйдя за городъ, бѣгомъ пустились по дорогѣ къ Санаксырскому монастырю. Бѣжимъ, бѣжимъ да остановимся, чтобы прислушаться — нѣтъ ли погони... Съ монастырской дороги повернули направо, по берегу Мокши. Тутъ ужъ спокойнѣе продолжали путь къ темному бору, въ которомъ задумали вздохнуть. Надъ оврагомъ, по косогору, непроглядной стѣною вздымался величественный, заповѣдный лѣсъ. Поднявшись къ ближнимъ соснамъ, я въ изнеможеніи опустился на землю, притулясь къ дереву. Передъ нами, внизу, извивалась глубокая, безшумная Мокша. Темнота скрывала ее, только мѣстами, кое-гдѣ, отражались въ ней лучистыя звѣздочки да предразсвѣтная зорька. А сзади насъ, изъ лѣсного ущелья, какъ-то таинственно и нѣжно журчалъ родничокъключикъ. Прохладой и сыростью обдавалъ онъ насъ. Разгоряченный тревогой и посмѣшнымъ бѣгомъ, я жадно вдыхалъ освѣжающій воздухъ.

— Братъ!... Мнѣ хотѣлось бы искупаться?... ужъ очень жарко! спросилъ я Петра.

— Нѣтъ, Иванъ, не дѣлай этого!... отвѣтилъ онъ: теперь такой часъ... не слѣдуетъ!... Тутъ, въ этомъ мѣстѣ, Мокша страсть какъ глубока!... дна не достанешь!... Лучше вотъ сойди къ ключику и умойся, — освѣжишься.

— Нѣтъ!... Лѣнь итти, да я и усталъ!... А помнишь ли, Петръ, какъ мы въ этихъ мѣстахъ боръ сожгли? Я тогда махонькой былъ.

— Какъ же... помню!... Только самъ я въ то время, съ вами не былъ, а слышалъ разговоръ отъ домашнихъ. Да!.. надѣлали вы дѣловъ!... Въ тѣ-поры лѣсу-то что погорѣло!... Насилу затушили. Никто не полагалъ, что это отъ вашихъ проказъ, думали: отъ грозы или такъ отъ случая какого, послѣ ужъ догадались, да кто жъ на своихъ ребятъ сталъ бы доносить!...

— А скажи, Петръ, куда подѣвались наши товарищи — Васька Заправило, Сенька Рыжій?

— Давно я ихъ ужъ не видалъ. Сказывали, — оба сдѣлались цѣловальниками: одинъ въ Нижнемъ, а другой въ Муромѣ или подъ Муромомъ гдѣ-то. Наши темниковскіе всѣ, вѣдь, почитай, идутъ по винной части, съ искони этимъ промысломъ занимаются.

— Поди — плутами сдѣлались!... Народъ-то православный, небось, спаиваютъ да обираютъ?

— Что говорить! не безъ этого!... Должность такая... Куда жъ дѣваться? Самъ знаешь бѣдноту нашу, городскую. Другихъ занятій не знаемъ, — чѣмъ жить?

— Да, конечно! согласился я. Что жъ, Петръ, намъ здѣсь улечься?

— Нѣтъ, братъ, лучше вздохнемъ тутъ немножко, да и проберемся поближе къ Черной. Въ луга-то, того и гляди, народъ придетъ; пожалуй, замѣтятъ, скажутъ — бѣгуны. Найдется недобрый человѣкъ — помѣху сдѣлаетъ. Нѣтъ, лучше отъ грѣха подальше! Ну, вставай-ка, потянемъ!... добавилъ онъ, подымаясь на ноги.

— Эхъ, не хотѣлось бы... Дорогу-то, братъ Петръ, хорошо знаешь?

— Какъ же не знать!... Вотъ, только пройдемъ лощину,

тамъ и пойдетъ проселокъ, почитай, до самаго Чернаго стана. Ну, съ Богомъ, поплетемся!

Скоро и разсвѣту быть, а въ воздухѣ стояла духота такая — дышать трудно. Съ востока и сѣвера заслоняла гряда лѣсныхъ великановъ, только съ западной стороны, на темномъ небѣ, виднѣлись звѣздочки да рябыя, полосатыя тучки. Страхъ обуялъ меня, когда мы вошли въ лѣсную глушь. Темнота въ ней была такая, хоть бы осенней порою; только въ подсѣдахъ въ травѣ, какъ самоцвѣтные камушки, ярко свѣтились Ивановскіе свѣтляки. Мѣстами обдавало то свѣжестью, то удушающей теплотою съ смолистымъ запахомъ. Со всѣхъ сторонъ неслись какіе-то невѣдомые звуки: тутъ скрипнетъ, тамъ свистнетъ или загогочетъ, а порой отзовется окликъ — ну, словно человѣческій!... И все это такъ невнятно, такъ чудно и жутко. Къ этой гармоніи по временамъ присоединялся дикій, пронзительный вой волковъ. Страшно становилось мнѣ.

— Это, братъ Петръ, сѣрые распѣваютъ? тревожно спросилъ я. Какъ бы не напали? Дай-ка я ружье заряжу... Какъ думаешь?

— Нѣтъ, не пугайся!... Въ эту пору волки не страшны. Вотъ зимою, особливо святками — ну, тогда берегись!... тогда они бѣгаютъ стадами, и коли волчиха бросится на что, то и вся стая за ней.

— Ну, и что жъ?... случаются несчастія съ проѣзжими?

— Бываетъ!... Мало ли они задираютъ по дорогамъ! А теперь нѣтъ, — волкъ самъ бѣжитъ отъ людей. На скотинку, вотъ, нападаетъ. Много ея, скотинки-то всякой, гибнетъ и отъ волка и отъ медвѣдя.

— А медвѣдей теперь много въ нашей сторонѣ?

— А то — нѣтъ! Знаешь самъ, какіе лѣса въ нашемъ округѣ. Вотъ теперь, какъ идемъ, — до Сарова и дальше, тянутся они къ Арзамасу, къ Мурому и Касимову, я думаю, на сотни верстъ, — такъ какъ звѣрю не водиться. Опять же по рѣчкамъ и болотамъ какія трущобы — не пролѣзешь! Имъ тутъ житье привольное!

— Такъ развѣ ихъ не бьютъ? Поди, охотниковъ въ округѣ не мало?

— Есть охотники, да супротивъ прежняго мало ихъ стало.

Допрежде мордва этимъ дѣломъ занималась. У нихъ, сказывали, такой обычай былъ: когда парня надо женить — долженъ самъ женихъ добыть медвѣдя, на шкурѣ котораго его и вѣнчали, а потомъ ее же клали молодымъ на брачную постель.

— Ишь ты какой славный обычай! смѣясь проговорилъ я. Хорошо бы заставить нашихъ городскихъ молодчиковъ его соблюдать! А скажи: мордвинъ хорошій охотникъ и стрѣлокъ?

— Нѣтъ! у нихъ мало у кого есть и ружье-то, развѣ у богатенькаго какого, а то больше все охотятся съ рогатиной, ножомъ да съ топоромъ. А!... Вотъ и зорька забѣлѣла! добавилъ Петръ, взглянувъ на небо.

И въ самомъ дѣлѣ, какъ вышли мы на поляну, утренній разсвѣтъ виднѣлся по всѣму сѣверо-восточному небосклону. Темныя и красно-бурыя полосы тучекъ косо, точно стрѣлки, раскинулись во всѣ стороны. Скоро и лѣсъ оживился веселымъ щебетаньемъ и пѣньемъ птицъ. За деревьями — солнца еще не было видно, а ужъ лучи его сильно изгоняли ночной мракъ. Наступало чудное утро, и вѣрно день будетъ жаркій! Намъ, странникамъ-бѣгунамъ, не спавшимъ, стало тягостно итти, да и сонъ началъ морить.

— Ну, вотъ, теперь, братъ Иванъ, пора и отдохнуть! весело проговорилъ Петръ. — Смотри-ка какая намъ съ тобою благодать!... Вонъ у вершинки, подъ бугромъ, журчитъ и ключикъ. Здѣсь мы и привалъ сдѣлаемъ. Садись-ка!...

Съ чувствомъ полнаго удовольствія повалился я подъ могучую раскидистую сосну. Межъ тѣмъ заглянувшее на насъ солнышко стало подогрѣвать-таки на порядкахъ. Отъ этого еще больше потянуло ко сну. Не успѣли мы и двухъ словъ перемолвить, какъ я уже погрузился въ глубокій сонъ.

Сонъ.

— Братъ, вставай! будилъ меня Петръ: время къ полудню идетъ... Вставай!

Я такъ крѣпко заспался, что едва могъ продрать глаза и опомниться. Взглянувъ на Петра и на мѣстность, я сначала не могъ понять: зачѣмъ я здѣсь, въ лѣсу? но мало-по-малу пришелъ въ себя.

— Уфъ!... Какъ хорошо здѣсь поспалось! проговорилъ я, зѣвая и потягиваясь. — А сновъ, сновъ что привидѣлось! И какъ

это живо представилось мнѣ, будто дядя Иванъ повелъ меня на медвѣжью охоту, подъ Черное. Онъ шелъ съ рогатиной и ножомъ, а я съ ружьемъ и топоромъ. Идемъ это мы самымъ дремучимъ лѣсомъ и смотримъ — изъ подъ коряги вылѣзаетъ страшенный медвѣдище!... Всталъ онъ на дыбы да и поперъ прямо на дядю... Тотъ принялъ его на рогатину. Рявкнулъ тутъ звѣрина такъ, что у меня ружье изъ рукъ вывалилось! А дядя кричитъ: „Племянникъ, перехватывай рогатину... скорѣе!...“ Я, не помня себя, подбѣжавъ, схватилъ древко, а дядя съ ножомъ юркнулъ медвѣдю подъ брюхо... Звѣрь еще пуще заревѣлъ и такъ шарахнулъ по рукояткѣ, что она разлетѣлась на части. Въ тотъ же моментъ я почувствовалъ на себѣ что-то тяжелое, мохнатое... Хочу вскрикнуть — голоса не стало! Чувствую — и дыханье совсѣмъ захватило!... Какъ вдругъ мохнатое чудовище отваливается съ меня, и вмѣсто медвѣдя, я вижу передъ собою съ прескверной рожей полицейскаго съ двумя бутарями. Квартальный одѣтъ былъ въ старинный мундиръ съ узенькими фалдочками, на головѣ надѣта трехъ-уголка съ развѣвающимися перьями. На будочникахъ тоже были прежніе мундиры сѣраго сукна. Головы ихъ покрывали кивера, похожіе на жбанъ: кверху шире, книзу уже. Въ рукахъ они держали старинныя алебарды. Съ ядовито-насмѣшливымъ взглядомъ предлагаютъ они мнѣ надѣть кандалы. „Для чего же?“ спрашиваю я въ недоумѣніи. „А это вы будете играть роль сумасшедшаго въ драмѣ „Отецъ и дочь“. Нѣтъ, думаю себѣ, врутъ!... Они, вѣрно, хотятъ сдать меня въ солдаты!... И въ ту жъ минуту, прямо летомъ, шмыгнулъ на дерево, на другое, на третье... Смотрю: за мной такъ же несутся и полицейскіе!... Тутъ, на этомъ видѣніи, ты меня разбудилъ.

— Ишь ты, приснилось что! Должно быть оттого, что вчера говорили про медвѣдей! смѣялся Петръ. — Однако поднимайся да умойся, освѣжись; пора намъ и въ путь, — добавилъ онъ.

Спустился я къ холодному роднику; умывшись, помолился на востокъ и, затѣмъ, взойдя на гору, поздравилъ брата съ добрымъ утромъ.

— Ну, нѣтъ, Иванъ! было утро и заря добрыя, а теперь ужъ дѣло идетъ къ полудню. Надо къ обѣду попасть въ Черное.

Замѣчаніе Петра насчетъ обѣда, какъ нельзя болѣе согласовалось съ моимъ тощимъ желудкомъ, а пуще всего хотѣлось мнѣ напиться чайку. Снова пошли мы лѣсной дорогой.

Тутъ пришлось пробираться оврагами, топкими болотами. По сторонамъ и даже на тропѣ грудами лежалъ валежникъ вперемежку съ громадными деревьями — и все это покрывалось мохомъ, гнилью, зарослью. Выйдя на возвышеніе, свернули съ лѣсной тропы и направились прямикомъ, чтобы сократить путь. Какая могучая растительность! Сосны, ели, дубы и другія деревья зачастую попадались въ три-четыре обхвата и, навѣрное, въ вышину были они болѣе пятидесяти или шестидесяти аршинъ. Часа черезъ два, наконецъ, выбрались мы на большую Саровскую дорогу, тутъ, вскорѣ, показалось и Черное. Черное — это станъ и сторожка Саровской пустыни. Съ одной стороны помѣщался монастырскій хуторъ, а съ другой два-три постоялыхъ двора. Отъ Темникова сюда считалось 17 верстъ, а отъ пустыни около 30-ти.

Какое довольство почувствовалъ я, когда мы съ братомъ засѣли за большимъ столомъ, подъ образами, да какъ подали намъ самоваръ уважительной величины, этакъ ведра въ полтора! На полатяхъ и по лавкамъ, подложивъ подъ головы, лежали проѣзжіе и богомольцы-странники.

— Откуда и куда васъ Богъ несетъ? спросилъ насъ лежавшій на прилавкѣ у окна съ виду похожій на торговца.

— Идемъ по обѣщанію въ Саровскую пустынь, отвѣтилъ братъ, толкая меня ногою.

— Дѣло доброе!... А ружье-то зачѣмъ же?... монаховъ грѣховодныхъ стрѣлять что ли?

— Нѣтъ, такъ захватили, по охотѣ. Можетъ, дорогой зайчикъ набѣжитъ аль звѣрекъ какой!... пояснялъ я.

Купчина, лежавшій на животѣ, повернулся на бокъ и со вздохомъ проговорилъ:

— Что говорить... мало ли тутъ звѣрья всякаго!

— А больше все бродитъ двуногій звѣрь... лихой звѣрь!... отозвался лапотникъ съ полатей. — По лѣсамъ-то да по деревнямъ добре много разбрелось бѣгуновъ, — ну, за ними вотъ и рыщутъ, что твои волки голодные, ищейки эти!

— Это ты сказываешь насчетъ стражниковъ что ль? откликнулся дворникъ.

— Да!... а то о комъ же!... Чтобъ имъ пусто было!... Парней что позабирали!... На прошлой недѣлѣ нагрянули они къ намъ въ Балыково ночью, — всѣ избы обшарили; двухъ, трехъ бѣгуновъ перехватили... а тутъ и ко мнѣ пристали, словно съ ножомъ къ горлу: подавай имъ сына Ваську. А гдѣ я его возьму?... ёнъ убѣгъ!... — У тебя, говорятъ, другой есть? — Есть, баю имъ, да, вѣдь, ёнъ недоростокъ, восьмнадцати годковъ нѣтути! — Ничего, говорятъ, годится. Такъ и забрали мово Илюшку. Что стону, вытья тутъ было!... Теперя вотъ бреду въ городъ повидать сынишку-то!...

Бѣдный старикъ положилъ на руки голову и зарыдалъ.

— У меня тожъ третёва дни захватили одного, сказалъ дворникъ. — Ночью бѣгунецъ этотъ пришелъ на ночлегъ, а утромъ наѣхали сыщики, стали всѣхъ допрашивать: кто, откуда да куда? Ну, малый мой, знамо дѣло, заробѣлъ. Мы было спровадили его на дворъ, а тамъ, на тотъ грѣхъ, завидѣлъ его стражникъ, перехватилъ. Ну, и увели бѣднягу.

И все вотъ въ такомъ родѣ велся разговоръ межъ ими. Розсказни эти, конечно, смутили меня не мало. Отобѣдавши, шепнулъ я брату — поскорѣе убраться изъ Черной. Такъ мы и сдѣлали. Пройдя Саровской дорогой верстъ пять, мы сѣли въ сторонкѣ отдохнуть. Жара была нестерпимая; отъ сыпучаго песка такъ и обдавало, словно изъ печки.

— Что жъ дѣлать, Петръ? Куда направиться? Ты слышалъ, какъ хватаютъ?...

— Не бойся, Богъ милостивъ! Успокойся, Иванъ!... Вотъ что я надумалъ: доведу-ка я тебя до пустыни, тамъ поживемъ дня два. Ружье-то спрячемъ въ лѣсу, а то съ нимъ прійти въ монастырь не ладно. Послѣ того ступай ты на монастырскіе луга, тамъ въ хуторахъ, скитахъ и сторожкахъ тоже принимаютъ странниковъ. Скажешь старшему монаху, что ты родственникъ Ивана Евменыча; его вѣдь, почитай, всѣ знаютъ, — ну, и погостишь у нихъ, а я съ ружьемъ-то твоимъ отправлюсь домой, тамъ все разузнаю о твоемъ дѣлѣ, и, коли что не ладно, разыщу тебя и увѣдомлю. Если тебѣ будетъ незадача на лугахъ — держи путь къ Санаксырю, и туда я буду навѣдываться.

— Быть по сему, — отвѣтилъ я, успокоившись

Когда денная жара спа́ла, мы снова отправились въ путь. Въ одномъ мѣстѣ на сыпуче-песчаной дорогѣ увидѣли мы свѣжіе огромные слѣды медвѣдя. Съ большимъ страхомъ продолжали итти, озираясь по сторонамъ. Дивиться нечему: въ этихъ мѣстахъ медвѣди нерѣдко задирали людей. Къ ночи, благодаря Бога, до Саровской пустыни добрались благополучно. Для осторожности помѣстились въ простонародномъ дворѣ. Богомольцевъ набралось множество; служка сказалъ, что всѣ три гостиницы полны народомъ. Саровская пустынь — очень богатый монастырь; стоитъ онъ на красивой мѣстности, окруженный на далекія пространства дремучими, вѣковыми лѣсами. Всѣ стекающіеся сюда богомольцы пользуются помѣщеніемъ и пищей даромъ, для больныхъ есть и лѣчебница. Монаховъ въ настоящее время стало меньше, а прежде, говорили, было ихъ до 700 братій*).

Пробывъ въ Саровѣ сутокъ двое, простились мы съ братомъ. Онъ, мой добрый, разузналъ и указалъ мнѣ путь на луга. Чтобы лучше походить на богомольца, я пріобрѣлъ себѣ дорожную сумку, въ которую про запасъ положилъ хлѣба и огурцовъ. Въ дорогѣ вечеромъ догнали меня двое молодыхъ парней тоже съ котомками.

— Не по дорогѣ ли, братцы? спрашиваю я.

— А не знаемъ! отвѣтили они.

— Я иду къ сторожкамъ на луга.

— Ну и мы туда жъ... Да ты откеля?

— Я городской, темниковской.

— А зачѣмъ же на луга-то идешь?... Тебѣ туда не дорога.

— Мнѣ, други, вездѣ по дорогѣ, а иду я къ сродственнику монаху повидаться.

— Такъ!... Ну, а мы въ работу наиматься.

Вдали по дорогѣ зазвенѣлъ колокольчикъ. Спутники мои быстро свернули къ лѣсу, я тоже бросился за ними.

— Послушай, братъ!... съ угрозой обратился ко мнѣ одинъ изъ парней: если ты недобрый человѣкъ, такъ убирайся отъ насъ подальше!...

— Не тревожьтесь, друзья, отвѣтилъ я: — мы, надо пола-

---

*) Подробное описаніе этого монастыря находится въ книгѣ отца Авеля, монаха Троице-Сергіевской лавры. Изд. 1853 года.

гать, одного поля ягоды!... Если вамъ надо сторониться отъ сыскныхъ, такъ мнѣ и подавно!...

— Ну, коли такъ, дѣло другое! Да ты изъ какихъ будешь?

— Изъ мѣщанъ, братъ! изъ мѣщанъ. Можетъ, знаешь въ нашемъ городѣ Ивана Евменыча изъ духовныхъ.

— Какъ не знать — знаемъ! старикъ добрый, хорошій!... Охотникъ онъ гусиный. Бываетъ у насъ въ слободѣ, какъ ѣздитъ по приходамъ. Ты какъ же ему доводишься?

— Онъ мой дядя.

— Вотъ что!... дядя!... Ну, это ладно! Стало — другъ дружкѣ мы не помѣха. А звать тебя какъ?

— Иваномъ.

— Значитъ мой тёска; я тоже Иванъ.

Звонъ поддужнаго колокольца отдалялся все дальше и дальше, вскорѣ и совсѣмъ его не стало слышно.

— Все думается начальство ѣдетъ, проговорилъ мой тёска.

Межъ тѣмъ время подходило къ ночи.

— Гдѣ жъ мы, ребята, заночуемъ? спросилъ я.

— Извѣстно гдѣ, — въ лѣсу. Оно безопаснѣй. Есть тутъ недалече деревнюшка, да тамъ опасно! Мы только зайдемъ въ нее попрошать хлѣбца.

— У меня, братцы, есть въ котомкѣ монастырскій хлѣбъ и огурцы. Хлѣбъ знатный!

— Коли здѣся не добудемъ — подѣлись, а то побереги; годится на завтра. Еще, Богъ знаетъ, гдѣ доведется быть-то! совѣтовалъ парень Иванъ. Другой спутникъ, его товарищъ, былъ молчаливый и печальный, да и съ виду-то худощавый, болѣзненный. Совсѣмъ стемнѣло, когда мы вошли въ небольшой выселокъ. Парень Иванъ постучался въ окно дома хорошей постройки и пѣвучимъ голосомъ произнесъ:

— Господе Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй насъ!...

— Аминь!... Что надоть? отозвался голосъ.

— Ночнымъ странничкамъ не подашь ли чего? жалобно протянулъ Иванъ.

— А вотъ погодь маленько! отвѣтилъ тотъ же голосъ.

Вскорѣ открылось окно и на наружное подоконце выставили намъ небольшой кувшинчикъ и стаканъ, а затѣмъ послѣдовала рука съ пирогомъ, начиненнымъ кашей. Тёска мой привычной рукою тотчасъ же налилъ въ стаканъ и выпилъ,

потомъ поднесъ и мнѣ. Пирогъ раздѣлилъ на три части и подалъ намъ по куску.

— А что же товарищу винца не далъ? спросилъ я.

— Не пьетъ онъ... хилый!... Ну, спасибо, добрый человѣкъ!... обратился Иванъ къ невидимому милостивцу. — Спасибо! Дай Богъ тебѣ и всему дому твоему всякаго благополучія.

— На здоровье, на здоровье, ребятушки! Ступайте себѣ съ Богомъ! ласково произнесъ голосъ изъ окна.

Выйдя изъ поселка и отойдя съ версту, мы свернули въ лѣсъ. Тамъ, выбравъ удобное мѣстечко, пріютились на ночлегъ.

Утромъ солнышко еще не вставало, какъ мы были уже въ дорогѣ. Весь день все шли, избѣгая прохожихъ и проѣзжихъ людей, наконецъ, къ вечеру добрались до завѣтнаго лугового скита, гдѣ насъ встрѣтилъ толстый, жирный монахъ. По обычаю, подошли къ нему подъ благословеніе.

— Богомольцы что ль будете, аль найматься? спросилъ онъ.

— Пришли мы, батюшка, по обѣщанію и своему усердію, поработать для Бога и его святого монастыря! отвѣтилъ Иванъ, поклонившись.

— Дѣло доброе, хорошее!... Богоугодное дѣло!... радостно произнесъ монахъ. Ступайте въ скитъ; тамъ служка напоитъ и накормитъ васъ, наша-то трапеза покончилась.

Со вступленіемъ подъ власть монашескую, мы, по уставу, должны были подчиняться вполнѣ, послушаніе и смиреніе нести наравнѣ съ служителями. Спутниковъ моихъ отправили на покосъ, а меня, какъ неумѣлаго, отдали на разныя послуги.

Не долго, однакожъ, пришлось мнѣ здѣсь пожить. Одинъ изъ новыхъ пришельцевъ извѣстилъ, что и по монастырскимъ мѣстамъ будутъ дѣлать обыски, и что на дняхъ надо ждать и сюда сыскную команду. У меня, какъ вѣроятно и у другихъ сотоварищей, ёкнуло сердечко. Рѣшился я — въ эту же ночь бѣжать безъ оглядки. Еще съ вечера разспросивъ хорошенько, какъ безопаснѣе пробраться къ Санаксырю, около полуночи, забравъ свою котомку, далъ тягу. Спасибо, путемъ-дорогой напалъ на богомольцевъ, съ которыми и добрался до Санаксыря.

Санаксырь.

Санаксырь очень древній монастырь; находится онъ въ трехъ-четырехъ верстахъ отъ города Темникова. Монастырь небольшой, но всѣ постройки его, внутри и снаружи, отличались отмѣнной чистотою, и пріютился онъ около Мокши, луговъ и лѣсовъ. По обоимъ берегамъ рѣки на далекія пространства протянулись луга, болота и озера. Переночевавъ въ гостиницѣ, я на другой день во время обѣдни завидѣлъ знакомаго монаха, родственника дяди, Ивана Евменыча. Отецъ А. тоже меня замѣтилъ. Онъ подошелъ къ образу, гдѣ я стоялъ, поставилъ свѣчу и, сдѣлавъ три земныхъ поклона, обратился ко мнѣ и шепнулъ на ухо:

— Здравствуйте! Братъ вашъ, Петръ, былъ здѣсь, спрашивалъ про васъ. Вы побывайте домой, непремѣнно.

Затѣмъ, поклонившись, скрылся за колоннами. Неопредѣленность его рѣчи смутила и испугала меня. „Ужъ не случилось ли еще чего-нибудь у нашихъ?“ подумалъ я.

По окончаніи обѣдни, вся братія справляла обрядъ отпѣванія своего собрата. Торжественно-сурово раздавались погребальныя пѣсни. Не было тутъ ни воплей, ни плача, а между тѣмъ я почувствовалъ надъ собою какую-то подавляющую силу... При прощаніи заглянулъ я въ лицо усопшаго. Это былъ худенькій, сѣденькій старичокъ. На лицѣ его не выражалось ни болѣзненности, ни страданія, точно онъ вотъ сейчасъ только заснулъ и лежитъ себѣ преспокойно. Говорили, ему было болѣе 80-ти лѣтъ. Слѣдомъ за братіей и вмѣстѣ съ богомольцами и я проводилъ отшельника на монашеское кладбище, стоявшее близъ монастыря. Оно тоже было окружено низенькой каменной оградой.

Напрасно искалъ я случая еще увидѣться съ отцомъ А.; онъ послѣ трапезы незамѣтно скрылся въ свою келью. Не желая тревожить его покой, я пошелъ бродить по монастырскому двору у храмовъ. Тутъ стояли памятники. Въ числѣ ихъ, у собора, я прочелъ на мраморной доскѣ: „Флота адмиралъ Ѳедоръ Ѳедоровичъ Ушаковъ. Скончался въ 1817 году, 74-хъ лѣтъ отъ рожденія“. „Гдѣ морякъ-то очутился!..“ подумалъ я. „А, вѣдь, навѣрное, онъ не мало перенесъ и бурь и

битвъ морскихъ! Царство тебѣ небесное! Почивай себѣ, да вмѣстѣ съ старичкомъ монахомъ помолитесь о насъ грѣшныхъ!"

Какъ только наступили сумерки, я тотчасъ же отравился въ городъ. Осторожно пробравшись тѣмъ же глухимъ переулкомъ, вошелъ черезъ садъ во дворъ дяди. Лыска, дворная собака, сначала залаяла, а потомъ, узнавъ меня, стала ласкаться и прыгать ко мнѣ на грудь.

— Здравствуй Лыска, здравствуй!.. прошепталъ я, лаская собаку.

Родные и матушка встрѣтили меня съ радостными слезами. Разсказавъ имъ свои похожденія, я спросилъ о моемъ дѣлѣ.

— Ахъ, Ванюша! проговорила мама: только что ты ушелъ тогда съ Петрушей, какъ въ ту же ночь къ намъ нагрянули незваные гости.

— Да, племянникъ! перебилъ ее дядя: сперва звякнули въ кольцо калитки, а потомъ застучали и въ окно. Мы слышимъ это, да нарочно притаились, какъ будто заспались. Только постучали, постучали они, да и замолкли. Ну, думаемъ себѣ, ушли! — слава Богу! Анъ не тутъ-то было!... Лиходѣи перелѣзли черезъ заборъ — и ну ломиться въ сѣнцы... Нечего дѣлать! пришлось поневолѣ отпирать. Впустили. Смотрю — все знакомые, свои, городскіе; спрашиваютъ: „Гдѣ племянникъ твой Иванъ?"

Я отвѣчаю: „Какой племянникъ Иванъ?... нѣтъ такого!" — „Да какъ нѣтъ?" пристали они: „мы достовѣрно знаемъ, что онъ пріѣхалъ къ тебѣ!" — „Точно, говорю, пріѣзжалъ ко мнѣ племянникъ, да не Иванъ, а Василій, сынъ К—го попа, да и тотъ погостилъ денекъ и уѣхалъ".

Однако не повѣрили. Пошли шарить по жилью, по двору, по амбарамъ, и заглянули даже подъ полокъ въ банѣ... Ну, конечно, никого не нашли. Такъ съ тѣмъ и ушли.

— А мы, Ванюшенька, всю-то ночку такъ и не заснули... сказала мама. И ужъ я сокрушалась, сокрушалась... Все думала: какъ бы тамъ тебя не схватили!...

— Ну, что жъ, дядя, какъ дѣла наши теперь? спросилъ я.

— Ничего, племянникъ! Дѣло идетъ на ладъ! Завтра ты ступай къ стряпчему; онъ обѣщался помочь. Мнѣ онъ про письмо какое-то толковалъ, да я, признаться, хорошенько не понялъ.

— Ну, слава Богу! радостно проговорилъ я.

Стряпчій В. В. С. прежде служилъ въ Рязани и тамъ знавалъ меня по сценѣ. Письма отъ Нѣмцова и Алянчиковыхъ также много поспособствовали къ тому, что онъ принялъ меня ласково и обѣщалъ свое содѣйствіе. Между прочимъ, однакожъ, посовѣтовалъ ѣхать въ Тамбовъ, къ секретарю воинскаго присутствія, для личныхъ объясненій, и при этомъ далъ мнѣ свое рекомендательное письмо, пояснивъ, что секретарь этотъ, если только возможно, сдѣлаетъ все, отъ него зависящее. Поблагодаривъ стряпчаго, я, конечно, не сталъ медлить. Дядя нанялъ мнѣ протяжного извозчика-татарина. Въ наступившую ночь, простясь съ матушкой и родными, отправился въ Тамбовъ.

Дорога до самаго Тамбова была непріятная: все шли дожди, а тутъ еще, по селамъ, деревнямъ, да городамъ — всюду раздавались стоны и вой причитывающихъ бабъ о своихъ мужьяхъ и сыновьяхъ. Просто, убѣжалъ бы опять куда-нибудь въ лѣсную глушь! Послѣ томительнаго и скучнаго недѣльнаго переѣзда прибылъ я въ Тамбовъ.

Тамбовъ.

Товарищи-актеры очень обрадовались, встрѣтивъ меня. Въ это время, Успенскимъ постомъ, спектаклей не было. Антрепренеръ думалъ, что я буду у него служить, и очень сожалѣлъ, когда узналъ причину моего пріѣзда. На другой день явился я съ письмомъ къ секретарю А—му. Прочитавъ посланіе, онъ съ удивленіемъ взглянулъ на меня и спросилъ:

— Это вы сами и есть?

— Да.

— Странно! Какъ же это вы гуляете на свободѣ, когда давно уже числитесь въ сдаточномъ городскомъ спискѣ?

— Не знаю... До сихъ поръ я все скрывался... робко отвѣтилъ я ему. — Теперь, вотъ, по рекомендаціи стряпчаго, пріѣхалъ просить васъ оказать мнѣ помощь или совѣтъ какъ мнѣ поступить.

— Никакой помощи оказать не могу! сурово проговорилъ онъ: а по просьбѣ В. В. дамъ вамъ совѣтъ: скрывайтесь, пока пройдетъ это горячее время, а тамъ будетъ

видно. Межъ тѣмъ поищите себѣ покровительства какихъ-нибудь высокопоставленныхъ лицъ. Совѣтую также — не заживаться здѣсь! Прощайте! Мнѣ некогда!

Я поспѣшилъ откланяться и, съ бо́льшимъ, чѣмъ когда-нибудь, безнадежнымъ положеніемъ, возвратился въ театръ. Повѣдалъ я свое горе сотоварищамъ, — тѣ, конечно, только могли мнѣ сочувствовать. Погостивъ у нихъ дня два, я отправился обратно въ Рязань.

Рязань.

Возвратившись, я снова сталъ участвовать въ спектакляхъ. Въ это время съ своими декораціями пріѣхалъ Браунъ. При свиданіи, онъ, какъ и прежде, сталъ уговаривать меня поѣхать на дебютъ въ Москву. Тамъ готовилась къ постановкѣ на Маломъ театрѣ опера „Аскольдова могила“. Въ роли Торопки-Голована многихъ испытывали на репетиціяхъ, и всѣ оказались неудовлетворительными. Въ виду необходимости, остановились на Лазаревѣ, который все-таки казался сноснѣе другихъ, — такъ пояснялъ Браунъ. Днѣпровскій, Линдротъ и другіе товарищи настойчиво совѣтовали не упускать такого случая. „Если дебютъ будетъ удачный, тогда дирекція сама за тебя будетъ хлопотать!“ уговаривали они.

— Да нечего съ тобой балясы-то разводить! сказалъ Днѣпровскій. — Вотъ я тебѣ напишу письмо по формѣ, а ты его перепиши, да и пошли!“

Я такъ и поступилъ.

Черезъ недѣлю этакъ — Миша Боборыкинъ, служащій въ почтамтѣ, несетъ мнѣ письмо съ казенной печатью.

— Вотъ тебѣ, Ваня, письмо. Должно быть отъ Московской дирекціи. Читай скорѣе и порадуй насъ! весело проговорилъ Миша.

Товарищи всѣ бросили репетировать и тоже съ любопытствомъ окружили меня. Распечатавъ письмо, читаю:

Милостивый государь,

Иванъ Ивановичъ!

На полученное отъ Васъ письмо долгомъ считаю отвѣтствовать, что для допущеній дебютовъ на Императорскихъ

театрахъ небходимо имѣть разрѣшеніе Его Высокопревосходительства г. директора Императорскихъ театровъ, а какъ контора не имѣетъ положительнаго свѣдѣнія объ Вашемъ талантѣ, дабы самой о семъ ходатайствовать, предоставляетъ, если Вы вполнѣ увѣрены въ успѣхѣ заслужить вниманіе публики Вашимъ талантомъ, обратиться лично съ просьбою къ Его Высокопревосходительству; при чемъ не лишнимъ считаю предупредить, что артисты, желающіе имѣть дебюты, непремѣнно обязаны увѣдомить о томъ, что, въ случаѣ успѣха, если бъ дирекція пожелала опредѣлить таковаго на службу, предварительно обязаны опредѣлить свое требованіе.

Имѣю честь быть Вашимъ покорнымъ слугою

Алексѣй Верстовскій.

№ 3093. Ноября 13-го дня,
1854 года. Москва.

— Урра! крикнули товарищи. Поздравляемъ Ваня!

— Ужъ если Верстовскій отвѣтилъ тебѣ, такъ ты теперь смѣло пиши прошеніе къ директору! утѣшалъ меня Днѣпровскій.— Рука, братъ, у меня легкая! продолжалъ онъ: я тебѣ вотъ какое прошеніе напишу — на удивленье! Вѣдь я, другъ, самъ служилъ въ Питерѣ и знаю всѣ порядки.

— Какъ хочешь, Ваня, а могорычъ ставь! Дѣло будетъ прочнѣе! усовѣщивали меня пропойцы: Барсовъ и Рѣшимовъ.

На радости такой я съ удовольствіемъ пригласилъ всѣхъ въ театральный буфетъ.

Прошеніе къ А. М. Гедеонову послано было на другой же день. Послѣ того проходитъ недѣля, другая, а отвѣта изъ Питера нѣтъ, какъ нѣтъ. Ну, думаю, вѣрно на мое предложеніе и вниманія не обратили. Однакожъ 2-го декабря Боборыкинъ прибѣгаетъ на репетицію и, держа высоко большой пакетъ, еще издали кричитъ:

— Вотъ оно! Вотъ высокопревосходительное посланіе! Получай, Ваня!

Съ бо́льшимъ смущеніемъ, чѣмъ при письмѣ Верстовскаго, я вскрываю пакетъ и вижу форменный бланкъ, но не изъ Петербурга, а изъ конторы Московскихъ театровъ. Бумага была послана 30 ноября 1854 года, за № 3328.

В дирекцію Рязанскаго театра
актеру Ивану Лаврову.

Вслѣдствіе поданной просьбы вами къ Его Высокопревосходительству господину директору Императорскихъ театровъ, Его Высокопревосходительство, отъ 29-го сего ноября, за № 751, увѣдомилъ контору, что онъ разрѣшаетъ допустить васъ къ дебюту на Московской сценѣ въ роли Торопки изъ оперы „Аскольдова могила“, съ тѣмъ, чтобы по переѣздѣ вашемъ изъ Рязани въ Москву издержки были на вашъ счетъ и притомъ, прежде удостовѣренія дирекціи въ способностяхъ вашихъ, не пріемлетъ на себя никакого обязательства на то, будете ли ангажированы на службу, о каковомъ предписаніи господина директора контора Московскихъ театровъ, васъ увѣдомляя, предлагаетъ, если на сіе согласны, не замедлить прибыть въ Москву, ибо опера „Аскольдова могила“ предполагается быть представлена на сценѣ около 15-го декабря, въ противномъ случаѣ поспѣшить увѣдомить о послѣдующемъ для донесенія Его Высокопревосходительству.

Управляющій конторою *Верстовскій*.
Столоначальникъ *Каракалпаковъ*.

— Ну, вотъ и дѣлу конецъ! воскликнулъ Днѣпровскій. Нечего, братецъ и медлить! Кати скорѣе.

Съ шумной радостью привѣтствовали меня товарищи. А меня обуялъ какой-то страхъ, словно надо мною повисло уголовное преступленіе, да притомъ взяло раздумье: какъ поѣду безъ всякаго вида? Вѣдь я бродяга, бѣглецъ! Ну! да будетъ властъ Божія.

Изготовился я въ дорогу. Насчетъ же вида, для проѣзда и временного прожитія въ Москвѣ, съ согласія губернатора, дали мнѣ свидѣтельство такого рода:

„Свидѣтельство актеру Рязанскаго театра Ивану Ивановичу Лаврову, съ дозволеніемъ на проѣздъ и прожитіе въ Москвѣ и Петербургѣ, срокомъ до 1 января 1855 года. Выдано директоромъ театра Е. М. Бернардъ и засвидѣтельствовано полицеймейстеромъ“.

Съ этимъ-то сомнительнымъ видомъ я, простясь съ семействомъ своимъ, товарищами и друзьями, отправился въ мальпостѣ въ Москву 5 декабря 1854 года.

---

7 декабря, во вторникъ, пріѣхалъ я въ Москву и остановился у К. Н. Полтавцева. Жилъ онъ въ Бронной, у церкви Рождества Палаши, въ домѣ Сметанина. Самъ онъ и жена его, моя кума, приняли меня радушно. На другой же день отправился я въ театральную контору *). Со страхомъ и трепетомъ вступилъ я въ пріемную конторы. Какъ только доложили обо мнѣ, А. Н. Верстовскій тотчасъ принялъ меня и, усадивъ, очень ласково разспрашивалъ о моемъ актерскомъ поприщѣ. Спросилъ: игралъ ли я Торопку, и гдѣ. Я объяснилъ ему, что роль эту во многихъ городахъ исполнялъ успѣшно.

А. Н. изъявилъ желаніе, чтобы я, отдохнувъ съ дороги, дня черезъ два приступилъ къ репетиціямъ, такъ какъ опера „Аскольдова могила“ идетъ прежде съ Лазаревымъ, а затѣмъ, 19 декабря, въ воскресенье, я долженъ буду въ ней дебютировать. Откланявшись моему будущему начальнику, отправился я осмотрѣть сгорѣвшій Большой театръ. Съ крайнимъ сожалѣніемъ глядѣлъ я на громадный, обезображенный остовъ. Бывши въ Москвѣ осенью прошлаго года, я видѣлъ его; тогда онъ былъ еще ужаснѣе! Какая жалость! этакая красота — и сгибла! Мнѣ сказывали: во время пожара тяга отъ огня до того была сильна, что большіе листы бумагъ находили въ Маѳинѣ за Останкинымъ, и будто Александръ Михайловичъ Купфершмидтъ — музыкантъ-альтистъ, будучи тамъ на охотѣ, видѣлъ у крестьянъ, поднятый ими, обгорѣлый отпускъ Александра Олимпіевича Бантышева.

Дня черезъ два прислали мнѣ повѣстку на репетицію. К. Н. Полтавцевъ поѣхалъ со мною въ театръ, гдѣ представилъ меня первой пѣвицѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ Семеновой, капельмейстеру Сергѣю Ивановичу Штуцманъ, первому басу Дмитрію Васильевичу Курову, первому тенору

---

*) Теперь домъ, гдѣ была контора, находится во дворѣ дома бывшаго Лазарика, а нынѣ Харитова, на Петровкѣ.

Алексѣю Филипповичу Петрову, режиссеру Николаю Пантелеевичу Савицкому и хору.

Мнѣ показалось, что всѣ какъ-то сухо обошлись со мною. Сильно оробѣлъ я на этой первой пробѣ; еще никогда не приводилось пѣть съ такимъ большимъ оркестромъ и при такой обстановкѣ. Растерялся я совсѣмъ, когда грянула музыка, и все-то смущала меня эта мелькающая передъ глазами капельмейстерская палочка. Въ провинціи у насъ дирижеры всегда подыгрывали на скрипкѣ; тамъ мы и роли-то выучивали на слухъ. Въ слѣдующія репетиціи я сталъ дѣйствовать смѣлѣе, но зато, позади себя, слышалъ надъ собой разныя насмѣшки и остроты:

— Всякая провинціальная дрянь, тоже, лѣзетъ на нашу сцену! раздавались возгласы.

Это меня очень обижало и огорчало; отъ такихъ рѣчей я сильно конфузился и не могъ смѣло, свободно репетировать. „Погодите, господа!“ думаю себѣ: „дайте мнѣ только добраться до спектакля, а тамъ вамъ докажу, что я не такъ дуренъ, какъ вы обо мнѣ судите!“

Однако, чѣмъ дальше, тѣмъ все больше и больше высказывалось ко мнѣ недоброжелательство, только въ присутствіи Верстовскаго умолкали мои недруги. К. Н. Полтавцевъ сильно вознегодовалъ, когда я ему повѣдалъ о театральныхъ каверзахъ.

Въ слѣдующую репетицію онъ поѣхалъ вмѣстѣ со мною. Передъ началомъ сѣлъ онъ на аван-сценѣ и, обратясь ко всѣмъ, громко произнесъ:

— Я слышалъ, что надъ моимъ товарищемъ и пріятелемъ здѣсь кто-то издѣвается и преслѣдуетъ разными насмѣшками и ругательствами. Такъ я, вотъ, нарочно пришелъ убѣдиться въ этомъ и посмотрю, кто осмѣлится еще повторить эти мерзкія продѣлки!

Пріѣхалъ на репетицію и А. Н. Верстовскій; ему Полтавцевъ по-французски объяснилъ мою исторію. А. Н. на это сильно разгнѣвался и объявилъ Савицкому свое неудовольствіе, прибавивъ, что ежели кто будетъ замѣченъ, то подвергнется штрафу. Съ этихъ поръ все прекратилось.

Наконецъ, 19 декабря должна рѣшиться моя судьба — панъ, или пропалъ!

Передо мною „Аскольдова могила“ шла съ Лазаревымъ раза два. Публикѣ онъ не понравился; игралъ онъ вяло, слабо. Оно и не мудрено: послѣ знаменитаго А. О. Бантышева играть эту роль было опасно. Счастье мое, что Лазаревъ выступилъ первый, — на немъ и обрушилось недовольство публики.

Билеты на нѣсколько представленій этой оперы давно были разобраны, стало-быть мнѣ приходилось выйти на судъ многочисленной публики. Никогда, во всю жизнь, не забыть мнѣ этого рокового дня, этого перваго моего выхода на сцену Императорскаго театра. Роковымъ спектакль я называю потому, что если дебютъ мой будетъ неудаченъ, тогда мнѣ бѣглецу, безпаспортному — куда потомъ дѣться? Еще сильнѣе, чѣмъ въ Астрахани, замеръ у меня духъ, когда я вышелъ на сцену, такъ же, какъ и тамъ — невзвидѣлъ я свѣта и людей! Слышу — въ зрительной залѣ раздаются голоса и хлопанье, а я стою и ничего не могу понять. Изъ-за кулисъ кричатъ мнѣ: „Подойди поближе и кланяйся!“ Опомнясь, робко подошелъ я къ рампѣ и поклонился, — аплодисменты послышались еще сильнѣе.

Тутъ только я смекнулъ, что, вѣдь, это меня привѣтствуютъ, а поджилки мои такъ и трясутся! Раза два подходилъ я къ аван-сценѣ и раскланивался. С. И. Штуцманъ въ это время шепчетъ мнѣ: „Не робѣйте, Лавровъ! дѣйствуйте смѣлѣе!“ Наконецъ, придя въ себя, повелъ я сцену съ Неизвѣстнымъ, потомъ съ Фрелафомъ. В. И. Живокини въ своей роли былъ неподражаемъ. Первое дѣйствіе прошло одушевленно, весело, и кончилось оно нѣсколькими вызовами: меня, Живокини и Семеновой. Слава Богу! прошло, кажется, не дурно. Во второмъ актѣ пріемъ былъ еще лучше. Застольную пѣсню „Богамъ во славу, князю въ честь“ повторилъ и былъ вызванъ два раза. Но вотъ наступило третье дѣйствіе, самое лучшее для роли Торопки. Я уже освоился со сценой. Съ незамѣнимой Аграфеной Тимоѳеевной Сабуровой сцена проведена была ловко, игриво, а затѣмъ и „вѣтерокъ“ возымѣлъ свое дѣйствіе. Тутъ ужъ я забылъ, что я актеръ, превратился въ настоящаго Торопку-Голована, съ полнымъ увлеченіемъ пропѣлъ „вѣтерокъ“ четыре раза, „чарочки“, тоже, заставили повторить три раза. Однимъ сло-

вомъ — успѣхъ былъ такой, какого я и не воображалъ: вызывали меня много разъ, А. Н. Верстовскій высказалъ мнѣ большое одобреніе, артисты оперные и драматическіе пришли ко мнѣ въ уборную и поздравили съ успѣшнымъ дебютомъ; К. Н. Полтавцевъ съ шумною радостію входитъ съ шампанскимъ, которое мы всѣ вкупѣ и роспили за успѣхъ. Въ послѣднемъ дѣйствіи у меня ничего не было выдающагося въ пѣніи, но тѣмъ не менѣе, по окончаніи оперы, все-таки, вмѣстѣ со всѣми, вызвали нѣсколько разъ. Послѣ спектакля, пріѣхавъ домой, я почувствовалъ страшное утомленье, точно послѣ болѣзни какой или непомѣрнаго физическаго труда. Такъ кончился мой первый дебютъ на сценѣ Императорскаго Московскаго театра.

Послѣ я еще два раза игралъ въ „Аскольдовой могилѣ“ и все съ такимъ же успѣхомъ, а въ промежуткахъ участвовалъ въ водевилѣ „Анютины глазки“, въ которомъ исполнялъ роль Ивана. Въ этой роли хотя публика и хорошо принимала меня, но все не съ такимъ одобреніемъ, какъ въ „Аскольдовой могилѣ“. Дѣло въ томъ, что Бантышевъ въ „Анютиныхъ глазкахъ“ былъ необычайно типиченъ, съ настоящимъ, оригинальнымъ пошибомъ трактирнаго молодца, и притомъ его несравненный, золотого тембра голосъ производилъ обаятельное впечатлѣніе. Поэтому извѣстная его пѣсенка „Травушка“ прошла у меня слабѣе, чѣмъ у него. Съ своей стороны я полагаю, тутъ дѣйствовало, кромѣ сказаннаго, то, что публика едва ли на сценѣ слышала настоящія русскія пѣсни. „Травушка“ именно была плохая поддѣлка подъ русскую пѣсню; это скорѣе романсъ, который только и былъ хорошъ въ исполненіи А. О. Бантышева. Между артистами и почитателями Бантышева было такое сужденіе: Бантышевъ обладалъ изъ ряда выходящимъ голосомъ; онъ первый намѣтилъ характеры „Торопки“ и „Ивана“, только ему свойственные. Этими ролями онъ такъ дѣйствовалъ на зрителей, что другому исполнителю, въ его время, соперничать было невозможно. Какъ въ той, такъ другой роли онъ казался плутоватымъ увальнемъ, что къ нему очень шло. У меня же тѣ сцены, гдѣ нужна энергія, вышли замѣтнѣе; такъ, напримѣръ, ночная сцена съ Чухлымовой, и въ „Аскольдовой могилѣ“ въ 3 актѣ — разсказъ и „чарочки“. Ужъ и это неболь-

шое сравненіе служило мнѣ большой наградой, потому что надо было видѣть и слышать, каковъ былъ Бантышевъ въ 30-хъ и 40-хъ годахъ.

Послѣ дебютовъ правитель репертуарнаго стола Каракалпаковъ пригласилъ меня въ трактиръ Егорова, гдѣ, при разговорѣ, высказалъ желаніе узнать: на какихъ бы условіяхъ я хотѣлъ опредѣлиться на службу.

— Знайте, батенька, пояснилъ онъ: у насъ Полтавцевъ, Садовскій, Васильевъ и Шумскій не получаютъ полнаго оклада, да и у васъ въ оперѣ — одна Семенова имѣетъ его. Такъ вы, если желаете служить, не напирайте на большія условія... Оно, знаете, зависть не возбудите. Вы еще молоды... со временемъ доберетесь и до полнаго оклада. Будете получать 4000 руб. асс. жалованья, а? Вѣдь это, батенька, генеральское жалованье! Такъ-то!

Живя въ провинціи, по простотѣ, безъ хитростей, я и на этотъ разъ рѣшился говорить съ нимъ откровенно.

— Видите ли въ чемъ дѣло, отвѣтилъ я: мнѣ не до того... мнѣ бы только поступить да заручиться отъ дирекціи защитой... Я, какъ вамъ сказать... я человѣкъ безпаспортный... въ бѣгахъ нахожусь отъ рекрутства.

Каракалпаковъ въ испугѣ привскочилъ даже.

— Что? Это какъ же? недоумѣвая, вопрошалъ онъ. Давно ли, батенька, находишься въ бѣгахъ и безъ вида? измѣняя тонъ обращенія со мною, проговорилъ мой собесѣдникъ.

— Почти два года такъ маюсь!

— Эге, ге, ге! скорчивъ рожу, протянулъ онъ. Это, братецъ, статья иная! Объ этомъ надо будетъ доложить... да! Дѣло-то, выходитъ, дрянь! Дѣло каверзное, уголовное! Надо, донести! Прощайте, батенька! поѣду къ Алексѣю Николаевичу. Это статья иная!... Прощайте!

Оставилъ онъ меня въ великомъ смущеніи. Ну, думаю, не помогутъ мнѣ мои дебюты, успѣхи! И погонятъ меня, раба Божьяго, по дорожкѣ съ пересылочными, а тамъ—и подъ турку, воевать. Неисходное горе и злоба забушевали на душѣ.

На другой день, утромъ, приглашенъ я былъ въ контору къ Верстовскому. Онъ подробно разспросилъ о моемъ дѣлѣ; выслушавъ все — обѣщалъ, узнавъ хорошенько, похлопотать

объ увольненіи изъ общества. Всѣ артисты тоже — узнавъ о моемъ положеніи, особенно М. С. Щепкинъ, И. В. Самаринъ и К. Н. Полтавцевъ — приняли во мнѣ горячее участіе. Они, бывши на вечерѣ у графини Л. А. Нессельроде, объяснили ей мою бѣду и просили оказать помощь. Графиня дала слово сдѣлать все возможное, обѣщаясь попросить содѣйствія своего всесильнаго папаши, генералъ-губернатора графа Закревскаго. Между тѣмъ объ моемъ опредѣленіи, еще прежде объясненія, была послана бумага.

1855 годъ.

Рязань.

Въ 1855 году 7 января я былъ утвержденъ на службѣ, съ жалованьемъ 400 руб. сер. въ годъ. Въ конторѣ мнѣ объявили, что со временемъ, по заслугамъ, дадутъ въ награду бенефисъ. Радости моей не было конца. Въ это же время М. А. Н—ва, пріѣхавшая въ Москву, тоже обѣщала похлопотать о моемъ дѣлѣ и познакомила съ братомъ А. А. Б—гомъ. Слава Богу! кажется, все слагается въ мою пользу. Теперь можно и семью свою взять въ Москву. Для этого я отпросился въ отпускъ на нѣсколько дней. Пріѣхавши въ Рязань, я несказанно обрадовалъ жену, товарищей и знакомыхъ. Упросили тутъ меня сыграть хотя одинъ третій актъ изъ „Аскольдовой“. Конечно, я не отказался. Публика рязанская выразила свою радость шумнымъ пріемомъ.

— Нашъ актеръ въ Императорскій театръ поступилъ! Вотъ каковы наши-то! говорили любители вслухъ. Но вмѣстѣ съ этими радостями и весельемъ, Богу угодно было посѣтить меня и горестью великой: въ первые дни моего пріѣзда вторая дочь моя Соничка умерла. Бѣдненькая! До моего прибытія она все мучилась, металась и все звала своего папашу! Какъ только я взялъ ее на руки, она тутъ же и скончалась. Ей было $2^1/_2$ года.

Москва.

Возвратясь въ Москву, я продолжалъ играть какъ артистъ, принадлежащій дирекціи. Довелось мнѣ тутъ увидѣть несравненную игру геніальныхъ артистовъ. Изъ всѣхъ пьесъ особенное впечатлѣніе вынесъ я изъ комедіи Грибоѣдова „Горе

отъ ума“, въ которой участвовали: Фамусовъ — *М. С. Щепкинъ,* Софья — *Е. Н. Васильева,* Лиза — *А. И. Колосова,* Молчалинъ — *К. П. Колосовъ,* Чацкій — *И. В. Самаринъ,* Скалозубъ — *И. В. Орловъ* или *Ольгинъ,* Платонъ Михайловичъ — *Нѣмчиновъ* или *Дмитревскій,* Наталья Дмитріевна — *Рыкалова* или *Нѣмчинова,* князь Тугоуховскій — *П. Г. Степановъ,* Загорѣцкій — *С. В. Шумскій,* Хлестова — *А. Т. Сабурова,* княжны — *Бороздины 1-ая и 2-ая;* Репетиловъ — *В. И. Живокини* или *Д. Т. Ленскій,* танцующій офицеръ — *Н. М. Никифоровъ,* Петрушка — *А. Ермоловъ*

Боже мой, что это было за исполненіе! Особенно М. С. Щепкинъ, — это художественный и, вмѣстѣ съ тѣмъ, вѣрный типъ чиновника-барина Екатерининскихъ временъ. Да и всѣ участвующіе одинаково прелестны! Не знаешь, право, кто лучше! Потомъ смотрѣлъ я драму-комедію: „Матросъ“, въ которой М. С. Щепкинъ былъ поразительно хорошъ! Его матросская пѣсня и прощанье съ дочерью потрясли меня до глубины души. „Да! Вотъ какъ надо играть!“ повторялъ я всякій разъ, выходя изъ театра.

И какъ хорошо, семейно живутъ всѣ артисты. Щепкинъ, Ленскій, Самаринъ, Леонидовъ, Полтавцевъ, Живокини, Никифоровъ, а изъ балета Н. А. Пѣшковъ — всѣ радушно принимали у себя и своихъ и знакомыхъ. Хлѣбосольство вели широкое, задушевное. Всегда, обыкновенно въ свободные дни, у кого-нибудь собирались и проводили вечера очень весело. Изъ декораторовъ таковъ же былъ Осипъ Карловичъ Браунъ. Вотъ оперные мои собраты жили не ладно, другъ друга чуждались.

Паденіе колокола „Ре-утъ“.

20-го февраля совершенно неожиданно получили извѣстіе о кончинѣ Государя Николая Павловича. Театры и всѣ увеселенія тотчасъ же закрылись. Этого же числа въ день присяги Государю Александру Николаевичу, во время молебна, въ 3 часа дня, съ средней Ивановской колокольни упалъ колоколъ „Ре-утъ“ корноухій. Вѣсу въ немъ 2100 пудовъ. Паденіемъ его убито и изуродовано нѣсколько людей. Колоколъ пробилъ три свода и остановился на землѣ. Говорили,

что падаетъ онъ уже четвертый разъ. Первое паденіе было при Грозномъ, которое произвело въ народѣ волненіе и страхъ. За это царь велѣлъ, какъ бы въ наказаніе, отрубить у колокола ухо. Второе паденіе произошло во время междуцарствія, отъ пожара. Въ третій разъ — во время нашествія французовъ въ 1812 году. Потомъ, вотъ, въ наше время — падаетъ въ четвертый разъ. Толковъ въ народѣ, тоже, было не мало.

Весной роздали намъ роли изъ новой оперы А. Н. Верстовскаго, подъ названіемъ „Громобой". Мнѣ назначили роль кравчаго *Чешко*.

Дѣло мое съ обществомъ г. Темникова снова поднялось. Общество подало жалобу на дирекцію, обвиняя ее въ укрывательствѣ бѣглаго человѣка, подлежащаго отдачѣ въ солдаты. Даже изъ Петербурга прислано было распоряженіе выслать меня на мѣсто родины, но я, имѣя сильныхъ защитниковъ, не особенно-то тревожился. Но вотъ, однажды, полицеймейстеръ И. И. С. пріѣзжаетъ ко мнѣ съ приказаніемъ тотчасъ же явиться къ оберъ-полицеймейстеру. Отправляюсь туда. Въ пріемной чиновникъ немедля повелъ меня въ кабинетъ А. А. Между дверьми я увидѣлъ двухъ жандармовъ съ саблями наголо. Я такъ испугался ихъ, что попятился назадъ. Чиновникъ, улыбаясь, прошепталъ:

— Не бойтесь, входите смѣлѣе; это не про васъ!

Въ кабинетѣ встрѣтилъ меня А. А. Б—гъ.

— Здравствуйте, Лавровъ! ласково сказалъ онъ: я васъ пригласилъ по вашему дѣлу. Намъ предписано взять васъ и отправить на родину, но графъ, по просьбѣ графини Нессельроде, принялъ въ васъ участіе, и потому мы рѣшили такъ: въ эту ночь вы уѣзжайте куда-нибудь изъ Москвы... ну, хоть въ Троицкій посадъ, тамъ пробудьте дня два, а потомъ можете вернуться; а мы, безъ васъ, сдѣлаемъ обыскъ для формы. Жена ваша пусть скажетъ, что вы уѣхали въ какую-нибудь дальнюю губернію... ну, хоть въ Казань, Симбирскъ что ли... Получа отъ нея свѣдѣніе, мы пошлемъ туда на розыски; потомъ, общими силами, будемъ хлопотать. Ну, ступайте съ Богомъ и сдѣлайте такъ, какъ я сказалъ.

Поблагодаривъ А. А., я стремглавъ полетѣлъ домой. Жену Лизу насилу могъ успокоить, такъ она встревожилась, когда

я ей все это сообщилъ. Не мѣшкая ни минуты, собрался я такъ скоро, что часа черезъ два катилъ съ попутчиками по Троицкому тракту.

Возвратившись домой, я узналъ отъ жены, что, дѣйствительно, въ день отъѣзда, ночью, къ намъ нагрянуло жандармское и полицейское начальство. Съ испуга Лиза не знала, какъ и городъ-то назвать, но спасибо, добрѣйшій К. И. О. подсказалъ:

— Я слышалъ — онъ хотѣлъ уѣхать въ Симбирскъ? Туда, вѣдь, уѣхалъ?

— Да, да!... туда! робко проговорила она.

Послѣ этого, вѣроятно, и послали разыскивать актера Лаврова въ Симбирскую губернію. Вотъ будетъ исторія, если тамъ наткнутся на провинціальнаго актера, котораго, тоже, звали Иваномъ Ивановичемъ Лавровымъ! Пострадаетъ, бѣдняга, ни за что, ни про что! Скажетъ онъ мнѣ спасибо!

По совѣту Полтавцева, отправился я къ графинѣ Л. А. Нессельроде. Она приняла меня привѣтливо. Къ этому разу пришла и сама графиня Закревская. При разговорѣ обо мнѣ, она сказала, что я отъ нихъ имѣю защиту и покровительство, добавивъ, чтобы я никого не боялся; ибо безъ вѣдома графа — взять меня не посмѣютъ. На этомъ совѣщаніи Л. А. рѣшила выдать мнѣ денегъ на наемъ охотника. За все это я не зналъ какъ и выразить имъ мою благодарность. Выйдя изъ губернаторскаго дома, поспѣшилъ въ контору, чтобы все передать Верстовскому. Тутъ, тоже, получаю хорошее извѣстіе: артисты добровольно составили денежную подписку для освобожденія моего изъ общества. А. Н. Верстовскій посовѣтовалъ мнѣ ѣхать въ Петербургъ къ директору А. М. Гедеонову съ личной просьбой и объясненіемъ.

Въ ноябрѣ мѣсяцѣ поѣхалъ я въ Питеръ. Холодъ стоялъ ужасный; морозы доходили до 30 градусовъ. Въ вагонахъ третьяго класса не было возможности сидѣть, зато проѣздъ дешевъ — за весь путь мѣсто стоило три рубля.

Петербургъ.

Не мало я подивился на красивую сѣверную столицу. Что за громадныя зданія! что за мосты! какіе памятники! А такую улицу, какъ Невскій проспектъ, мнѣ еще въ первый разъ

довелось увидѣть. И всюду-то видна роскошь, богатство! Зато, должно быть, дорогонько-таки этотъ городокъ обошелся Россіи. И вправду, Москва передъ нимъ словно деревня какая, а все Питеръ такой оригинальности, такого вида не имѣетъ. Въ Москвѣ, какъ въ Кремль придешь — не налюбуешся! Нѣтъ! все-таки Москва лучше! Она, матушка, нашъ родной городъ.

Справился я когда надо явиться къ директору. Сказали: до 11 часовъ утра. Прихожу на другой день въ пріемную, — народу тьма. Пріютился я скромно въ уголкѣ и сталъ ждать. Спустя, этакъ, часъ времени, изъ другой комнаты входитъ А. М. Гедеоновъ, въ раззолоченномъ мундирѣ, на которомъ красовались лента и звѣзды; съ перваго же пріема началъ онъ кричать и распекать просителей.

„Батюшки, сердитый какой? Ужъ не уйти ли мнѣ по добру, по здорову!“ подумалъ я. Но въ эту минуту онъ, какъ-то круто повернулъ и направился въ мою сторону. Дошла очередь и до меня.

— Что надо? отрывисто и сурово спросилъ онъ.

— Ва... ваше пре... высокопревосходительство... Я изъ Москвы... актеръ Лавровъ... едва слышно проговорилъ я.

— Что вы таскаетесь! и зачѣмъ? Ничего я не могу сдѣлать! гнѣвно проговорилъ А. М. и быстро ушелъ въ парадную дверь.

— Вотъ тебѣ и разъ! дрожа какъ въ лихорадкѣ, промолвилъ я.

Опечаленный такимъ пріемомъ, поплелся я за просителями къ выходнымъ дверямъ. Иду по лѣстницѣ, а слезы невольно такъ и потекли изъ глазъ. Только, вдругъ, чувствую кто-то изъ-за перилъ потянулъ меня за фракъ. Оглядываюсь... какой-то господинъ приглашаетъ минутку обождать. Я остановился, и когда всѣ удалились, незнакомецъ, подойдя ко мнѣ, говоритъ:

— Что вы такъ запечалились? Успокойтесь! Вы не смотрите на него; онъ совсѣмъ не такой! Приходите завтра, да пораньше, такъ, часамъ къ восьми утра. Дѣло будетъ другое, увидите! Приходите непремѣнно, прощайте!

Удивленный такимъ неожиданнымъ вниманіемъ, я сошелъ къ швейцару и, надѣвая шубу, спросилъ:

— Кто это тамъ, наверху, со мною разговаривалъ?

— А это Петруша — камердинеръ генерала.

„А, а!“ думаю — „хлопочетъ и вѣрно не даромъ! Надо взятку дать... да сколько?“ До сихъ поръ я не имѣлъ понятія, какъ это дѣлается. Отъ другихъ слыхалъ, а самому не приводилось. Ну, тамъ увидимъ!

На другое утро, конечно, явился я аккуратно, въ назначенное время. Петруша, какъ видится, только что всталъ. Кивнувъ мнѣ привѣтливо, онъ показалъ на пріемную и проговорилъ:

— Ступайте, подождите тамъ.

„Ну, что-то будетъ? Еще приметъ ли?“ думалъ я, входя въ залъ. Никого, кромѣ меня, не было тутъ. Въ томительномъ ожиданіи простоялъ я около часу. Только слышу: въ сосѣдней комнатѣ, кто-то сталъ насвистывась. Спустя нѣсколько минутъ, входитъ А. М. Гедеоновъ въ шлафрокѣ и съ трубочкой. Я тотчасъ отвѣсилъ почтительный поклонъ. Подойдя ко мнѣ, онъ довольно ласково спросилъ:

— Вы кто?

— Изъ Москвы... Лавровъ... актеръ русской оперы, ваше высокопревосходительство.

— Да, да! слышалъ, мнѣ писали о тебѣ Верстовскій и графиня Нессельроде, — попыхивая изъ трубочки, проговорилъ онъ. Ну, такъ, чѣмъ же могу помочь?

— Ваше высокопревосходительство, удостойте написать къ тамбовскому губернатору... По вашему желанію, вѣроятно, онъ все сдѣлаетъ! умильно доношу я.

— Хорошо! Тамъ, вѣдь, Данзасъ, — онъ мой хорошій пріятель. Эй! кто тамъ есть? крикнулъ онъ.

На зовъ вошелъ чиновникъ, его секретарь.

— Евгеній Макарычъ! обратился къ нему А. М.: напишите въ Тамбовъ губернатору Данзасу письмо, въ просительномъ тонѣ, чтобы онъ способствовалъ уволить изъ общества служащаго у насъ артиста Лаврова.

— Слушаю-съ! поклонившись, отвѣчалъ чиновникъ.

— Надѣюсь, что все это устроится! сказалъ мнѣ А. М., кивнувъ головою.

Я откланялся. Оторопѣлый, въ радости, иду и ногъ подъ собой не слышу. Петруша встрѣчаетъ меня на лѣстницѣ и спрашиваетъ:

— Ну, что? Уладилось ваше дѣло?

— Да, спасибо вамъ! Вотъ мнѣ хотѣлось бы поблагодарить... бормоталъ я, вынимая красненькую.

— Не надо, не надо, г. Лавровъ! Вы человѣкъ небогатый, вамъ и безъ того тратъ-то предстоитъ не мало! Мы знаемъ съ кого взять! Ступайте съ Богомъ да кончайте успѣшно ваше дѣло. Прощайте!

Удивленный и сконфуженный, я не зналъ что и отвѣтить. Петруша, поклонясь, скрылся отъ меня. Швейцаръ, однако, не былъ такъ милостивъ: съ достоинствомъ холуя, какъ должную дань, принялъ отъ меня цѣлковый-рубль.

Веселый, довольный катилъ я обратно въ Москву. Тутъ все уже было подготовлено. Л. А. Нессельроде выдала мнѣ деньги и кромѣ того, вручила докторское свидѣтельство отъ А. И. Овера, на случай, если бы понадобилось. А. Н. Верстовскій тоже объявилъ мнѣ, что я могу изъ кассы получить собранныя по подпискѣ деньги отъ артистовъ. Я было не хотѣлъ брать эти деньги, но А. Н. замѣтилъ:

— Отказываться, братецъ, нельзя! Артисты это сдѣлали по сочувствію къ тебѣ. Ты ихъ обидишь, если не возьмешь! Можетъ, и тебѣ для товарищей придется оказывать помощь.

Я тотчасъ же съ этимъ доводомъ согласился. Получа деньги, отпускъ и подорожную, 20-го числа декабря, вечеромъ, вмѣстѣ съ матушкой, помчался на почтовыхъ вдоль по дорожкѣ да по Владимірской.

Муромъ.

Въ эту зиму жена моя, съ дочерью Варенькой, находилась въ труппѣ содержателя Иванова, въ Костромѣ. Зная, что этотъ полуграмотный антрепренеръ-кулакъ плохо выплачиваетъ жалованье, я выслалъ ей изъ Мурома денегъ, чтобы было чѣмъ встрѣтить праздникъ.

Отъ Мурома, за Окой, опять потянулись знакомые дремучіе лѣса муромскіе и саровскіе. Только въ зимнее время они не имѣли той красоты, какъ лѣтомъ. Мощно, угрюмо вздымались надъ снѣжными сугробами гигантскія сосны и ели. Вспомнилось тутъ мое счастливое дѣтство. Бывало

такъ же, зимней порою, ѣзжалъ я этою дорогой, на возахъ. Холодъ, морозъ, такъ вотъ и пронизываетъ тебя! Руки, ноги закоченѣютъ, и ты ждешь не дождешься теплаго пристанища. Ночью-то верхушки елей издали кажутся точно кресты церковные. Думаешь: вонъ село... анъ, нѣтъ! это все деревья, и деревья безъ конца! Но вотъ заслышится звонкое „кукареку!“ и вдали такъ привѣтливо замелькаютъ огоньки отъ фонарей встрѣчавшихъ насъ дворниковъ. Встрепенешься и оживешь... Смотришь, вотъ и дворъ постоялый, гдѣ возчики привыкли останавливаться у знакомаго. Заскрипятъ ворота... Мужички еще возятся съ лошадьми, а я ужъ давно грѣюсь на горячей лежанкѣ. Чувствуешь, какъ по всему тѣлу разливается теплота. А тутъ, подъ образами, за большимъ столомъ, пыхтитъ большущій самоваръ!... Ахъ! гдѣ это времечко?

Саровская пустынь.

Съ большой дороги свернули на просѣку, ведущую къ Саровскому монастырю. Уже стемнѣло, когда мы подъѣхали къ пустыни. Это было, какъ разъ подъ самое Рождество. Богомольцевъ понаѣхало множество. Я было хотѣлъ остановиться въ купецкой гостиницѣ, но монахъ, среднихъ лѣтъ, красивый такой, предложилъ мнѣ помѣститься въ дворянскомъ отдѣленіи, которымъ онъ завѣдывалъ. Онъ отвелъ мнѣ большую чистую комнату, увѣшанную портретами духовныхъ и царскихъ особъ. Мамашу помѣстили въ женскомъ отдѣленіи. Монахъ-смотритель оказался человѣкомъ довольно хорошо образованнымъ; прежде служилъ онъ во флотѣ и былъ большой любитель театра, какъ онъ пояснялъ. На мой вопросъ: почему онъ оставилъ свѣтъ? — далъ отвѣтъ уклончивый.

Служка устроилъ мнѣ на диванѣ такую постель, что чудо! съ дороги-то да съ холоду, напившись чайку, я живо заснулъ.

Въ полночь пробудилъ меня могучій, бархатный звонъ большого колокола.

Признаться, не хотѣлось вставать, да совѣстно было въ такой великій праздникъ не пойти въ церковь, да еще и въ пустыни.

Монахъ мнѣ совѣтовалъ не торопиться.

— „У насъ“, говоритъ, „заутреня идетъ часа четыре, а то и

больше. Напрасно такъ рано хотите итти“, уговаривалъ онъ „устанете. Поспите. Послѣ второго звона я велю разбудить васъ, и то настоитесь вдоволь!“

Но я изъявилъ желаніе простоять всю службу — съ начала до конца — и хорошо сдѣлалъ: служеніе было чрезвычайно торжественное, хоры поющихъ стройно раздавались по величественному храму. И какіе чудесные голоса у всѣхъ, даже у чтецовъ! Произношеніе ихъ было настолько ясное, что каждое слово слышалось отчетливо, понятно.

И я такъ былъ увлеченъ всѣмъ, что заутреня-то въ нѣсколько часовъ показалась короткой.

— Ну, что? Не утомились вы? спросилъ меня знакомый монахъ.

— Нѣтъ, батюшка, напротивъ; я, просто, въ восхищеніи! Такого служенія, такого торжества и голосовъ — рѣдко можно увидѣть и услышать.

Отецъ А. самодовольно улыбнулся.

— Да! У насъ обрядность древняя, строгая! Я вамъ совѣтовалъ бы теперь пойти къ „ранней“ въ церковь Іоанна Предтечи, на источникъ, — тамъ служба самая ранняя; потомъ будутъ обѣдни средняя и поздняя. Вамъ лучше тамъ и простоять, а послѣ, накушавшись чайку, отдохнуть до трапезы.

Я согласился и поступилъ такъ, какъ онъ совѣтовалъ. Служка будилъ меня нѣсколько разъ, — такъ сильно я разоспался.

— Братія и богомольцы уже за трапезой! уговаривалъ онъ меня.

Отецъ А. распорядился принести мнѣ кушанье въ гостиницу. Какая превосходная рыба, икра, и вообще вся провизія! Квасъ, какъ напитокъ, хорошій. Послѣ обѣда отецъ А. угостилъ меня диковиннымъ старымъ медомъ.

— Ну, отецъ А—ръ, съ роду впервой пью такой медъ! Право, лучше всякаго вина заморскаго.

— Это еще не самый лучшій! отвѣтилъ онъ, тоже попивая медъ. Теперь, вотъ, нѣтъ старшаго эконома, — уѣхалъ онъ по дѣламъ въ Тамбовъ, — а то бы я васъ угостилъ такимъ, что хранится у насъ въ погребахъ многіе годы. Бережется онъ для случая, когда пріѣдутъ высокіе гости изъ свѣтскихъ или духовныхъ.

— Да ужъ и этотъ хорошъ, нечего сказать! И въ голову, и въ ноги — такъ и шибаетъ!

Поговорили мы тутъ съ отцомъ А—мъ о столицахъ, о театрахъ и вообще о городскихъ новостяхъ. Очень онъ остался доволенъ такой бесѣдой. Въ память нашего знакомства, подарилъ онъ мнѣ книжку: „Описаніе Саровской пустыни, составленное іеромонахомъ Авелемъ. Изд. 1853 года, въ Москвѣ“.

Въ этотъ же вечеръ, дружески простясь съ гостепріимнымъ и радушнымъ отцомъ А—мъ, отправились мы съ мамой въ Темниковъ.

Темниковъ.

(1856 годъ.)

Съ непритворною радостью встрѣтили насъ родные. Они сказали, что сюда пріѣзжалъ изъ Тамбова чиновникъ отъ губернатора и спрашивалъ меня; прожилъ онъ здѣсь дня три и только недавно уѣхалъ въ уѣздъ по какимъ-то важнымъ дѣламъ. Въ Темниковѣ скоро я свелъ знакомство съ управляющимъ откупами А. Я. Алянчиковымъ, городничимъ, докторомъ и другими лицами.

А состарился мой дядя Иванъ Евменычъ. Да вѣдь, и годовъ-то ему не мало, пожалуй около 90 лѣтъ будетъ, а все еще бодръ, веселъ и отъ чарочки не прочь!

— Ну, что, дядя? какъ твоя гусиная охота?—въ бесѣдѣ съ нимъ спросилъ я.

— Ничего, племянникъ, ведется. Есть у меня теперь гусакъ, боецъ такой... во всемъ округѣ нѣтъ ему супротивника! Я тебѣ покажу его.

— А пчелки, дядя, водятся?

— Охъ, плохо! почитай перевелись всѣ.

— Отчего жъ такъ?

— Сказать тебѣ — смѣяться будешь... А у насъ это въ примѣтахъ... Признаться, не любилъ я никогда, чтобы лишніе люди входили въ мой пчельникъ, а тутъ, какъ на грѣхъ, пріѣхалъ сельскій попъ, родственникъ даже... завидущій онъ такой, прости, Господи! На тотъ неладный случай былъ я на пчельникѣ, а онъ и шасть ко мнѣ... Распустилъ свои глазищи на колодки да на пчелъ-то и говоритъ: „Ишь-ты, сколько у те добра-то!“ А мнѣ ужъ куда не понутру, что онъ и пришелъ-то! Словно, вотъ, кто шепчетъ мнѣ: не къ добру его

глазокъ-то! Съ тѣхъ, вотъ, поръ и стали мои пчелки переводиться да переводиться.

— Ну, ничего, дядя, не горюй! Я тебѣ отъ души сдѣлаю подарокъ: куплю колодки три. Ты подыщи — гдѣ лучше имѣются пчелы.

— Ахъ, ты мой родной, мой дорогой племянникъ! Ужъ коли такъ, поѣдемъ въ Санаксырь. Тамъ экономъ мнѣ съ родни. Дастъ важныхъ пчелокъ и недорого.

— Ладно! На дняхъ съѣздимъ туда, а теперь, пока, прощай, дядя; пойду хлопотать по своему дѣлу.

— Съ Богомъ, съ Богомъ, мой хорошій, мой добрый! Дай тебѣ Господь устроить все дѣло благополучно. Начальство-то наше какъ тебя полюбило, — весело проговорилъ дядя, провожая меня за калитку.

Стряпчій В. В. этимъ временемъ повелъ за меня переговоры съ обществомъ. Міроѣды все упирались и кричали на сходкѣ:

— Нашихъ дѣтей незаконно перехватали! а все изъ-за этихъ бѣгуновъ: они, шельмецы, все отлынивали! Нельзя же его такъ отпустить!

— Губернаторъ, слышь, приказъ далъ! урезонивали другіе. Не бойсь, слышалъ, какъ чиновникъ онамедни толковалъ?

— Да что намъ губернаторъ да чиновникъ? горлопанилъ міроѣдъ. Они намъ въ этомъ дѣлѣ не указъ!

Во время разгара этой сходки А. Я. Алянчиковъ прислалъ имъ отъ моего имени боченокъ водки. Православные мои сограждане остались очень довольны такимъ подаркомъ; смягчились даже недоброжелательные говоруны. Тутъ, вкусивши зелена-винца, повели они рѣчь иную.

— Ну, что жъ! Такъ ужъ и быть, Господь съ нимъ! Отпустимъ, пущай его! Ишь малый къ хорошему дѣлу приладился... не замай! Только, все жъ, даромъ нельзя: первое дѣло недоимку предоставь... да еще у насъ много есть бѣдныхъ неплательщиковъ — вотъ онъ за нихъ и внеси!

И порѣшили они, чтобы за увольненіе я уплатилъ въ общество недоимку за 30 бѣднѣйшихъ семействъ и сиротъ. Рѣшенію ихъ я не противорѣчилъ и вполнѣ на это согласился. Въ тотъ день, когда все было готово и покончено, А. Я. созвалъ насъ, общихъ его знакомыхъ, къ себѣ на обѣдъ. И когда за десер-

томъ хлопнула пробка отъ шампанскаго, мнѣ подали закрытое блюдо. Открывъ его, я увидѣлъ бумагу, въ которой заключалось мое увольненіе изъ общества. Всѣ шумно поздравили меня съ окончаніемъ дѣла. Это такъ меня обрадовало, что я не скоро могъ прійти въ себя. На радости такой ужъ и загулялъ я такъ, какъ только подобало свободному человѣку.

Посмотрю я, какъ бѣдны стали жители нашего города! Дома, почти сплошь, зачернѣли, погнили, похилились; заборы, загороди развалились; садочки заросли! Совсѣмъ не то, что было прежде, какъ я еще припомню. Хотя дешевизна на все неслыханная, но зато заработковъ и денегъ добыть негдѣ. Одно родственное мнѣ семейство я нашелъ въ такой крайности, что сердце заболѣло отъ жалости. Старшо́й ихъ хилый, немощный; дѣти болѣзненныя; бабушка лежала отъ старости на печи, а и печка-то была холодная, другой день нетопленая: дровъ не было, — тогда какъ здѣсь возъ можно купить за 40 коп. Мясо, чай, какъ недоступную роскошь, они имѣли только по великимъ праздникамъ, да и то по милости добрыхъ людей. И такихъ семействъ въ городѣ не мало. Вотъ бы пресыщеннымъ, скучающимъ богачамъ въ такія мѣста заглянуть! Впрочемъ, что жъ я говорю! Гдѣ нѣтъ ее этой горькой, безысходной голытьбы?

Передъ отъѣздомъ изъ Темникова пожелалъ я почтить память отца. Для этого попросилъ двоюродную сестру Машу заказать обѣдню въ Польско́й кладбищенской церкви. Отца своего я лишился, когда мнѣ было только года полтора. Къ сожалѣнію, могилу его не могъ разыскать; всѣ запамятовали, гдѣ онъ и похороненъ-то.

Послѣ совершенія должнаго обряда, я вручилъ попу всю мелочь серебряную, какая находилась въ карманѣ. Придя домой, Маша разсказала, какой послѣ меня произошелъ случай.

— Ахъ, братецъ, что ты сдѣлалъ съ причтомъ! говорила она, смѣясь.

— А что?

— Да они, вѣдь, подрались! Діаконъ-то видѣлъ, какъ ты далъ горсть серебра. Стали дѣлить; ему показалось мало. Онъ думалъ денегъ-то страсть сколько! Сто рублей!

— Вотъ глупости! небойсь, тамъ и денегъ-то всѣхъ было не больше пяти-шести рублей. Ну, да они помирятся! добавилъ я, смѣясь.

Дядя Иванъ Евменычъ сообщилъ мнѣ, что попы соборные обижаются за то, что не приглашаю ихъ. „Онъ, вѣдь, былъ нашъ прихожанинъ, такъ не грѣшно бы угостить насъ хлѣбомъ-солью!“ говорили они.

— Что жъ! я не прочь угостить духовенство. Да, кстати, дядя, пригласи ты и думскихъ, которые поважнѣе. Ужъ заодно.

— Знамо дѣло; пересуду не будетъ! Съ доброй памятью отъ насъ поѣдешь,—урезонивалъ дядя.

Для этихъ гостей домашніе наши наварили, напекли, нажарили—страсть сколько! Запасся я и питіемъ не малымъ.

На пиръ мой собрались: два священника, два діакона да человѣка три-четыре думскихъ. Сначала бесѣда наша шла вяло; все стѣснялись мы другъ друга, не знали о чемъ и какъ рѣчь вести, ну, а потомъ, какъ изрядно подпили, то и полилась откровенность нараспашку. Увидѣлъ я тутъ, какъ всѣ заправилы общественные малограмотны, какъ узокъ былъ ихъ кругозоръ понятій и свѣдѣній, а вѣдь, въ сущности, они были люди далеко не глупые.

Изъ разговоровъ съ ними — я вывелъ заключеніе, что всѣ ихъ заботы и дѣйствія стремились только для личныхъ, житейскихъ нуждъ. Начальство и общественники все только маклачили для своего кармана; объ улучшеніи быта жителей и учрежденіи школъ ремесленныхъ и промысловыхъ у нихъ и заботъ не было.

— Гдѣ намъ всѣмъ этимъ заниматься! пояснялъ на мои рѣчи думецъ. Жители-то наши все голь перекатная! На подати да городскія надобности и то бьешся, бьешся, насилу половину выберешь. Сами вы, Иванъ Иванычъ, поживши здѣсь, чай, видѣли бѣдноту-то нашу?

— Какъ же старики-то нашк? Жили, вѣдь, въ достаткѣ... нужды такой не видѣли! замѣчаю я.

— Старики! перебилъ ражій діаконъ: старики-то живали по-Божески, къ церкви были радѣльцы, да и духовенство чтили не по-нонѣшнему.

— Это доподлинно! вторилъ ему захмелѣвшій попъ. —Те-

перь къ нашему брату, духовной особѣ, уваженья не стало, да и сборы ужъ не тѣ... вотъ Богъ и наказываетъ!

— Сборы не тѣ! Богъ наказываетъ! съ упрекомъ отнесся одинъ изъ гласныхъ.—Грѣшно тебѣ, батька, такъ говорить-то! Вы, вотъ, ни повинностей, ни платежей никакихъ не знаете, живете себѣ — дай Богъ всякому!

— А зато жъ мы... за васъ передъ престоломъ... ходатайствуемъ!... икая, ввернулъ другой попъ. — Хлопотъ-то... тожъ... не мало съ вами... то крести, то вѣнчай, то хорони... а тутъ, кромѣ того... и своя служба...

— Вамъ что! зычно воскликнулъ діаконъ, ударивъ могучимъ кулакомъ по столу: — вашъ братъ выучился кое-какъ читать да выводить каракули — ну и пошелъ обмѣривать да обсчитывать! Нѣтъ! Ты, вонъ, потри-ка лямку-то по-нашему! Поучился бы въ семинаріи, такъ узналъ „Кузькину мать“!

Отъ такой остроты весь синклитъ загоготалъ. Думцы ощетинились.

— Почтенное духовенство... несуразныя рѣчи ведете! отвѣтилъ тоже порядочно захмелѣвшій думецъ. — Вамъ, конечно, Господь подаетъ... а все жъ... какъ будто... безъ насъ, православныхъ, вы и дышать не можете!... Нѣтъ! на „подай, Господи“ далеко не уѣдешь!...

— Ахъ ты, борода мочальная! вскочивъ, гнѣвно зарычалъ ражій діаконъ. — Хулу такую произносишь! Да я тебя такъ встряхну, что ты у меня несвоимъ голосомъ завопишь...

Видя, что охмелѣвшіе мои гости пошли на ссору, я поручилъ дядѣ ихъ помирить и проводить, а самъ незамѣтно ушелъ изъ дому и направился къ А. Я. Алянчикову. Послѣ я узналъ, что духовенство съ думцами подрались, — насилу ихъ розняли. Ражій дьяконъ остался побѣдителемъ. Всѣхъ другихъ: кого повезли, кого повели, — одинъ діаконъ-герой пошелъ безъ помощи, распѣвая на улицѣ ирмосы и кондаки.

Наконецъ пришло время отправляться въ Москву. Смѣшной случай произошелъ напослѣдокъ: казначей за что-то питалъ ко мнѣ непріязнь, а поэтому, чтобы сдѣлать мнѣ какую-нибудь непріятность, отказалъ въ выдачѣ подорожной; я явился

въ казначейство съ полицейскимъ свидѣтельствомъ, которое онъ требовалъ, и объявилъ, что если отъ этой задержки я опоздаю на службу, то тогда отвѣтственность падетъ на виновныхъ, а отвѣтственность эта пахнетъ, кромѣ гнѣва г. директора, дѣйствительнаго тайнаго совѣтника А. М. Гедеонова, еще и денежнымъ взысканіемъ въ количествѣ полнаго сбора отъ тѣхъ спектаклей, которые безъ меня не пойдутъ. Эта напускная угроза, вѣроятно, испугала моего соперника; онъ, извиняясь, тотчасъ же выдалъ мнѣ подорожную. Послѣ я узналъ, что казначей этотъ страшно бѣсился за мой дерзкій тонъ.

— Мѣщанинишко-то... а! какъ сталъ поговаривать съ чиновными особами! ораторствовалъ онъ въ своемъ присутствіи. Да, если бы онъ прежде осмѣлился такъ отвѣчать, такъ я бы его въ бараній рогъ согнулъ!

— Да, вотъ, поди ты! подсмѣивался А. Я. Алянчиковъ, случившійся при этомъ. — Прежде-то можно было, а теперь ничего съ нимъ не подѣлаешь. Смотрите, какъ бы онъ не нажаловался какому-нибудь важному лицу... Говорятъ, онъ бываетъ въ домѣ генералъ-губернатора графа Закревскаго... А вѣдь, какъ сказываютъ, онъ имѣетъ власть сослать виновныхъ туда, гдѣ Макаръ и телятъ не гонялъ!...

— Неужели! съ испугомъ воскликнулъ казначей. — Такъ надо бы съ этимъ актеромъ помириться.

Но мириться мнѣ съ нимъ не пришлось; 20 января, простясь съ родными и знакомыми, я съ матушкой выѣхалъ изъ града Темникова.

Матушка моя несказанно рада была окончанію моего дѣла. Добрый старикъ, мой дядя, съ плачемъ, далеко за околицу провожалъ насъ. И ужъ какъ онъ благодарилъ за пчелокъ, которыхъ я ему купилъ. При прощаніи насилу могъ уговорить его принять отъ меня за пожитое небольшую сумму денегъ.

Ну, прощай, мой родимый городъ! прощайте, родные! Увижу ли васъ когда-нибудь...

И помчался я тою же дорогой на Муромъ. Хорошо, что я запасся мелкими деньгами: въ это время серебряной монеты на станціяхъ, въ городахъ и селахъ достать было трудно. На одной станціи какой-то проѣзжій съ семействомъ проси-

дѣлъ цѣлый день изъ-за того только, что сдачи не было; имѣя возможность, я выручилъ его, а то Богъ знаетъ, сколько пришлось бы ему ждать.

Посмѣшилъ меня тожъ не мало одинъ станціонный смотритель - старичокъ. Робко, съ почтеніемъ подавая подорожную, спросилъ:

— Осмѣлюсь васъ безпокоить моимъ любопытствомъ: какого рода ваша служебная обязанность при дворѣ и въ какомъ изволите быть чинѣ?

Сразу я былъ озадаченъ такимъ вопросомъ, потомъ ужъ мнѣ стало до крайности смѣшно. Едва удерживаясь отъ смѣха, я по - хлестаковски отвѣчалъ ему: „Я занимаю должность лицедѣя въ зрѣлищахъ и увеселеніяхъ его величества, ну, а чинъ... чинъ не меньше генеральскаго“. Смотритель послѣ такого, вѣроятно, непонятнаго для него объясненія, все-таки, провожая меня, отвѣсилъ глубокій поклонъ.

Москва.

(1856 годъ.)

Возвратясь въ Москву съ увольнительнымъ свидѣтельствомъ, я уже вполнѣ принадлежалъ дирекціи. Съ пріѣздомъ моимъ снова начали репетировать „Громобоя“ и еще давно не игранную оперу Верстовскаго: „Сонъ на яву“,— все это готовилось для Большого театра. Между тѣмъ пришлось мнѣ, по необходимости, исполнять роли любашей въ родѣ Артура изъ оперы „Лючія“. И куда какъ не понутру было мнѣ ихъ играть; признаться сказать, я былъ въ нихъ не на своемъ мѣстѣ. То ли дѣло — въ нашемъ русскомъ костюмѣ!... тутъ я былъ все равно, что дома. Приходилось мнѣ играть и съ драматической труппой, напр. въ „Анютиныхъ глазкахъ“, „Ямщикахъ“ и въ „Мельникѣ“ Аблесимова, и др.

Ранней весной приступили къ возобновленію Большого театра. Постройка шла спѣшная. Говорили, приказъ такой данъ, чтобы къ коронаціи непремѣнно театръ былъ готовъ. Великимъ постомъ все давали концерты съ живыми картинами, а послѣ Пасхи, хотя и шли оперные спектакли, но на короткое время; съ наступленіемъ тепла только одна драматическая труппа давала представленія.

Лѣтомъ контора театровъ не выдавала служащимъ и артистамъ жалованье. Сколько отъ этого переносили мы лишеній! Позаложили все, что только имѣлось. А каково было балету и хору, которые получали до крайности мизерное жалованье. Бѣдные! Придутъ они въ контору и со слезами умоляютъ выдать имъ хотя сколько-нибудь. Нѣтъ! Чиновники подведутъ ихъ къ окну и, показывая на Большой театръ, скажитъ:

— Смотрите, вотъ откуда наше общее бѣдствіе!

Ужъ какъ передышали лѣто — одинъ Богъ знаетъ! Я свою бѣдную жену Лизу по этому случаю протурилъ въ Кострому къ антрепренеру Машкову; мы съ ней надѣялись, что она тамъ хоть что-нибудь заработаетъ, но не тутъ-то было! Эти содержатели театра просто кулаки; дѣла свои ведутъ безъ гроша, на авось. Едва, едва жена могла получить столько, чтобы добраться до Москвы.

Въ августѣ Москва все болѣе и болѣе стала оживляться. Пріѣзжихъ изъ разныхъ сторонъ понаѣхало множество, а потомъ нахлынулъ и весь петербургскій театральный міръ: тутъ были итальянцы, французы, оперный оркестръ, хоръ, балетъ — и все въ полномъ составѣ. Многіе изъ этого люда помѣстились въ баракахъ, устроенныхъ на Театральной площади. Бѣдные московскіе артисты попали въ загонъ, точно ихъ и не существуетъ. Спасибо, осталась на виду наша знаменитая драматическая труппа.

Коронація Александра II.

Наконецъ и коронація наступила со всѣми парадами, балами и всякаго рода диковинными увеселеніями. Мнѣ съ женой, хотя и съ билетами, съ трудомъ довелось попасть въ Кремль.

Полиція во всемъ своемъ многочисленномъ составѣ и даже при участіи жандармовъ не въ силахъ была удержать напора громадной толпы. Массы всякаго званія людей, какъ волны бурныя, ринулась на блюстителей порядка и благочинія, стоптали, смяли ихъ и въ нѣсколько минутъ покрыли собою всю Ивановскую парадную площадь. И когда Государь и Государыня шествовали по красному сукну въ соборы и въ Чудовъ монастырь, поднялся звонъ, пушечная пальба и громогласные

крики ура — ну, просто, заглушили! Минута, дѣйствительно, была торжественная! Но вотъ Государь и Государыня вышли на балконъ и поклонились, махая платками, настоящему русскому народу, какъ туча непроглядная стоявшему по набережнымъ Москвы-рѣки.

Вотъ тутъ-то поднялся стонъ и ревъ такой, что ужасъ на меня напалъ. „Вотъ она сила-то настоящая народная! Вотъ она какая!“ подумалъ я. И эта могучая русская сила-кормилица, недопущенная въ Кремль, смиренно и терпѣливо дожидалась того, чтобы хоть мелькомъ взглянуть на своего любимца „батюшку-царя“!

30-го августа въ возобновленномъ Большомъ театрѣ данъ былъ первый парадный спектакль. Какая блестящая отдѣлка и обстановка! А къ этому еще и публика была такая, что и самый залъ затмила роскошью и богатствомъ нарядовъ. При царской фамиліи много было иностранныхъ высокихъ гостей и вся придворная свита; въ креслахъ все сидѣли генералы въ красныхъ лентахъ. Какъ только Государь вошелъ въ ложу, его привѣтствовали шумно, восторженно. Тотчасъ же поднялся новый занавѣсъ, писанный художникомъ Дузи. Сказывали, что ему за работу было уплачено 12 тысячъ рублей.

Спектакль начался гимномъ, который мы всѣми труппами исполнили три раза; потомъ шла опера „Любовный напитокъ“, въ которой участвовали: Бозіо, Лаблашъ и Кальцолари. Въ первый разъ привелось мнѣ услышать такихъ великихъ и знаменитыхъ пѣвцовъ; удивленію и восторгу моему не было конца. Жаль только, ихъ все торопили. А. М. Гедеоновъ то и дѣло бѣгалъ за кулисы и твердилъ: „скорѣе, скорѣе!...“ Пришлось пропускать цѣлыя сцены. Надо было видѣть, какъ ловко и незамѣтно справилъ дѣло капельмейстеръ Бавери. Послѣ оперы шелъ какой-то маленькій балетъ при участіи европейской извѣстности, Фанни Черитто.

Публика, согласно этикету, во весь спектакль не апплодировала; все представленіе кончилось ранѣе 10-ти часовъ. За коронацію всѣ питерскіе и иностранные артисты получили благоволеніе и подарки, только московскіе, кажется, были позабыты.

Еще прошлаго года, по приказу А. Н. Верстовскаго, я сталъ посѣщать классъ пѣнія у Тамброни. Классъ находился въ нижнемъ этажѣ въ домѣ театральной конторы, на Большой Дмитровкѣ. Ученики и ученицы, числомъ до тридцати, только были приходящіе. Никакихъ формальностей не требовалось, а лишь записывали въ классную книгу свое имя, отчество и фамилію да мѣсто жительства.

Осенью поставлена была опера Верстовскаго „Громобой". Для роли кравчаго Чешко былъ приглашенъ А. О. Бантышевъ, а мнѣ дали роль Козырька. Постановка оперы была великолѣпная. Билеты на нее публика брала съ бою. Бантышевъ замѣтно утратилъ свой дивный голосъ. Хотя его и принимали радушно, но ужъ это, вѣроятно, за прежнія его заслуги. А все-таки въ „Аскольдовой" и въ „Анютиныхъ глазкахъ" замѣчательно онъ былъ хорошъ, несмотря на то, что голосовыя средства ему измѣняли; зато въ оперѣ „Волшебный стрѣлокъ", въ роли Макса, онъ совсѣмъ былъ плохъ.

1857, 1858, 1859, 1860 годы.

Въ 1857 году ѣздилъ я въ Нижній на ярмарку. Думалъ попасть на условія въ театръ, — не удалось: ужъ очень много нашихъ столичныхъ понаѣхало. Спасибо, при участіи Климовскаго и Шмитгофъ, я могъ соорудить концертикъ, который, хотя немного, но выручилъ меня. Изъ Нижняго поѣхалъ я съ актеромъ Иваномъ Васильевичемъ Кулебякинымъ въ Ярославль. Съ этимъ Кулебякинымъ одинъ разъ шли мы съ откоса; идя рядами на Нижнемъ базарѣ, Климовскій указалъ Кулебякину на чугунную бабу-сваю и насмѣшливо проговорилъ:

— А вотъ тебѣ, Ванька, эту штуку не осилить!

Тотъ, не думая долго, схватилъ сваю въ охапку и, пронеся ее шаговъ двадцать, бросилъ.

Сторожъ въ рядахъ даже ужаснулся.

— Что ты чортъ аль человѣкъ! воскликнулъ онъ.

А въ бабѣ-то было вѣсу, пожалуй, больше двадцати пудовъ...

Въ 1858 году Бантышевъ оставилъ службу, а Петровъ А. Ф., нашъ теноръ, умеръ отъ чахотки. Бѣдный! Сколько лѣтъ онъ все добивался прибавки къ его ограниченному жа-

лованью, и ему все обѣщали да обѣщали; наконецъ, когда ужъ онъ умеръ, вышла обѣщанная прибавка. О доброе театральное начальство! Оно всегда найдетъ тебя во-время! На мѣсто Петрова поступилъ на нашу сцену изъ Петербургской оперы теноръ М. П. Владиславлевъ. Сказывали, что до этого онъ въ Питерѣ былъ на роляхъ баритонныхъ партій. Дебютировалъ онъ въ Москвѣ на бенефисѣ Семеновой въ оперѣ „Марта“ и произвелъ фуроръ. Съ нимъ пошли „Громобой“, „Сонъ наяву“, „Робертъ“ и „Фенелла“. Въ оперѣ „Сонъ наяву“ я игралъ Весну, а въ „Робертѣ“ — Рембо; обѣ эти роли провелъ я успѣшно. Въ этомъ году воротилась моя мамаша изъ путешествія въ старый Іерусалимъ; въ дорогѣ пробыла она больше году. Еще съ 1836 года, послѣ моего съ сестрой опредѣленія на мѣста, она посвятила себя хожденію по свв. мѣстамъ, и ни одного года не проходило безъ того, чтобы она куда-нибудь не сходила; бывало только наступитъ весна, ей ужъ и не сидится, покрехтитъ, поохаетъ да и скажетъ:

— Надумала я, Ванюшенька, навѣстить своихъ въ Темниковѣ; оттуда пойду къ святителю Митрофанію и Тихону Задонскому, да ужъ кстати, мимоходомъ, заверну въ Кіевъ поклониться угодникамъ Божіимъ.

Такъ до осени и не видишь ее. Во всѣ свои путешествія и странствованія она была нѣсколько разъ въ Кіевѣ, Почаевѣ, на Валаамѣ и въ Соловкахъ, кромѣ того и во многихъ другихъ монастыряхъ, и все-то ходила она большею частью одна одинёшенька! Бывало спросишь ее:

— И не скучно вамъ, мамаша, одной-то ходить?

— Нѣтъ, сыночекъ, отвѣтитъ она. — Одной-то лучше: пересуду да соблазну не знаешь, бредешь себѣ да бредешь полегоньку, и когда устанешь, сядешь отдохнуть на какомъ-нибудь бугоркѣ, чтобъ полюбоваться краемъ, а то и въ лѣсу. Тутъ тебѣ птички разныя поютъ! Таково-то хорошо! Опять же на ходу-то — чужія сторонки и всякихъ людей повидишь. Вотъ тоже любо, когда моремъ плывешь; оно хоть подъ часъ и жутко бываетъ, а все-таки хорошо! Ну, какъ все это увидишь да испытаешь, на другой-то годъ такъ ужъ тебя и тянетъ куда-нибудь на новыя мѣста.

Весною 1858 года, 27-го апрѣля, родился у меня сынъ Николай. Крестили въ ц. Троицы въ Троицкомъ. Лѣтомъ,

спустя два мѣсяца послѣ родовъ, жена Лиза вздумала выкупаться, и это повело къ гибельнымъ послѣдствіямъ: все лѣто ей нездоровилось; только къ осени она какъ будто бы поправилась.

Осенью же подвернулся директоръ Казанскаго театра Мирцевъ; онъ пригласилъ Лизу на зимній сезонъ въ Казанскій театръ и на очень хорошихъ условіяхъ, — она съ радостью согласилась поѣхать. Въ началѣ сентября проводилъ я жену съ дѣтьми въ путь. Въ ноябрѣ получаю черезъ Полтавцева извѣстіе, что Лиза, какъ пріѣхала въ Казань, такъ и слегла больная въ постель и до сихъ поръ не встаетъ. При этомъ увѣдомленіи мнѣ совѣтовали непремѣнно съѣздить навѣстить ее. Растерялся я совсѣмъ, а тутъ, какъ на грѣхъ, репертуаръ шелъ такой, что мнѣ ранѣе 5-го декабря невозможно было выбраться. Ѣду я, и дорогой все-то преслѣдуетъ меня какое-то недоброе предчувствіе. Изъ Нижняго мнѣ попался попутчикъ, молодой офицеръ, который своею веселостью и росказнями старался меня развлечь, но чѣмъ ближе мы подъѣзжали къ Казани, тѣмъ все больше и тяжелѣе душила меня тоска.

Въ послѣдній вечеръ пути, проѣзжая мимо памятника Грознаго, я на свѣтящемся въ немъ огонькѣ, по суевѣрію, загадалъ: потухнетъ или нѣтъ? Не успѣлъ я помыслить, огонь исчезъ. Дрожь пронизала меня...

„Пустое!“ думаю себѣ. „Можно ли вѣрить глупымъ примѣтамъ“. Ночью не скоро мы нашли съ офицеромъ домъ, гдѣ жила жена. Войдя во дворъ, я замѣтилъ отблескъ серебрянаго креста; подхожу ближе, и мнѣ уже ясно обрисовалась гробовая крышка. Тутъ ужъ я потерялъ и сознаніе; не помню, какъ меня подняли и ввели въ домъ, и когда я увидѣлъ лежавшую Лизу въ гробу, у меня только глаза горѣли, сердцемъ же овладѣло какое-то отупѣніе. Тутъ выбѣжала моя дѣвочка Варя и пролепетала:

— Папа, мамаша вчера уснула и вотъ до сихъ поръ не встаетъ, разбуди ее!

Ну, тутъ невольно хлынули слезы, и не могъ я удержать мучительныхъ тяжкихъ рыданій... На другой день, почти всей труппой, похоронили мы Лизу на Куртинномъ кладбищѣ. При этомъ случаѣ товарищи по театру: Василій Ивановичъ Вино-

градовъ, Евгеній Николаевичъ Полтавцевъ, Евгеній Ивановичъ Климовскій и другіе — высказали мнѣ полное вниманіе и сочувствіе, — спасибо имъ!

И вотъ, оставшись вдовцомъ, съ двумя малютками, я не зналъ, какъ буду жить и что дѣлать. Но думай, не думай, а въ Москву надо воротиться. Снарядилъ — нанялъ я себѣ у Коровина большущій рыдванъ и, уложивъ свои пожитки, засадилъ въ него сиротокъ съ нянькой и кормилицей, да простясь съ добрыми казанскими товарищами, отправился въ путь. Дорогой, отъ Казани, много мнѣ пришлось вынесть всякихъ передрягъ и невзгодъ. Въ ту пору случилась оттепель; по Волгѣ мѣстами почти сплошь стояла поверхъ льда вода. Съ великимъ страхомъ приходилось намъ ѣхать чуть не вплавь, а между тѣмъ по рѣкѣ шелъ почтовый трактъ и даже стояли версты — все какъ слѣдуетъ. Нерѣдко возлѣ самой дороги виднѣлись громадныя полыньи, въ которыхъ стращно шумѣла темная вода. До самаго Нижняго я все былъ въ тревожномъ состояніи, только выѣхавъ на Владимірское шоссе, я успокоился, но, впрочемъ, и тутъ пришлось не мало вынести непріятностей отъ неаккуратности передаточныхъ возницъ: за Вязниками дали намъ такихъ лошадей, что они, отъѣхавъ верстъ пять, стали.

— Что же, ямщикъ, — спрашиваю я, — лошади-то вѣдь, не довезутъ до станціи?

— Господи батюшка! завопилъ онъ, — что жъ я стану дѣлать? Злодѣй-то, нашъ хозяинъ, не далъ лошадкамъ-то и вздохнуть; только что вернулись съ прогону, а онъ кричитъ: закладай ихъ. Вотъ те и закладай!

Дѣлать нечего, пришлось лошадей съ ямщикомъ отослать назадъ, а свѣжихъ привесть. На тотъ случай поднялась такая вьюга-мятель — свѣту Божьяго не видно! Ужъ я дежурилъ, дежурилъ у повозки-то; боялся, чтобы волки не набѣжали, или какіе лихіе люди не напали, — насилу-то дождался ямщика съ лошадьми. Затѣмъ до Владиміра доѣхали благополучно, но вотъ бѣда: денегъ, какъ есть, не осталось ни гроша! Что мнѣ дѣлать? На мое счастіе, какъ разъ во Владимірѣ, у гостиницы, встрѣтился знакомый актеръ Борщевскій.

— Здравствуй, другъ Иванъ Ивановичъ! Слышали мы отъ казанскаго знакомца о твоемъ несчастіи. Что дѣлать! власть Божія. Теперь-то ѣдешь въ Москву?

— Да, братъ, Саша, тянусь съ сиротками! Да признаться тебѣ откровенно, остался безъ гроша денегъ; не знаю, какъ и добраться до Москвы. Ты не можешь ли одолжить мнѣ?.. изъ Москвы вышлю тебѣ.

— Съ удовольствіемъ! отвѣтилъ онъ: только я тебѣ посовѣтовалъ бы остаться да сыграть у насъ спектакля два-три, право! Заработаешь себѣ. Директоръ же у насъ, М. М. Харитовъ, человѣкъ богатый и добрый. Ты принарядись-ка да пойдемъ къ нему, я тебя ему представлю.

Конечно, я тотчасъ же на это согласился. И вправду, М. М. Харитовъ принялъ меня любезно и предложилъ сыграть два спектакля по 50 руб. за вечеръ, а третій — пополамъ съ дирекціей.

Во время пребыванія моего во Владимірѣ я познакомился съ любителями театра: г. Пушкевичемъ, графомъ Апраксинымъ и госпожей Рахмановой; всѣ они оказали мнѣ свое участіе и расположеніе. Г-жа Рахманова была столь добра, что для моей дочки Вареньки составила дѣтскій вечерокъ. Отъ всѣхъ трехъ спектаклей мнѣ досталось получить отъ дирекціи около трехсотъ руб. Довольный такимъ неожиданнымъ случаемъ, я, поблагодаривъ Борщевскаго и М. М. Харитова, поѣхалъ въ Москву.

Въ 1859 году познакомился я съ Сергѣемъ Алексѣевичемъ Усовымъ, къ нему ввелъ меня Яковъ Карловичъ Кель. Кель хотя на видъ и маленькій человѣкъ, но музыкантъ съ громаднымъ знаніемъ; онъ былъ отличный органистъ и піанистъ. Великій М. И. Глинка лично знавалъ и любилъ его. Въ Москвѣ въ то время проживалъ извѣстный меломанъ Константинъ Александровичъ Булгаковъ; у него на музыкально-литературныхъ вечерахъ собирались и русскія и европейскія знаменитости. Въ одномъ изъ этихъ собраній разыграно было сочиненіе Я. К. Келя съ такими исполнителями: на фортепіано — М. И. Глинка, на скрипкѣ — Вьетанъ, на віолончели — Шубертъ, а самъ авторъ — на фисъ-гармоніи. За это произведеніе они его очень хвалили. Вотъ съ этимъ-то Я. К. Келемъ мы часто проводили вечера у добродушнаго и привѣтливаго С. А. Усова; кружокъ у него собирался занимательный, веселый; тутъ собирались и музыканты и артисты, какъ-то:

Александръ Ивановичъ Дюбюкъ, нашъ знаменитый музыкантъ-піанистъ Фришманъ, скрипачъ М. П. Владиславлевъ, П. М. Садовскій и другіе.

Надо было видѣть и слышать, когда, послѣ пѣнія и музыки, всѣ засядутъ за большой круглый столъ и поведутъ дружескую бесѣду. А. И. Дюбюкъ былъ великій мастеръ на розсказни, а ужъ какъ П. М. Садовскій, если онъ въ расположеніи, станетъ читать или разсказывать, ну, тутъ просто потеряешь силы отъ смѣха! Да, хорошіе были вечера у С. А. Усова.

(1860 годъ).

Осенью привезли въ Москву изъ Крыма тѣло умершаго артиста С.-Пб. театровъ Александра Евстафьевича Мартынова. На короткое время помѣщенъ онъ былъ въ Даниловскомъ монастырѣ. Во вторникъ 6-го сентября почти всѣ московскіе артисты и многіе изъ почитателей его таланта собрались на панихиду, послѣ которой проводили покойнаго на Петербургскую желѣзную дорогу.

Какого великаго артиста лишилась сцена! Я полагаю, еще многіе помнятъ высоко-художественную игру А. Е. Мартынова; мнѣ же никогда не забыть первой встрѣчи съ нимъ въ Рыбинскѣ. Ѣхалъ онъ по, приглашенію, въ Нижній по Волгѣ, а я это время съ К. Н. Полтавцевымъ участвовалъ въ театрѣ антрепренера Смирнова.

А. Е., остановившись въ Рыбинскѣ, узналъ, что Полтавцевъ здѣсь, пожелалъ съ нимъ повидаться. Отправились въ домъ городничаго, у котораго А. Е. остановился. Въ это время я его не только лично, но и по портрету не знавалъ, и подивился же я не мало, взглянувъ на Мартынова: можно ли было думать, что стоящій передо мной женственно-красивый человѣкъ былъ одинъ изъ первѣйшихъ комиковъ въ Россіи! Однако я скоро убѣдился, что А. Е. Мартыновъ дѣйствительно таковъ, какъ о немъ писали и говорили. По убѣдительной просьбѣ рыбинскаго общества и слезныхъ прошеній содержателя Смирнова, А. Е. согласился сыграть два спектакля и то только въ легкихъ пьесахъ, потому что съ дороги чувствовалъ себя утомленнымъ.

Нечего говорить, что билеты на всѣ мѣста разобрали въ нѣсколько часовъ. Въ первый вечеръ игралъ онъ въ двухъ водевиляхъ: „Дядюшка-болтушка“ (дядю) и „Ай да французскій языкъ!“ (матроса). При первомъ же выходѣ его, я смотрю и не узнаю: Мартыновъ ли это? Нѣтъ, не онъ! И голосъ совсѣмъ другой! Да, это настоящій дряхлый старикъ-болтунъ. А потомъ, какъ онъ былъ типиченъ, оригиналенъ и до упаду смѣшенъ въ роли матросика!

Вотъ такъ исполненіе! Весь театръ привелъ онъ въ восторгъ неописанный! Вѣчная память тебѣ, великій артистъ.

Съ этого года наша русская опера стала падать. Причинъ тому было много. Меломаны заговорили, что русскіе пѣвцы и пѣвицы начали линять и уже не удовлетворяютъ вкусу современной публики, а пріѣзжавшіе, по временамъ, изъ Питера италіанскіе и русскіе артисты въ своихъ концертахъ приводили москвичей въ восторгъ.

Кромѣ того и высшая театральная власть явно не сочувствовала намъ, къ этому еще и въ нѣкоторыхъ газетахъ настойчиво требовали отъ дирекціи имѣть на московской сценѣ италіанскую оперу или хоть какую-нибудь, да иноземную. Верстовскій сильно противился вторженію сладкозвучныхъ иностранцевъ. „Разорятъ они наши карманы, да и оперу русскую это поведетъ къ упадку“, такъ отписывался Алексѣй Николаевичъ. Не лучше ли будетъ дополнить настоящій составъ свѣжими, хорошими голосами? совѣтовалъ онъ. Но Питеръ, какъ видится, рѣшился наложить свою суровую руку на нашу гонимую оперу. И вотъ, должно быть, для опыта присланы были въ Москву пѣвцы и пѣвицы разномастныхъ національностей; съ появленіемъ ихъ, образовалась какъ будто бы италіанская опера. Для лучшаго уясненія я помѣщаю здѣсь письмо, писанное подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ къ одному русскому пѣвцу въ Италіи.

„Мой другъ! Ты, вѣроятно, удивился, получивъ мое письмо? Что не писалъ тебѣ прежде, какъ обѣщалъ, такъ этому были уважительныя причины. Мой друже! Ты помнишь жену мою, добрую Лизу... она умерла и тебѣ приказала долго жить. Схоронилъ я ее въ Казани 10-го декабря 1858 года. Оставила она дочь Варю и сына 6-ти мѣсяцевъ. Сталъ я съ той

поры горе мыкать! Нужды мои увеличились, служба ничего лучшаго не обѣщала, такъ я и махнулъ рукой на свое искусство. Пропало, братъ, все рвеніе! Всѣ надежды улетѣли! А ты знаешь, что я, при другой обстановкѣ, могъ быть порядочнымъ и небезполезнымъ. За всѣ эти шесть лѣтъ, играя много первыхъ ролей, не могъ добиться ни разовыхъ, ни полубенефиса, только и соблаговолила дирекція къ моему скудному жалованью въ 400 руб. прибавить сперва сто, а потомъ двѣсти руб. Наша мертвящая казенная служба уничтожаетъ въ артистахъ и способности и стремленія; немногимъ удастся выбраться на торную дорогу. Впрочемъ, ты отчасти знакомъ съ нашимъ чиновничьимъ правленіемъ. Про настоящій составъ нашей оперы скажу тебѣ, что съ появленіемъ Владиславлева и Бушекъ опера оживилась. Владиславлевъ удачникъ; въ короткое время зашибъ копейку такую, что что домикъ себѣ сгоношилъ. Еще бы прибавить къ намъ нѣсколько свѣжихъ силъ съ хорошими голосами, и русское дѣло пошло бы, такъ нѣтъ! Прислали въ Москву нѣсколько лицъ собственно для италіанскихъ оперъ; составъ слѣдующій: Бушекъ — сопрано, Фодоръ — теноръ, Мео — баритонъ, Бендеръ — контральто, Викки — басъ. Вторыя роли дополнялись изъ вашей труппы, а затѣмъ мы, все-таки, продолжали именоваться русской оперой. Попрежнему, иногда при участіи вышесказанныхъ лицъ, распѣвали оперы и русскія, и французскія, и италіанскія. Нерѣдко мы успѣхъ имѣли большій, чѣмъ названные итальянцы. Мое личное мнѣніе таково, что лучше бы этихъ пѣвуновъ и не присылать; ужъ если выписывать, такъ хорошихъ, какъ въ Петербургѣ, а то вышло ни то, ни се. Мео, правда, имѣетъ чудесный голосъ, но часто фальшивитъ немилосердно; Фодоръ на пути къ утратѣ голоса, вслѣдствіе чего тоже детонируетъ; Бендеръ — пѣвица изъ рукъ вонъ плохая; Бушекъ, хотя и умѣлая пѣвица, но тоже выпѣваетъ съ трудомъ, поэтому кричитъ и ломается — слушать тяжело; — куда ей до Семеновой! Викки — устарѣлый басъ и, право, хуже Курова. Но, несмотря на всѣ ихъ недостатки, публика имъ рукоплещетъ. Удивляться этому нечего: тебѣ вѣдь вѣдомо, что въ Москвѣ для знанія и искусства очень немного людей!... Дикихъ понятій и убѣжденій еще хватитъ не на одно поколѣніе“.

(Съ 1861 года.)

Духъ италіоманіи настолько овладѣлъ интеллигентнымъ обществомъ и даже купечествомъ, что Верстовскому стало бороться не подъ силу, да и въ Петербургѣ желаніе московскихъ граждан принято было съ благосклоннымъ вниманіемъ. Немедля, Верстовскому дана была отставка и на мѣсто его поступилъ съ большими правами А. Ф. Львовъ; Пельтъ получилъ мѣсто инспектора репертуара. Пошла по театру и въ конторѣ сильная передряга. Всѣ полагали, что съ появленіемъ такого знатока музыки и любителя, какъ Львовъ, театръ московскій возобновится и процвѣтетъ. Чиновники и хищники вострепетали; думали всѣ, что конецъ ихъ владычеству. И, вправду, свѣжее начальство какъ будто не на шутку принялось укладывать новые, хорошіе порядки: оркестръ увеличенъ, улучшенъ; для музыкантовъ создали новую должность — инспектора музыки, въ лицѣ Минкуса, скрипача; декораціи, костюмы возобновлены. Названную италіанскую оперу соединили съ русскою въ единое стадо, пригласили еще нѣсколько пѣвцовъ и пѣвицъ изъ Чехіи, Германіи, Италіи и даже Франціи, и все это сборище должно было распѣвать по-русски, но, по незнанію русскаго языка, всякій изъ нихъ выковыривалъ на свой ладъ и то съ большой потугой, стараясь осилить варварскій говоръ, какъ они выражались. Видитъ нашъ новый вице-директоръ, что дѣло идетъ нескладное, задумалъ составить настоящую, кровную италіанскую оперу.

На звонкій призывъ русскаго золота скоро слетѣлись на хладный сѣверъ дивные голоса, дивные пѣвцы, пѣвицы: тутъ Арто, Фриччи, Гасье, Віолетти и много, много такихъ, что не запомню. Возликовали меломаны! Засіяли блаженствомъ личики московскихъ красавицъ, а особливо жирныхъ купчихъ! Зашумѣлъ, загудѣлъ нашъ театръ отъ безчисленныхъ вызововъ! Цвѣты, многоцѣнные подарки дождемъ полетѣли на сцену! Такіе успѣхи все больше и больше отуманивали головы и сердца любителей италіанской оперы. Особенно рьянымъ поклонникомъ оказался одинъ армянинъ-маклеръ...

И пошли, это, иностранные соловушки мѣняться каждогодно. Все это было бы хорошо, если бъ при такой роскошной и богатой обстановкѣ были вознаграждены и наши рус-

скіе труженики, а то оркестръ, а въ особенности хоръ, съ участвовавшими на малыхъ роляхъ, каждодневно, по два раза, сгонялись на репетицію. За свой трудъ они не имѣли другого вознагражденія, кромѣ грошоваго жалованья, да, помимо того, еще на нихъ безпрестанно сыпались брань и ругательства то отъ режиссера-деспота Савицкаго, то отъ дерзкаго капельмейстера. Одинъ разъ даже самъ вице-директоръ Л. кинулся на хоръ съ кулаками, осыпая при этомъ всѣхъ площадною бранью. А за что? За то, что осмѣлились попросить прибавку и не мучить ихъ понапрасну непосильнымъ трудомъ! Женскій хоръ вздумалъ было пожаловаться въ Петербургъ директору, да начальство вкупѣ съ режиссеромъ и капельмейстеромъ устроили хору одиночные допросы. Ну, конечно, которыхъ уговорили, а которыхъ застращали! Такъ это дѣло и погасло *).

Оказалось, однакожъ, Верстовскій былъ правъ, предсказывая разореніе и упадокъ русскаго искусства отъ иноземцевъ. Дефициты годъ отъ году накоплялись ужасные; всѣ наши труппы, особенно Малый театръ, только и работали на дорогихъ иноземцевъ. Придумалъ нашъ вице-директоръ сдѣлать экономію. Для этого онъ еще и прежде, какъ будто предвидя такія дѣла, уволилъ почти всѣхъ прежнихъ русскихъ оперныхъ пѣвцовъ и пѣвицъ, теперь же сталъ исключать изъ балета и Малаго театра. Къ сожалѣнію отъ этой комбинаціи пострадали бѣдняки, которые и такъ-то всю жизнь бились-колотились съ безысходной нуждой и тянули службу ради пенсіи. Но расчетливый начальникъ, несмотря на мольбы, слезы и отчаяніе несчастныхъ, далъ имъ отставку, тогда какъ нѣкоторымъ оставалось выслужить до срока, кому два-одинъ годъ, а то и нѣсколько мѣсяцевъ, какъ напр. Петру Рябову. А между тѣмъ паразиты и хищники попрежнему загребали, сколько влѣзетъ. Таковыми загребистыми лапами отличались режиссеры, механики, любимчики и разные закулисные дѣльцы.

Дѣла по театру все шли труднѣй и труднѣй. Видитъ нашъ начальникъ, что дѣло плохо, придумалъ русскую оперу совсѣмъ порѣшить да еще у артистовъ Малаго театра сократить жалованье и разовые. Но драматическіе актеры показали

---

*) Это событіе передали мнѣ нѣкоторые изъ хора.

вице-директору опасные зубы. Противъ нихъ вицъ смирился. Зато онъ набросился на русскую оперу и послалъ въ Питеръ бумагу съ предложенiемъ уничтожить русскую оперу, прибавивъ, что этого и всѣ въ Москвѣ желаютъ. Министръ, какъ былъ слухъ, на доводы эти согласился и будто бы даже поднесъ этотъ проектъ Государю, но добрый нашъ царь Александръ Николаевичъ на уничтоженiе русской оперы не согласился, а, напротивъ, приказалъ ее возстановить и поддержать. Такого казуса чиновный мiръ не ожидалъ! Скрѣпя сердце, принуждены были они драгоцѣнныхъ пѣвуновъ приглашать только по временамъ, на короткiй срокъ.

На робкiй кличъ дирекцiи скоро слетѣлись русскiе пѣвцы и пѣвицы съ разныхъ сторонъ, какъ-то: Сѣтовъ, Орловъ, Раппопортъ — тенора; Демидовъ, Артемовскiй — басы; Фабiанбiанки, Александро, Кохъ, Анненская — сопрано; Оноре — контральто и др.

Вмѣсто умершаго Штуцмана должность капельмейстера заняли Шрамекъ и Мертенъ.

Дѣло пошло на славу. Къ этому случаю прибылъ въ Москву и Александръ Николаевичъ Сѣровъ съ своей художественной и умной оперой „Рогнѣдой", а потомъ и директоръ Императорскихъ театровъ былъ новый, замѣстившiй умершаго А. М. Гедеонова. Когда нашъ главный начальникъ прибылъ въ Москву, то при нашемъ представленiи ему, сказалъ всѣмъ труппамъ рѣчь, значенiе который заключалось въ томъ, что онъ будетъ всѣми силами содѣйствовать процвѣтанiю русскаго искусства. Соболѣзнуя малому вознагражденiю за тяжелый трудъ оркестра, хора, кордебалета и вообще всѣхъ получающихъ крайне недостаточное жалованье, онъ обнадежилъ своимъ словомъ выхлопотать хорошiя прибавки.

Возликовала вся наша театральная голытьба! Веселые и довольные, шли они коридорами театра, скакаша, играша, яко Аввакумъ передъ сѣннымъ ковчегомъ; чиновникамъ своимъ показывали носы, на что эти отвѣчали только лукавой, двусмысленной улыбкой... Досадно, право! Точно не вѣрятъ директорскому слову и обѣщанiю! Ну, ужъ это явная супротивность начальству!

Между тѣмъ ждать-пождать — ни директора нашего, ни распоряженiй какихъ, ничего нѣтъ! То-есть ни слухомъ не

слыхать, ни видомъ не видать! Потомъ ужъ пришла вѣсть, что и директоръ новый назначенъ — шталмейстеръ двора. Вотъ тебѣ и спичъ! Вотъ тебѣ и директорское обѣщаніе!

Не долго погарцовалъ и московскій вицъ! Сказывали, его за какія-то дѣла, по-царскому велѣнію, отрѣшили отъ должности и, кромѣ того, будто бы ему велѣно выѣхать изъ столицы въ 24 часа. Всплакнули тутъ хапуны, хищники и тунеядцы, а съ ними взревѣли и кредиторы. Очевидцы говорили, что одинъ изъ заимодавцевъ, разжирѣвшій и нажившійся капельдинеръ, не надѣясь получить съ опальнаго долгъ, увелъ съ его двора корову.

Для этого казуснаго случая кто-то нанялъ шарманщиковъ наигрывать, однихъ: „ты поди, моя коровушка, домой", а другихъ: „не уѣзжай голубчикъ мой". Шутники, право! Чего не выдумаютъ! Мѣсто уволеннаго вицъ занялъ Н. И. Пельтъ; инспекторомъ репертуара утвержденъ В. П. Бѣгичевъ. Ну, тутъ и чиновникамъ, особливо женскому полу, пришла лафа! Подняли голову и паразиты съ хапунами. Однимъ словомъ — вывернули шубу наизнанку.

Снова возобновилось желаніе у публики и у дирекціи имѣть въ Москвѣ излюбленную италіанскую оперу. Ловкій и пронырливый антрепренеръ Мерелли тотчасъ почуялъ добычу. На зовъ дирекціи и москвичей онъ не замедлилъ явиться, и при содѣйствіи барона Кистера открылся въ Москвѣ абонементъ. Публика въ драку полѣзла за билетами. Да оно и не диво, когда въ анонсѣ красовались такія имена, какъ Патти, Нильсонъ, Вольпини, Скальки, Николини, Граціани, Богаджіоло, Джаметъ, Ротта, Ноденъ и другія знаменитости. И въ самомъ дѣлѣ было что и послушать. Вотъ это такъ настоящая италіанская опера! При нихъ мы распѣвали только по праздникамъ, царскимъ днямъ и въ бенефисы.

Въ нашу труппу затесался скиталецъ изъ италіанскихъ странъ — Финоки. Ужъ и голосъ растрескался и поетъ-то, какъ пьяный съ перепоя, да и выговоръ скверный, а начальство, все-таки, его такъ возлюбило, что онъ получаетъ полный окладъ, разовыхъ 20 руб. да бенефисъ; кромѣ того еще, дезертируя отъ русскихъ къ итальянцамъ, и тамъ гешефтъ получалъ не малый.

Въ 1875 году кончился срокъ моей службы на казенной

сценѣ. Итакъ за 20 лѣтъ я, кромѣ жалованья въ 700 руб. не получилъ ни разовыхъ, ни полубенефиса за все время. Что дѣлать! Не пользовался я расположеніемъ ни режиссера, ни добраго моего начальства. Въ награду за мою службу обязали меня безъ всякаго вознагражденія прослужить въ дирекціи еще два года; а въ законѣ сказано: „артистъ, прослужа двадцат лѣтъ, въ благодарность долженъ служить еще два года, не требуя вознагражденія болѣе того, что получалъ". Ужъ какъ это умудрилось наше доброе начальство растолковать такую статью въ пользу даровой службы, Богъ вѣсть. Я, однакожъ, не желая даромъ служить дирекціи, сказался больнымъ и попросилъ на годъ отпускъ для излѣченія. Какъ только я сдѣлался свободнымъ, тотчасъ же директоръ Кіевскаго театра Іосифъ Яковлевичъ Сѣтовъ пригласилъ меня въ свою оперу, съ вознагражденіемъ 150 руб. въ мѣсяцъ и это только лишь за исполненіе двухъ ролей: княжого дурака въ „Рогнѣдѣ" и Торопки въ „Аскольдовой могилѣ".

Кіевъ.

(1876 годъ.)

Въ августѣ, 8 числа, 1876 года пріѣхалъ я во святой градъ Кіевъ. При въѣздѣ въ него мнѣ вспомнились стихи А. С. Пушкина:

„То ль дѣло Кіевъ! Что за край!
Валятся сами въ ротъ галушки.
Виномъ хоть пару поддавай!
А молодицы, молодушки!
Ей, ей, не жаль отдать души
За взглядъ красотки чернобровой..." и пр. и пр.

Оно, положимъ, въ наше время въ Кіевѣ уже не валятся въ ротъ галушки, да и горилки знаменитой не достанешь и за большія деньги, а все-таки край хорошій и привольный. Не даромъ здѣсь во множествѣ поселились нѣмцы, поляки да жиды! Да, Кіевъ городъ большой, красивый и съ грандіозными постройками. Это скорѣй столица, а не губернскій городъ. Все меня въ немъ восхищало: тамъ университетъ съ обширнымъ превосходнымъ садомъ, а на горахъ высоко

вздымаются храмы и стройные тополи; за широкимъ Днѣпромъ разстилаются необъятные луга, сливаясь съ едва виднѣющимися вдали лѣсами.

О Печерскомъ монастырѣ, соборахъ, памятникахъ и древностяхъ нечего мнѣ и говорить, — кто ихъ не знаетъ и не видалъ!

Театръ оперы каменный, хорошей постройки, внутренность его отдѣлана изящно, со вкусомъ; декораціи, писаны Аккерманомъ, однимъ изъ лучшихъ декораторовъ Императорскихъ театровъ; костюмы и вообще аксессуары превосходные! Очень хорошъ и оркестръ, состоящій изъ 44 музыкантовъ; управлялъ имъ едва ли не лучшій въ Россіи капельмейстеръ Ипполитъ Карловичъ Альтани, воспитанникъ Петербургской консерваторіи. Хоръ состоялъ изъ 48 человѣкъ и тоже достоинствомъ соотвѣтствовалъ оркестру; всѣ мужскіе и женскіе голоса молодые, отличные. Когда въ первый разъ я услышалъ ихъ въ оперѣ „Жизнь за царя“, то подумалъ, что ихъ сто человѣкъ поетъ *).

Жалованья полагалось для первыхъ сюжетовъ отъ 300 до 700 р. с. въ мѣсяцъ, вторыхъ — отъ 75 до 150 р. с. кромѣ бенефисовъ. Хоръ получалъ отъ 50 до 100 руб. сер.

Лавровская и Мерли получали отъ каждаго спектакля по 360 руб. сер.

Репертуаръ состоялъ изъ оперъ:

„Жизнь за царя“, „Фаустъ“, „Севильскій цырюльникъ“, „Донъ-Жуанъ“, „Травіата“, „Жидовка“, „Гугеноты“, „Волшебный стрѣлокъ“, „Опричники“, „Трубадуръ“, „Линда“,

---

*) Вотъ составъ всей труппы сезона 1876 — 1877 годовъ.

Примадонны сопрано: Массини, Павловская, Макарова, Ираклиди; на вторыя роли: Дубасова, Шаеровичъ, Паули; контральто: Лавровская, Пускова, Бородина и Латышева; тенора: Барцалъ, Васильевъ, Лавровъ, Жуковъ; баритоны: Борисовъ, Павловскій, Стрѣлецкій; басы: Мерли, Демидовъ, Бѣлявскій, Николаевъ; на вторыхъ роляхъ: Захарьевичъ, Сотниковъ.

Режиссеръ Давидъ, помощникъ его Фрицъ; главный капельмейстеръ Альтани, помощникъ его и учитель хора—Паули; концертмейстеръ Бюхнеръ; солистъ-скрипачъ Зигель; декораторъ Аккерманъ; гардеробмейстеръ Маковецкій; завѣдующій электрическимъ освѣщеніемъ — Лунинъ, газовымъ — Луговскій; смотритель и секретарь Левченко; контролеръ Гурскій

Балетныхъ персонъ имѣлось четверо мужчинъ и шесть женщинъ.

„Риголетто“, „Рогнѣда“, „Фенелла“, „Аида“, „Зора“, „Африканка“, „Кузнецъ Вакула“ и „Аскольдова могила“.

Особенные любимцы публики были: Лавровская, Массини, Павловская, Мерли и Барцалъ, впрочемъ хорошо также были приняты и остальные. Демидовъ пропѣлъ только два спектакля и, по болѣзни, обратно уѣхалъ въ Москву, гдѣ вскорѣ и умеръ.

Нечего говорить, что Лавровская и Мерли были лучшимъ украшеніемъ оперы. Мерли первый изъ первыхъ басъ-баритоновъ въ Италіи; онъ еще въ первый разъ пѣлъ въ Россіи и пріѣзжалъ въ Кіевъ случайно; необычайно хорошо онъ исполнялъ роли: шута въ „Риголетто“ и Сусанина въ „Жизнь за царя“, хотя послѣднюю партію онъ пѣлъ по италіански, но выдержалъ характеръ и манеру удивительно типично и вѣрно. Говорили, онъ два года изучалъ эту роль и очень сожалѣлъ въ Кіевѣ, что не приготовилъ ее по-русски. Во весь сезонъ почти всѣ спектакли шли при полныхъ сборахъ. Театръ вмѣщалъ при обыкновенной цѣнности на 1400 р., а въ бенефисъ или при участіи кого-нибудь изъ двоихъ: Лавровской или Мерли — сборъ доходилъ до 2000 р. Сѣтовъ имѣлъ отъ общества театръ безплатно, да еще ему отъ города выдавалось субсидіи 6000 р.

Постомъ Великимъ хотя Сѣтовъ и оставлялъ меня у себя служить, но я увлекся предложеніемъ другого содержателя оперы, П. М. Медвѣдева, въ Нижнемъ-Новгородѣ во время ярмарки и потомъ въ Казани. Послѣ я очень сожалѣлъ, что не остался въ Кіевѣ. Съ Медвѣдевымъ я не поладилъ и послѣ ярмарки возвратился въ Москву. Съ тѣхъ поръ я рѣшился ужъ оставить сцену совсѣмъ, хотя мнѣ было очень тяжело и грустно разставаться навсегда съ любимымъ мною искусствомъ.

КОНЕЦЪ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стран.

Дѣтство 5
Нижній-Новгородъ (1834 г.) 13
Ростовъ . . . . . —
Москва 15, 39, 168, 201
Плисовая и кордовая фабрики М. А. П-ва 19
Тверь 25
Село Гарино 30
Кража генеральской дочки 33
Владиміръ 40
Астрахань 48
Вверхъ по Волгѣ (1845) 78
Царицинъ 80
Воронежъ 83, 131, 134
Тамбовъ 86, 103, 134, 144, 192
Темниковъ 97, 178
Кирсановъ 103
Пенза 106
Таганрогъ (1847) 111
Бахмутъ 122
Ростовъ на Дону (1848) 123
Новочеркасскъ 124
Харьковъ 131, 155
Полтава 132
Тула 135, 142, 147
Калуга 139
Рязань 143, 170, 193
Мещовскъ 148
Тула. По дорогѣ въ Харьковъ 151
Сонъ 153, 183
Курскъ (1853) 155
Коренная пустынь 161
Тула и Калуга 163
Касимовъ 173
По дорогѣ въ Темниковъ . . . . . —
На пчельникѣ 174
Санаксырь 190
Паденіе колокола «Ре-утъ» 202
Петербургъ 204
Муромъ 207
Саровская пустынь 208
Темниковъ (1856) 210
Москва (1856) 216
Коронація Александра II 217
Кіевъ (1876) 231



